

Библиотека Национальной
Ассоциации Драматургов

Александр Арндт

Этот день Победы!

Москва, 2022

А840

Александр Арндт

Этот день Победы!. Сборник пьес. – Москва: Национальная ассоциация драматургов, 2022. – 224 с. – (Серия «Библиотека Национальной Ассоциации Драматургов»).

А840

Книга драматических произведений Александра Арндта получилась на редкость «многопрофильной».

В комедии «ГСК «Вечный зов» на фоне незамысловатого советского быта в ожидании очереди на машину (поймёт ли это современный зритель?) перед нами проходит жизнь целой семьи. И жизнь большой страны тоже. Тем не менее текст лишён отрицательных коннотаций и, напротив, исполнен мягкого лиризма и добродушного юмора. Так что в её развязке даже трудно понять, чего больше в произведении: неожиданной ностальгии или беззлобной социальной иронии?

Пьеса «Этот день Победы!», как это нередко бывает в драматургии, вырастает из анекдотичного случая, что не мешает А. Арндту удачно прописать узнаваемые характеры солдат и офицеров Советской армии начала 1980-х годов XX века. Казалось бы чисто формальное мероприятие: реконструкция боя солдат Советской армии с немецко-фашистскими войсками при взятии рейхстага перерастает в конфликт между военнослужащими, изображающими советских и немецких солдат, и который протекает не только на «поле боя», но и продолжается в казарме днём и ночью.

Инсценировка «Аркадий Аверченко. Автобиография» создана на основе произведений известного дореволюционного фельетониста. Минимум авторского текста и максимально полное использование творений самого персонажа, яркого и остроумного, позволяют А. Арндту воссоздать в драме сатирическую картину России начала XX века с осязаемым оттенком горечи от случившегося со страной и её обитателями потом.

«Отцы Магнитку строили, а мы – автозавод» – это не пьеса в классическом понимании, а буффонада: смешно, если понимать фактуру и время.

Особенно стилистически ярко выделяется инсценировка В. Шипкова «Спектакль в селе Огрызово», она ещё смешнее, если учесть языковое своеобразие Зоценко и Платонова. Правда, для этого надо быть элементарно начитанным.

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус)-6

©Александр Арндт, текст, 2022
© Национальная Ассоциация
Драматургов, 2022

Александр Арндт

Арндт Александр Оттович – прозаик, драматург.

Рассказы печатались в сборниках издательств «Молодая гвардия», «Современный писатель», «Современник», в журнале «Магазин Жванецкого».

Издal две книги: «За двадцать лет до новой эры» (1999), «Всемирная история Ставрополя-на-Волге, или От рваной майки до чёрной «Чайки» (2008).

В 1980-е годы – сценарист команды КВН Волжского автомобильного завода.

Автор инсценировки «Аркадий Аверченко. Моя биография» и пьесы «ГСК «Вечный зов», принятой к постановке в молодёжном драматическом театре «Дилижанс» г. Тольятти (премьера состоялась 10 апреля 2020 г.).

Оглавление

Этот день Победы!	5
ГСК «Вечный зов»	44
Отцы Магнитку строили, а мы – автозавод	90
Аркадий Аверченко. Автобиография	132
Спектакль в селе Огрызово	197

Этот день Победы!

Комедия

Действующие лица

Кошелев Михаил Сергеевич – 48 лет, подполковник, командир батальона

Сиротин Андрей Иванович – 45 лет, майор, начальник штаба батальона

Куролесин Александр Иванович – 50 лет, майор, заместитель командира батальона по политической части

Ситник Сергей Сергеевич – 30 лет, старший лейтенант, командир 3-й роты

Федорчук – 49 лет, прапорщик, старшина батальона

Иноземцев – 19 лет, ефрейтор, водитель комбатовского УАЗика

Столбов Михаил – 30 лет, старший лейтенант, офицер штаба дивизии

Елисеев – 36 лет, капитан, офицер штаба дивизии

Кравец – 25 лет, лейтенант, офицер штаба дивизии

Нигматулин – 32 года, старший лейтенант, офицер штаба дивизии

Онищук – 25 лет, лейтенант, командир 1-го взвода

Младший сержант – 20 лет

Казарян – 20 лет, рядовой, старослужащий

Ерофеев – 20 лет, младший сержант, командир 3-го взвода

Вера Ивановна – 43 года, старший лейтенант медицинской службы, фельдшер

Ворошилов Игорь Сергеевич – 19 лет, рядовой, комсорг 1-го взвода

Пузанов – 19 лет, рядовой

Рыженков – 18 лет, рядовой

Ефрейтор – 20 лет

Мухаметзяров – 20 лет, рядовой

Шапиров – 28 лет, лейтенант, командир 3-го отделения

Петраускас – 19 лет, рядовой.

Связист – 20 лет, сержант

1-й рядовой – 20 лет

2-й рядовой – 20 лет

1-й немец – 20 лет, рядовой

2-й немец – 20 лет, рядовой

3-й немец – 20 лет, рядовой

4-й немец – 20 лет, рядовой

Каптёрщик – 19 лет, рядовой

Свинопас – 19 лет, рядовой

Попов – 20 лет, сержант

1-й солдат – 18 лет, рядовой

2-й солдат – 18 лет, рядовой

СЦЕНА 1

1985 год. В кабинете командира батальона совещание.

Голос за кадром. Любое совпадение с реальными событиями и героями совершенно случайно.

Кошелев. Товарищи офицеры, я вас собрал, чтобы сообщить, как это говорилось в «Ревизоре» Гоголя, пренеприятнейшее известие: получена телефонограмма из штаба дивизии. Приближается праздник – 40-летие Великой Победы над фашистской Германией. Нам оказано высокое доверие: организовать праздник в виде реконструкции взятия Рейхстага бойцами Советской армии.

Сиротин (*подсказывает*). Инсценировать.

Кошелев. Так точно, Андрей Иванович, именно инсценировать. Макет Рейхстага соорудит на нашем полигоне команда из стройбата. Трибуну – тоже.

Ситник. Товарищ подполковник, разрешите вопрос? (*Командир третьей роты от волнения немного краснеет.*)

Кошелев. Товарищи, все вопросы – потом. Итак, на всё про всё у нас – месяц. Вопросы есть?

Федорчук. У меня вопрос. (*Прапорщик встёт.*) Трибуна зачем?

Кошелев. Хороший вопрос. За всей этой... за всем этим спектаклем, если так можно выразиться, будут наблюдать гости. Командир дивизии, члены обкома, горкома партии. Точный список гостей будет представлен позднее. Не с поля же наблюдать. Поэтому и будет возведена трибуна для гостей.

Федорчук (*беспокойно*). А советских солдат во что одевать? В форму образца сорок третьего года, или как? У нас на складе НЗ такого нет.

Кошелев. Товарищи офицеры. Никаких дополнительных ресурсов для выполнения задачи нам никто не даст. Это же вроде спектакля. Всё условно. Форма обыкновенная. Оружие современное.

Федорчук. А немцев всё-таки как одевать будем?

Кошелев. А вот это надо обдумать. Вы, товарищ Федорчук, старшина, вы и думайте. Как говорится, вам и флаг в руки. Серпасто-молоткастый (*комбат пытается пошутить*).

Сиротин. Михаил Сергеевич, может быть, какие-нибудь детали проведения мероприятия указаны, пожелания?

Кошелев. Товарищи офицеры, никаких указаний, как проводить, что делать и так далее не было. Всё отдано нам. Приказано проявить инициативу, про флаг я уже сказал. Короче, смекать надо. Какие будут предложения?

Пауза. Предложений нет.

Кошелев. Одновременно с этим мы не можем парализовать боеготовность части, поэтому для выполнения поставленной задачи назначаю командира третьей роты ответственным за проведение мероприятия. В дни репетиций личный состав роты освобождается от боевой и политической подготовки. Все вопросы, возникающие в процессе работы, прошу решать с начальником штаба – товарищем Сиротиным. За всю идеологическую составляющую будет отвечать замполит старший лейтенант Ситник...

Ситник. Я! (*Встёт по стойке «мирно»*.)

Кошелев. Вы же у нас командир третьей роты?

Ситник. Так точно, товарищ подполковник!

Кошелев. Назначаетесь ответственным за рекогносцировку...

Сиротин (*подсказывает шёпотом*). За инсценировку.

Кошелев. За инсценировку взятия Рейхстага. По окончании будет дан праздничный салют. За салют ответственный майор Сиротин. Совещание окончено.

Все начинают расходиться. Ситник подсаживается поближе к Кошелеву.

Ситник. Михаил Сергеевич, может быть, я в штаб дивизии сгоняю, разузнаю, как там и что? Вдруг подскажут: как они видят, чего от нас ждут?

Кошелев. Хорошо. Завтра с утра бери мою машину и дуй.

СЦЕНА 2

Один из кабинетов штаба дивизии. Несколько столов. За каждым столом по офицеру. Каждый занят своим делом. В кабинет входит Ситник.

Ситник. Здравия желаю, товарищи офицеры! (*Подсаживается к столу Михаила.*) Миша, я тут с гостинцем. (*Раскрыв портфель, выставляет бутылки «КВВК».*)

Столбов (*удивлённо*). О, как! Товарищи офицеры, знакомьтесь: старший лейтенант Ситник, мой однокурсник по Омскому высшему общевойсковому командному дважды Краснознамённому училищу имени Михаила Васильевича Фрунзе. Ныне командир роты. Останешься до вечера? После приговорим. (*Кивает на бутылки.*)

Ситник. Нет, я тут по делу, до 15.00 комбатовскую машину должен вернуть в часть.

Столбов. Как знаешь. (*Убирает бутылки в тумбочку стола.*) Рассказывай, что за горе привело тебя?

Ситник. Понимаешь, тут от вас поступил приказ: на базе нашего батальона провести праздничные мероприятия. А мы ни сном ни духом... Как это должно выглядеть? Ничего понять не можем.

Столбов *(оглядывает присутствующих офицеров).*
Кто-нибудь в курсе?

Елисеев. Я в курсе. *(Подойёл к столу Столбова и присаживается на краешек.)* 40 лет Победы как-никак. К нам из округа пришла разнарядка: в одном месте провести парад, в другом – смотреть военной песни. В общем, таких мероприятий с десятков набралось. Ну, комдив и распределил по батальонам. Вам досталась реконструкция взятия Рейхстага.

Ситник. А как её проводить? Мы этого никогда не делали.

Елисеев. Тут тоже никто не знает. Да не заморачивайтесь. Погнали немцев до Рейхстага, надавали им по щам, водрузили Знамя Победы на крышу макета, покричали «ура», на том и конец. Делов-то.

Ситник. Э-э, не скажи. А во что немцев одевать, а танки пускать? А где Рейхстаг брать?

Елисеев. Ну, это, товарищ старший лейтенант, нам ведомо. Смекалка для чего дана? Проявите инициативу. Что впервой?

Кравец. Немцев оденьте в чёрные хэбэ-комбинезоны.

Нигматулин. Один танк пустите.

Столбов. С пиломатериалами поможем, краски для Рейхстага выделим. Остальное всё – сами.

Елисеев. Да, комдив не вмешивается в процесс подготовки, но если что – выкрутит и высушит. *(Капитан демонстрирует свои слова жестами.)*

Ситник. Вот и наш комбат назначил мою роту исполнять приказ и самоустранился.

Елисеев. Не дрейфь, старлей, морально поддержим.

Столбов. Ты только почаще приезжай к нам.

Нигматулин. С гостинцами.

СЦЕНА 3

Каре из 9–12 человек марширует по сцене. Взвод поёт песню: «У солдата выходной – пуговицы в ряд, Ярче солнечного дня золотом горят.

Часовые на посту, в городе весна.

Проводи нас до ворот, товарищ старшина, товарищ старшина!

Идёт солдат по городу, по незнакомой улице,

И от улыбок девичьих вся улица светла.

Не обижайтесь, девушки, но для солдата главное,

Чтобы его далёкая, любимая ждала».

На сцене майор Сиротин, майор Куролесин, старший лейтенант Ситник, прапорщик Федорчук.

Сиротин *(в руках у него небольшая карта).* Значит, так... здесь будет находиться гостевая трибуна. *(Показывает.)*

Ситник и Федорчук втыкают флажок. Отходят к краю сцены.

Сиротин. Дальше.

Ситник и Федорчук уходят со сцены.

Сиротин. Отставить. Перенесите красный флажок на пятьдесят метров левее, нет, ещё на двадцать левее.

Куролесин. А тот белый надо бы вместе с Рейхстагом сдвинуть метров на двадцать правее.

Команды из-за большого расстояния отдаются криком.

Сиротин. Д-а-а-а-а-а! Да, говорю... Да, говорю, мать вашу... Глухие, что ли?

Куролесин. Говорят вам: да-а-а-а! *(Переkreщивает руки.)*

Взмыленные Ситник и Федорчук подходят к начальству.

Ситник. Андрей Иванович, по-моему, расстояние, которое солдатам придётся бежать до немцев, очень большое. Они помрут, пока добегут.

Куролесин *(отвечает за Сиротина).* Сергей Сергеевич, а как, по-твоему, мы должны показать руководству и мощь Советской армии, и ненависть солдат к Гитлеру, и отвагу

русского солдата, который, несмотря на все лишения и трудности, преодолел врага и загнал его в своё логово, и безрассудную храбрость вот в этом последнем бое?

Сиротин. Действительно. Как всё это можно показать на расстоянии, например, пятидесяти метров, когда это расстояние преодолевается за двадцать секунд? А тут всего каких-то пятьсот метров. *(Назидательно.)* В войну и не такие расстояния пробегали. И вообще... солдат должен стрелять, как Чингачгук Большой Змей, а бегать – как его лошадь. Ладно, поглядим, там видно будет.

Весь состав трупы марширует на сцене и поёт:

Как родная меня мать

Провожала,

Тут и вся моя родня

Набежала:

«А куда ж ты, паренёк?

Ах, куда ты?

Не ходил бы ты, Ванёк,

Во солдаты!

В Красной Армии штыки,

Чай, найдутся.

Без тебя большевики

Обойдутся.

Поневоле ты идёшь?

Аль с охоты?

Ваня, Ваня, пропадёшь

Ни за что ты».

На сцене появляются Куролесин, Сиротин, Кошелев.

Кошелев. Третья рота, на месте-е-е стой! Раз, два. Налле-во! Смирно!

Куролесин. Как вы все знаете, в этом году вся страна будет отмечать великую дату: сорокалетие Великой Победы над немецко-фашистской Германией. Наступил ответственный момент. Нашему батальону оказана высокая честь. Нам до-

верено показать взятие Рейхстага. Никто ещё в мире, кроме нас, этого не делал. Ни в военное время, ни в мирное. Напряжённая международная обстановка не позволяет нашей стране расслабляться, и приходится постоянно держать Вооружённые силы Советского Союза в повышенной боевой готовности. Мы должны показать нашим недругам, что высокий морально-политический дух советского солдата, любовь к Отечеству присущи всей Советской армии. В том числе – солдатам и офицерам нашего батальона...

Кошелев *(прерывая Куролесина).* Работа по подготовке к мероприятию уже началась. Возводится макет Рейхстага...

Строй поворачивает головы влево.

Кошелев. Для проведения образцово-показательного боя нужны «фашисты» – это те, кто будет оборонять «Рейхстаг». Добровольцы, два шага вперёд!

Строй стоит не шелохнувшись.

Кошелев. Я так и думал. Молодцы! Благодарю за службу!

Все. Служим Советскому Союзу!

Кошелев. Но обороняющиеся нужны. Добровольцы, два шага вперёд.

Из строя старослужащие, стоящие во втором ряду, пинками вытаскивают часть молодых солдат, стоящих в первом.

Кошелев. Всё?

«Немцев» маловато.

Кошелев. Встать в строй. Первый, второй взвод – два шага вперёд! Ваша задача: занять оборону и вступить в бой с наступающей Советской армией. Исходный рубеж атакующих – здесь! Командир первого взвода?

Онищук. Я!

Кошелев. Назначаетесь старшим. Командир второго взвода – в вашем подчинении. Задача ясна?

Онищук. Так точно, товарищ подполковник!

Комбат разворачивается к стоящим рядом офицерам.

Кошелев. Товарищ старшина, раздать форму.

Федорчук раздаёт чёрные комбинезоны воинам первого и второго взводов. Солдаты надевают комплекты.

Кошелев. Занимайтесь. Будут проблемы – обращайтесь. *(Козырнув, покидает сцену.)*

Солдаты уже не слушают, а с интересом посматривают на место, где вскоре должен появиться макет Рейхстага.

Сиротин. Первый, второй взвод, встать в строй!

Куролесин. Не посраим отцов наших! Это не просто показательная атака, это дань уважения тому беспримерному подвигу, который совершили отцы, матери, деды. Товарищи солдаты! Ор-рлы! Надо показать такой штурм, чтобы ни у кого не возникло сомнений: этот народ победить невозможно.

Строй под песню дружно уходит.

Письма нежные очень мне нужны,

Я их выучу наизусть.

Через две зимы, через две весны

Отслужу, как надо, и вернусь.

Через две, через две зимы,

Через две, через две весны

Отслужу, отслужу, как надо, и вернусь.

Запомни!

СЦЕНА 4

Первый и второй взвод идут на рубеж обороны понуро. «Немцы» одеты в чёрные комбинезоны. Накопившееся недовольство высказывают взводным.

1-й немец. Товарищ лейтенант, нас-то за что?

2-й немец. Товарищ лейтенант, вот я, отличник боевой и политической подготовки, у меня значок ГТО первой степени, а меня немцем сделали.

Онищук. Ну и что? Это же понарошку, не навсегда. Это же на один день только.

Мл. сержант. Товарищ лейтенант, а знаете, почему мы все обиделись?

Онищук. Не знаю. Обоснуйте, товарищ младший сержант.

Мл. сержант. Да мы все в детстве в войнушку играли. Сколотим из штaketника автоматы и до темноты воюем. Нас домой никто не мог загнать.

Онищук. Не вижу связи.

Мл. сержант. А немцами у нас были все самые слабые, очкарики и ботаники. Вот нас в ботаников и записали. Не заслужили ведь. Как нам воевать, если мы уже сейчас деморализованы?

1-й немец. У этих русских, между прочим, есть настоящий немец. Он даже и не скрывает этого. Нейфельд его фамилия. Он что, должен против своих воевать?

Онищук. У него на лице написано, что он немец? Может, хватит? Приказ есть приказ. Приказы не обсуждаются.

Младший сержант с досадой машет рукой. Уходят. На сцене появляется группа военнослужащих. Звучит песня.

Полюшко-поле,

Полюшко, широко поле!

Едут да по полю герои,

Эх, да Красной Армии герои!

Ситник. К штурму Рейхстага приготовиться! На штурм... бегом... марш!

Взвивается зелёная ракета, начинается штурм.

Все. Ур-ра-а-а! *(Убегают со сцены.)*

На экране – бегущий впереди всех боец. Нестройный хор «ура!», впереди – чистое поле, над головой – синее небо. А «противника» и не видать ещё. На сцену «вползают», еле волоча ноги, атакующие. Подъезжают «режиссёры» – Сиротин и Куролесин.

Сиротин. Картина штурма не впечатляет. Где убитые? И не растягиваться! *(Делает паузу, потом, усмехнувшись, добавляет.)* Начинаете атаку фронтом, а заканчиваете колонной.

«Свиньёй». Как предки этих (*кивает в сторону «немцев»*). А впереди бежит вообще одна «свинья». Что же, будем учиться. Всё повторить. Атаку вести лишь до позиции противника, пока не научимся. На исходный рубеж бегом марш! *Сигнал к атаке – и ребята бегут. Через несколько метров падает цепь старослужащих. Из молодых кто-то тоже пытается прилечь, но его тут же поднимают.*

1-й рядовой. А ну-ка, военный, быстро побежал!

Подъезжают «режиссёры» Сиротин и Куролесин.

Ситник. Рота, стройся!

Обращение к строю жёсткое и лаконичное.

Сиротин. Смотрим мы на результаты вашей подготовки... Вы не то чтобы врага победить, вы, б***ь, даже от него убежать не сможете! Атаку повторить. Первое отделение третьего взвода – убитые, второе отделение третьего взвода – раненые. Товарищ старший лейтенант, распределите убитых и раненых по всей дистанции. Пофамильно. Кто где ложится.

Ситник. Есть распределить убитых и раненых по всей дистанции.

Опять ракета, опять атака. На экране впереди всех бежит боец. Звучит песня в исполнении Хора Советской армии им. А.В. Александрова.

Ой ты, рожь,

Хорошо поёшь !

Ты о чём поёшь,

Золотая рожь ?

Счастье повстречается –

Мимо не пройдёшь,

Ой ты, рожь!

«Немцы» лежат на траве и покуривают. Тоска, царившая в их душах ещё час назад, исчезла и они, снисходительно ухмыляясь, откровенно глазят на «русских». Мало того, при приближении атакующих доносятся возгласы:

1-й немец. Хенде хох!

2-й немец. Рус, сдавайся!

3-й немец. Млеко, млеко, куры, matka, есть?

4-й немец. Их бин вас расстреляйт.

1-й немец. Эй, Гитлер капут?

Вокруг одобрительно хихикают.

СЦЕНА 5

Каптёрка старины. Федорчук за столиком. Раздаётся стук.

Федорчук. Да-да, войдите.

1-й немец (входит). Товарищ прапорщик, разрешите обратиться?

Федорчук. Обращайтесь.

1-й немец. Товарищ прапорщик, вот нас по приказу назначили «немцами», а в столовой начали жульничать.

Федорчук. Это как это?

1-й немец. Недоложили мяса, а в чайники недолили чая. Опять же телевизор не дают смотреть.

Федорчук. А кто на поле боя кричал «Гитлер капут»? Они бегают, а вы кричите. Вот теперь и расплачивайтесь.

1-й немец. Ну тогда дайте хоть баян, что ли.

Федорчук. В 21.15 чтобы вернули.

Неразборчиво звучат голоса, потом так же приглушённо начинает играть баян. Старишина заполняет какие-то бумажки. Раздаётся стук.

Федорчук. Да-да, войдите.

Казарян. Товарищ прапорщик, разрешите обратиться?

Федорчук. Обращайтесь, рядовой Казарян.

Казарян. От имени «русских» коллективная жалоба. Товарищ прапорщик, а у нас некоторые несознательные взяли у вас баян, закрылись в сушилке и орут фашистские песни. Старишина срывается из-за стола и вместе с рядовым почти убегают. Часть казармы, закрытая дверь в сушилке

ку, около неё толпятся солдаты. Подбегает старшина.

Из-за двери доносится песня:

О, Вольга, Вольга, русская река...

О, Вольга, Вольга, русская река...

Дойче солдатен унд официрен,

Иммер марширен иммер шпацирен.

Казарян (*стучит в дверь*). Открывайте, немедленно открывайте, хуже будет.

Несколько человек по очереди пинают дверь. За дверью между тем, как могут, из подручных средств, наряжают молодого бойца под Гитлера: приклеивают усики, чёлку перебрасывают справа налево и на мгновение показывают в коридор.

Казарян. Нет, вы видели, что, гады, вытворяют?

1-й рядовой. Они же издеваются над нами!

2-й рядовой. Мало того, что не бегают как мы, так ещё и ёрничают.

Федорчук. Откройте немедленно! Я приказываю открыть дверь.

Страшно вращая глазами и сдерживая гнев, он упираются взглядом в «Гитлера». Устанавливается гробовая тишина. Из-за спины старшины выглядывают довольные ябедники.

Федорчук. Что ты на меня смотришь как Муму, когда её под паровоз бросили?

Все отворачиваются и тихо сползают на ярусы, где сушится обмундирование. Те, кто стоял за спиной прапорщика, уходят по стеночке. Каре из 9–12 человек марширует по сцене. Взвод поёт песню:

Если завтра война, если враг нападёт,

Если тёмная сила нагрянет –

Как один человек, весь советский народ

За любимую Родину встанет.

На земле, в небесах и на море

Наши напев и могуч, и суров:

Если завтра война,

Если завтра в поход –

Будь сегодня к походу готов!

СЦЕНА 6

Кабинет командира батальона.

Кошелев. Андрей Иванович, прошу вас обеспечить временной телефонной связью гостевую трибуну. Как идут дела по сооружению макета Рейхстага?

Сиротин. Связью обеспечим. Рейхстаг, я думаю, к вечеру будет готов. Вернее, остов сооружения, покраска – день-другой. Ну и дня три нам потребуется для сооружения трибуны.

Кошелев. Что там у вас сегодня за происшествие? Александр Иванович, доложите.

Куролесин. Человеческий фактор. Конфликт возник между первым и вторым взводом с остальным личным составом роты.

Кошелев. То есть, уточняя, между «русскими» и «немцами»?

Куролесин. Так точно, Михаил Сергеевич. Первый и второй взводы в полном составе пели фашистские песни, и прапорщик Федорчук вместо нарядов вне очереди приказал им провести ночную уборку казарменного помещения.

Кошелев. Правильно. Солдат без работы – преступник.

Куролесин. Конечно. Моральная нестойкость легко переходит в стойкую аморальность.

Ситник. Старшина там выдал перл. (*Улыбаясь.*) Сказал, что Герасим Муму под паровоз бросил.

Все смеются.

Кошелев. Ну и что смешного? Ошибся человек, с кем не бывает. Вам бы только ржать. Он её просто с Каштанкой перепутал.

По сцене проходят солдаты. На авансцене двое.

Ерофеев. Товарищ старший лейтенант, разрешите обратиться?

Ситник. Слушаю.

Ерофеев. Мы тут с ребятами всю ночь, можно сказать, кумекали. Как же лучше-то показать штурм Рейхстага.

Ситник. И что, придумали?

Ерофеев. А вот с нами должны и санитарки быть. Они обязаны первую медицинскую помощь оказывать наступающим войскам.

Ситник. Понимаю. Жертвы полового воздержания. Вы лучше бы думали, как перед командованием не опозориться. А то такой штурм показываете – идущий шагом легко обгоняет бегущего.

Ерофеев. Так до «Рейхстага» полтора километра, попробуй пробеги... да не один раз...

Ситник. От старта до «Рейхстага» 487 метров. Откуда вы взяли, что полтора километра?

Ерофеев. Так это на глазок...

Ситник. На глазок. Вы должны пробежать так, чтобы Валерий Борзов нервно задумался: а действительно ли он самый быстрый спортсмен страны? Об этом надо думать, а не о санитарках.

СЦЕНА 7

Возле макета Рейхстага выстроились назначенные «немцы». Лейтенант Онищук со списком в руках распределяет «убитых» по дистанции.

Онищук. Итак, убитые: Антипенко, Бондаренко, Зелимханов, Дударев, Ковырялов, Манжиев, Мичугилов, Упов, Худейкин, Цыплаков. Будете падать через каждые десять-пятнадцать метров друг от друга.

1-й немец. Товарищ лейтенант, может, мы сами распределим?

2-й немец. А то у вас тут в списке одни салаги.

1-й немец. Какая-то дискриминация. Никакого уважения к старшим товарищам. К ветеранам Советской армии.

3-й немец. Товарищ лейтенант, от имени молодых военнослужащих разрешите отказаться? Можно мы будем биться, защищаться до последнего патрона?

Онищук. Делайте как знаете.

Все уходят.

Медкабинет. В кабинете фельдшер. Входит замполит.

Куролесин. Вера Ивановна, у меня есть к вам деликатное предложение. Вы же знаете, что нам оказано высокое доверие начальства. Мы должны встретить гостей.

Вера Ивановна. Не только слышала. *(Закуривает «Беломор» и выдыхает дым.)* Но и видела.

Куролесин. Не понял... *(Майор напрягается.)*

Вера Ивановна. То-то я смотрю, ко мне зачастили скоропортящиеся тела.

Куролесин. Не понял.

Вера Ивановна. С мозолями, с царапинами, даже с цыпками на руках.

Куролесин. Ах, это... Это мы репетируем показательный последний бой за Рейхстаг. Вера Ивановна, у нас тут пришла идея: а не согласитесь ли вы исполнить роль санитарки? *(Пафосно.)* В бою! В битве за Рейхстаг!

Вера Ивановна. Да вы что? Я, сорокатрёхлетняя женщина, мать двоих взрослых детей, и должна бегать? Я хоть и военнообязанная, но не военнослужащая. Нет уж, увольте.

Куролесин. Вера Ивановна, вам бегать не придётся. Посидите около одного бойца, около другого, перевяжете лоб.

Вера Ивановна. Даже и не думайте. Как посадили женщин в своё время на трактор, так и позабыли их снять оттуда. Нет уж, справляйтесь сами.

Куролесин. Вера Ивановна, может вы тогда с девчонками из санбата переговорите?

Вера Ивановна. Ага, сейчас. Да вы посмотрите на солдат своих. У них чуть ли не через одного спермотоксикоз. Случись что с девчонками, кто ответственность нести будет? *(Фельдшер засмолила новую папиросу.)*

Куролесин. А вы предложите самым некрасивым...

Вера Ивановна. Александр Иванович, ну кого это в армии останавливало? Нет, я на себя эту ответственность не возьму. Мне бы ваши заботы.

Куролесин *(заинтересовано).* А у вас, Вера Ивановна, что за заботы?

Вера Ивановна. Вам всё равно не понять.

Куролесин. А всё-таки?

Вера Ивановна. Да у нас, женщин, везде сплошные проблемы. Пудра – скорее напоминает дуст, тени – похожи на гуталин, все фасоны пальто были утверждены ещё Луначарским. И как со всем этим найти мужчину своей мечты и что потом делать с этой скотиной? *(Выпустила очередной клубок дыма.)*

В кабинете ротного сидели начальник штаба, замполит и ротный. Входит Ерофеев.

Ерофеев. Товарищ майор, младший сержант Ерофеев, командир первого отделения третьего взвода третьей роты по вашему приказанию прибыл.

Сиротин. Вольно. *(Майор Сиротин присел на край стола ротного.)* Это ты, что ли про санитарок придумал?

Ерофеев. Никак нет. Это мы вместе с личным составом отделения.

Сиротин. Ты же у нас на демобилизацию в мае уходишь?

Ерофеев. Так точно, товарищ майор.

Куролесин. А хочешь в первую партию демобилизованных попасть?

Ерофеев. Кто же этого не хочет?

Сиротин. Тогда вот тебе, младший сержант, дембельский аккорд. Нужно человек пять санитаров. Подбери из молодых ребят, постройнее, поартистичнее. Ну и пусть они санитарок сыграют.

Ерофеев. А можно чтоб и у немцев санитарки были. И мы бы их насильовали?.. Понарошку.

Повисла пауза.

Куролесин *(гневно).* Товарищ младший сержант, вы не забываетесь. Вы служите в Советской Армии, а не в банде. Никогда советский солдат не опускался до недостойного поведения.

Ерофеев. Товарищ майор, мы всё понимаем. Но они же что на нашей земле вытворяли? И потом... эти, наши, «немцы» тоже ведут себя как фашисты.

Сиротин. Как? *(Начальник штаба аж привстал со стола.)*

Ерофеев. Песни ихние поют. Распускают всякие слухи.

Сиротин. Какие?

Ерофеев. Например, что Матросов подвиг не совершал, что он просто поскользнулся...

Куролесин. Кто сказал?

Ерофеев. Темно было, я не увидел, кто сказал. Да они там все такие.

Куролесин. Кто?

Ерофеев. Немцы.

Сиротин. Свободен. Парики и юбки позже принесём.

Ерофеев. Разрешите идти?

Сиротин. Идите.

СЦЕНА 8

В классной комнате замполит исключительно для первого и второго взвода проводит политзанятия.

Куролесин. Рядовой Мекжамбеков, покажите на карте страны НАТО.

Мекжамбеков *(беспомощно водит указкой по политической карте, наконец, что-то вспомнив, радостно).* Германия. *(Тычет куда-то в центр карты и случайно попадает на ту самую Германию, только Восточную.)*

Куролесин. Ещё.

Мекжамбеков *(приближает лицо к карте, читает, что увидел).* Берна.

Куролесин. Кто командир отделения?

Востриков. Я! *(Встал со стула.)*

Куролесин. Товарищ сержант, почему ваши подчинённые не знают не только страны НАТО, но и географию?

Востриков. Товарищ майор, молодой ещё, жизни не видел. Полгода ещё не прошло, как в армию призвали.

Куролесин. Это не отговорки. Научите. В следующий раз за незнание ваших подчинённых не с них, с вас спрошу.

Куролесин достаёт книжечку и начинает читать.

Куролесин. «Дорогу к деревне батальону, в котором служил Александр Матросов, прикрывали три дзота с пулемётами. Если два из них удалось подавить противотанковыми ружьями, гранатами и другими огневыми средствами, то третий был расположен настолько выгодно, что взять его издали никак не получалось. Тогда Александр Матросов совершил бросок вперёд под огнём и смог кинуть в дзот две гранаты. Однако и после взрывов пулемёт продолжил стрельбу по поднявшемуся было в атаку батальону». *(Голос замполита предательски дрожит и, кажется, что ещё минута и из глаз майора выкатится предательская слеза.)* «В этот момент Александр бросился на амбразуру и прикрыл её своим телом, дав

своим товарищам необходимое время для рывка к немецкой позиции».

Куролесин тяжёлым, строгим взглядом оглядел присутствующих.

Куролесин *(строго).* Всем ясно?

Все *(вразнобой).* Ясно. Так точно.

СЦЕНА 9

Кабинет замполита батальона сплошь увешан агитационными плакатами от старых (типа «Болтун находка для шпиона») до современных – («Защита Родины – священный долг»). В кабинет входит солдат.

Ворошилов *(в чёрной куртке «немца»).* Товарищ, майор, рядовой Ворошилов по вашему приказанию прибыл.

Куролесин. Садись, комсорг. Слушай мою идею. Ты же у нас кандидат в члены КПСС?

Ворошилов. Так точно, товарищ майор.

Куролесин. Значит, так... На следующей неделе мы тебя принимаем в партию.

Ворошилов. Товарищ майор, я ещё кандидатский стаж не прошёл...

Куролесин. Не твоя забота. Хочешь за русских Рейхстаг брать?

Ворошилов. Так я – комсорг первого взвода, а первый взвод – это «немцы».

Куролесин. Так хочешь или не хочешь?

Ворошилов. Конечно, хочу, с удовольствием. Надоела эта немчура. *(Демонстративно трясёт куском куртки, зажатый в кулак.)*

Куролесин. Значит, так, Игорь. Мы тебя примем в партию прямо на трибуне перед боем. Будешь раненый в голову. Подниметесь на трибуну, и комбат вручит тебе партбилет. После этого ты пойдёшь в первые ряды атакующих и дол-

жен будешь всё время бежать впереди и звать за собой всех в бой. (*Куролесин показывает вырезанную из журнала репродукцию фотографии Альперта «Комбат».*) Примерно вот так.

Гаснет свет, звучат позывные радио «Маяк» и начало передачи «Утренняя гимнастика». Медкабинет. В кабинет без стука врывается Куролесин.

Куролесин. Вера Ивановна, я к вам с предложением.

Вера Ивановна. Пузанов, одевайтесь. В шестнадцать ноль-ноль ещё раз придёте.

Из-за ширмы ходит солдат, медленно застёгивая брюки.

Куролесин. Боец, вас что не учили за сорок пять секунд одеваться?

Пузанов. Так точно, учили. (*Берёт гимнастёрку и, не надевая её, выходит.*)

Куролесин (*пытается шутить*). Самострел?

Вера Ивановна. Какой там! Чирей, самый натуральный.

Куролесин. Вера Ивановна! В общем, перед боем взятия Рейхстага...

Вера Ивановна. Александр Иванович, вы опять за старое?

Куролесин. Вера Ивановна, дослушайте до конца. Вы, младший сержант Ерофеев и рядовой Ворошилов поднимаетесь на трибуну с гостями и разыгрываете небольшой спектакль. Рядовой Ворошилов – раненый. И вы его с двух сторон поддерживаете. На трибуне он просит вас дать ему рекомендацию для вступления в партию. Вы ему её даёте. Комбат вручает ему партбилет, и вы идёте в бой. Вернее, вы, Вера Ивановна, никуда не идёте. Останетесь в машине. А бойцы пойдут в бой.

Вера Ивановна. И где тут мой интерес? (*Фельдшер затягивается «Беломором».*)

Куролесин. Я разговаривал с политотделом дивизии. Там полностью одобрили идею и заверили, что это будет цен-

тральным эпизодом всего действия. Киногруппе будет дано указание: сделать этот сюжет главным.

Гаснет свет, звучат позывные радио «Маяк» и начало передачи «Пионерская зорька». Кабинет комбата. За столом двое. Комбат и замполит. Комбат несговорчив.

Кошелев. Я что, должен бросить гостей, комдива и бежать вручать партбилет? Тем более Ворошилов ещё кандидатский стаж не отходил.

Куролесин. Так два месяца осталось. Я поговорю, может к 9 Мая и выпишут документы. Товарищ подполковник, как нам повезло. Фамилия какая – Ворошилов. Лучшая могла быть только Джугашвили.

Кошелев. А если не уговоришь?

Куролесин. Тогда вы вручите мой партбилет, а настоящий – как положено, через два месяца, в другой обстановке.

Кошелев. Э, нет. В войну, когда принимали в партию, первую скрипку всегда играли политработники. Поэтому предлагаю эту роль исполнить тебе. Заодно, если прокол, увидят, что партбилет не Ворошилова, скажешь – перепутал, с кем не бывает.

Майор Куролесин внутренне радуется. Именно так в идеале он себе эту сцену и представлял. Но радость свою не показывает. Лишь сказал, .

Куролесин (*как бы нехотя, исполняя приказ*). Слушаю, Михаил Сергеевич. Разрешите выполнять?

Кошелев. Выполняйте.

СЦЕНА 10

Ночная казарма. В казарме расположение первого и второго взвода отделили от остального спального пространства лентой, привязанной к спинкам кроватей. Тревожная музыка из «Розовой пантеры».

Ерофеев (*кричит в сторону расположения первого и второго взводов и тычет в бок рядового Рыженкова.*). Кто из «фашистов» пересечёт зону, будет наказан!

Рыженкова мать-природа одарила дикторским голосом, отдалённо напоминающим голос Левитана.

Рыженков (*торжественно произносит в сторону изгоев.*). Внимание, внимание! Говорит Германия! Сегодня ночью под мостом поймали Гитлера с хвостом!

Из темноты прилетает подушка, точно въехав декламатору в ухо. Оттуда же доносится:

– Мы-то думали, что вы настоящие советские солдаты, Берлин взяли. А вы, оказывается, мелкие стукачки. Наступали замполиту про Матросова и рады.

– Да, уж. Замполит теперь до дембеля не простит всей вашей банде этого святотатства. А сдать вас замполиту – дело святое. Правое. Мы победим.

– Ну ладно, посмотрим, как вы победите.

– Кто это там вякает?

– Полковник Штирлиц вякает.

Гаснет свет, звучат позывные радио «Маяк» и сигналы точного времени. Свет зажигается. На сцене солдаты, часть из них с синяками на лицах, ссадинами, наклеены пластыри, руки перебинтованы. Тут же офицеры: Сиротин, Ситник, Федорчук, Куролесин.

Кошелев (*обращается к солдату с наиболее заметным бланшем под глазом*). Что случилось, товарищ ефрейтор?

Ефрейтор. Пошёл ночью в туалет, спотыкнулся...

Кошелев. «Спотыкнулся». Луна сейчас хреначит так, что девку от бабы ночью за сто метров отличить можно. И спотыкнулся?

Ефрейтор. Так точно. Я как глянул на луну, так сразу и ослеп. Она ка-а-а-к дала мне по шарам, я минуту ничего увидеть не мог. Ну и спотыкнулся. Произошла временная глазная дегенерация.

Кошелев (*подошёл к следующему пострадавшему*). Мухаметзяров. Ты тоже спотыкнулся?

Мухаметзяров. Никак нет, товарищ подполковник. Я шёл с закрытыми глазами.

Кошелев. Это ещё почему?

Мухаметзяров. А у нас в деревне говорили, что в полнолуние на Луну прямо нельзя смотреть – лунатиком станешь.

Кошелев. Что ещё у вас в деревне говорили?

Мухаметзяров. Что на луну нельзя показывать пальцем, иначе в руках ничего держаться не будет.

Кошелев. Что ещё?

Мухаметзяров. Неудобно говорить, товарищ подполковник.

Кошелев. Говори.

Мухаметзяров. Что новолуние считается лучшим временем для принятия лекарств против глистов!

Кошелев. Видите, товарищи офицеры, сколь много полезного можно узнать у солдатского состава. Интересно, а почему тут у нас побитые только солдаты второго года службы? Молодёжь накостыляла старослужащим? Искоренилась в один день дедовщина? Командир роты?

Ситник. Я! (*Отдаёт честь.*)

Кошелев. Доложите нам, товарищ старший лейтенант: что за шабаш ведьм случился во вверенном вам подразделении?

Ситник. Небольшая потасовка случилась на фоне неприязненных отношений между военнослужащими первого и второго взводов и всеми остальными.

Кошелев. А если точнее?

Ситник. Точнее, из-за исторического спора. Бойцы первого и второго взводов стали утверждать, что Гитлер отстреливался до последнего патрона.

Кошелев. Остальные?

Ситник. Остальные утверждали, что все они – Гитлер, и Геббельс, и Геринг, и Гиммлер – приказали себя расстрелять и сжечь.

Куролесин. И кто утверждал, что Гитлер отстреливался до последнего патрона?

Ситник. Никто не сознаётся. Говорят, в казарме темно было, а по голосу не узнать. *(Пожимает плечами.)*

Куролесин. Значит, будем писать рапорт о массовой драке. *(Потирает руки.)*

Кошелев. Отставить, замполит. Значит, за правду пострадали?

Рота молчит.

Кошелев. Что ж, мой приказ такой. Гонять роту на репетициях до изнеможения. Что бы к отбою у всего личного состава была только одна мысль: спать. Санчасти ни одного пострадавшего не принимать. Всем ясно, товарищи офицеры?

Все. Так точно!

Кошелев. А с немцами у меня потом особый разговор будет. Начальник штаба, замполит, командир роты, прапорщик Федорчук – ко мне в кабинет. Александр Иванович, задержитесь.

Все расходятся. На сцене двое: комбат и замполит.

Кошелев. Александр Иванович, вы серьёзно собираетесь писать рапорт в дивизию?

Куролесин. Михаил Сергеевич, ЧП как-никак. Да какое! Гитлера героем выставляют.

Кошелев. Э-э, нет. Это не уголовщина никакая, это ваша недоработка, политическая. Вот напишете вы рапорт, приедут особысты, разберутся. Дедовщины нет, уголовщины нет, одна политика. Значит, особо ничего произойдёт, за исключением одного: отправят вас, Александр Иванович, на заслуженный отдых, как не справившегося со своими служебными обязанностями. Вам это надо? Нет уж, давайте мы тут сами разберёмся.

СЦЕНА 11

Иноземцев везёт на командирском узике ответственных за проведение показательного штурма. В машине, помимо Сиротина, Ситника, Куролесина, едут фельдшер Ивашова, младший сержант Ерофеев, рядовой Ворошилов и прапорщик Федорчук.

Сиротин. Ефрейтор Иноземцев, вы же у нас из сельхозтехникума призвались?

Иноземцев. Так точно, товарищ майор.

Сиротин. А вот скажи мне тогда: как нам коноплю тут извести, что по оврагам да буеракам растёт?

Иноземцев. Товарищ майор, ну вы спросили! Я же не на растениевода учился, а на факультете механизации.

Сиротин. А погоняло «Ботаник» за что получил? Наверное, соображаешь что-то в конопле. Узкоглазые тебя зря Ботаником звать не будут. Подсказал, видимо, как из конопли сделать дурман-траву.

Иноземцев *(после некоторого молчания)*. Проще всего залить поле, где она растёт, керосином да и поджечь, другого способа не знаю.

Сиротин. Я тебе где столько керосину возьму, умник.

Подъезжают к гостевой трибуне. Она поражает не столько размерами, хотя и была немаленькая, сколько высотой.

Сиротин. Почему такая высокая трибуна? А если будут дамы из партийных, они как туда заберутся? А заберутся – у них головки не закружатся? *(Смотрит вверх, придерживая фуражку.)*

Федорчук. Если ниже сделать, панораму боя видно не будет.

Сиротин. Тоже верно. Ладно, наше дело маленькое. Пускай в дивизии разбираются, маленькая или большая трибуна.

Майор Куролесин даёт отмашку «актёрам». Фельдшер и младший сержант тащат на себе рядового Вороши-

лова. У него под пилоткой голова перебинтована, вся в крови. Раненый боец еле передвигает ноги, повиснув на сопровождающих. Фельдшер пытается уложить руку кандидата в члены ВКП(б) между грудей, но рука бойца сопротивляется и стремится устроиться на груди. Так, в борьбе, они подходят к авансцене. Гостей изображают начальник штаба, командир роты, старшина. Бойцы Советской армии достают бумажки. Ворошилов начинает зачитывать текст.

Ворошилов. Товарищи! Братья! В этот последний и решительный бой я прошу вас принять меня в ряды Коммунистической партии. Если придётся умереть, то коммунистом, а если останусь жив, то распишусь на стене Рейхстага: коммунист Ворошилов! Пусть знают, кто их победил.

Вера Ивановна. Я знаю рядового Ворошилова с 1944 года по совместной службе в одной части. Товарищ Ворошилов проявил себя только с хорошей стороны. Предан партии Ленина-Сталина и социалистической родине. Считаю, что товарищ Ворошилов будет хорошим членом партии. *(Выдыхает с облегчением.)*

Замполит свой текст уже выучил, поэтому говорил без шпаргалки.

Куролесин. Так или примерно так наши отцы, деды, братья, вступая в ряды Всесоюзной Коммунистической партии большевиков, клялись в верности стране Советов и заветам Владимира Ильича Ленина и с ещё большей ответственностью били врага, не жалея ни своих, ни их жизней. И как символично, что сегодня, в этот знаменательный день – 40-летие Великой Победы над Германией – мы по-настоящему принимаем в ряды Коммунистической партии рядового Игоря Сергеевича с такой символической фамилией – Ворошилов, комсорга первого взвода третьей роты, отличника боевой и политической подготовки. Надеюсь, что этот день запомнится ему на всю оставшуюся

жизнь и он будет высоко держать звание коммуниста... Тут я ему вручаю партбилет.

Сиротин *(ехидно)*. А что это коммунист Ворошилов на трибуну раненный еле поднялся, а обратно – в первых рядах побежал?

Куролесин. Партия окрыляет, придаёт силы, уверенность в завтрашнем дне и веру в то, что враг будет разбит и победа будет за нами. Это символ.

Сиротин. А текст я бы отдал киношникам или согласовал в политотделе дивизии. Слишком часто поминается имя Сталина.

На табуретке в углу сцены стоит полевой телефон. Ситник поднимает трубку, крутанул ручку.

Голос. Дежурный телефонист, рядовой Орлин слушает.

Сиротин. Рядовой Орлин, сможешь соединить с Кремлём?

Голос. Если будет указание – сделаем.

Сиротин. Да, знаю. С вашего коммутатора проще до штаб-квартиры НАТО дозвониться, чем до соседней роты! *(Кладёт трубку, Ситнику.)* Товарищ старший лейтенант к тренировке всё готово?

Ситник. Так точно, товарищ майор.

Сиротин. Командуйте.

Ситник взмахивает белым флажком. Солдаты, изображающие Советскую армию, бегут. Звуки беготни, стрёкот кузнечиков, вскрики людей.

Сиротин *(Ситнику)*. Командира третьего отделения ко мне.

На сцене появляются запыхавшиеся Ситник и Шапиров.

Сиротин. Что случилось? Почему атака захлебнулась?

Шапиров. Докладывает лейтенант Шапиров, командир третьего отделения. При приближении к полосе обороны «немцев», первые ряды атакующих подверглись нападению со стороны обороняющихся.

Сиротин. И что это было? Автоматные очереди, взрывы гранат, попадание фауст-патрона в грудь героя, немецкие

авиабомбы? Что могло остановить славную Советскую армию?

Шапиров. Попадание яиц в лица первых рядов атакующих и даже попадание во рты при попытке кричать «ура».

Сиротин. Откуда у солдат яйца? Воровство на кухне?

Федорчук. Никак нет! Этого не может быть. Все продукты идут в закладку, согласно рецепту. Закладка строго контролируется дежурным по кухне. *(Вытирает обильный пот со лба.)*

Шапиров. Вот. *(Раскрывает ладонь, где красиво голубели несколько скорлупок яйца.)*

Сиротин. Товарищ ефрейтор, подойдите сюда. Можете определить, чьи яйца?

Иноземцев. Вороньи. Это вам каждый деревенский пацан скажет.

Сиротин. Свободен. Александр Иванович, это теперь ваша забота – узнать, кто тут саботирует мероприятие.

Куролесин. А тут и узнавать нечего. Всё ясно. Только потому что «лесных братьев» испытывали и испытывают ненависть к Советскому Союзу, его Вооружённым силам. Только они способны при первой возможности не только крупно, но и мелко пакостить. Рядового Петраускаса ко мне.

Солдат подходит.

Куролесин. Покажите руки.

Солдат показывает руки чистыми.

Куролесин. Это ничего не значит. Умело замёл следы. Надо продолжать репетицию. По-прежнему надо будет изображать энтузиазм, отвагу, решимость. С этого момента никаких действий со стороны противника в отношении атакующих не должно быть. Они будут только отступать. Товарищ старший лейтенант, доведите до сведения Красной армии.

Сиротин. Первому, второму взводу, приступить к рытью своих окопов в полный профиль, чтоб служба мёдом не ка-

залась. Прапорщик Федорчук, обеспечьте означенные подразделения шанцевым инструментом.

Федорчук. Есть обеспечить первый и второй взвод шанцевым инструментом.

СЦЕНА 12

Каре из 9–12 человек марширует по сцене. Взвод поёт песню.

Как будто ветры с гор

Трубят солдату сбор,

Дорога от порога далека.

И, уронив платок,

Чтоб не видал никто,

Слезу смахнула девичья рука.

Не плачь, девчонка,

Пройдут дожди,

Солдат вернётся,

Ты только жди!

Пускай далёко

Твой верный друг,

Любовь на свете

Сильней разлук!

Кабинет Ситника. В кабинете Ситник, Сиротин, входит младший сержант Ерофеев.

Ерофеев. Вызывали, товарищ майор?

Сиротин. Помнишь наш уговор про санитарок?

Ерофеев. Так точно.

Сиротин. Вот тебе наши жёны насобирали шмоток на пять санитарок. Правда, париков нашли всего три. Наряжай своих бойцов, в 15.30 ждём тебя здесь.

Ерофеев выходит, забрав вещи.

Ситник. Андрей Иванович, я вот никогда не думал, что у нас солдаты такие трусы.

Сиротин. Что случилось?

Ситник. Выстроил, я, значит, роту, и лейтенант от группы минёров начал объяснять, что во время штурма будут взрывы, и показывает им ШИРАС – шумовой имитатор разрыва артиллерийского снаряда. Они побежали медленно и зигзагами. «В чём дело?» – спрашиваю. «Боишься наступить и подорваться», – объясняют. «Так не заминировано ещё, – говорю, – значит, каких-то вороньих яиц испугались, сегодня какого-то взрывпакета. Обделались, да?» Попросил старшину нижнее бельё у роты не менять до субботы.

Сиротин. Ну и правильно.

Ситник. Поле ещё не заминировано, а они уже в баню просятся.

В кабинет входят Ерофеев и пятеро солдат, переодетых в девушки.

Сиротин (разочарованно). Товарищ младший сержант, ну почему у вас что ни санитарка, то на шлюшку похожа? Вы что, в женщине, кроме своих низменных инстинктов, ничего не видите?

Ерофеев (слабо оправдываясь). Товарищ майор, женщины – она ведь красивая, а потом уже санитарка.

Сиротин. На войне, товарищ младший сержант, да будет тебе известно, женщины, тем более санитарки, были боевыми подругами. Они с поля боя раненых вытаскивали, рискуя, между прочим, своей жизнью. А ты нам что тут выставил? Не героизм и отвагу, а сплошные ноги и груди. А губы? *(Морщится.)*

Ерофеев. А что губы?

Сиротин. Они настолько яркие, что демаскируют весь фронт. И где ты выдел, чтоб на войне у девушек была губная помада?

Ерофеев. У фрицев отбирали. Трофейные.

Сиротин. Всё, не годится. Не будет на поле боя никаких санитарок. Ещё нам не хватало опозориться на виду у всего руководства.

Ерофеев. Товарищ майор, ну раз они такие отрицательные, пусть тогда будут фашистскими санитарками. А мы их, того, непотребства всякие с ними сделаем. Как будто бы.

Сиротин. Сержант, ты того, совсем что ли, нюх потерял? Мы уже говорили тебе...

Ерофеев. Никак нет, я хотел, как лучше. Они же убивали мирных жителей, издевались над ними, насиловали наших женщин.

Сиротин. Товарищ младший сержант, кру-гом! На выход шагом марш!

В кабинет входит Куролесин.

Куролесин. Андрей Иванович, случилось ЧП. Да что там ЧП?! Чепище!

Сиротин. Да не тяни ты kota за хвост.

Куролесин. Трибунный телефон замолчал. Послали прозвонить линию. Порыв нашли. А он находится как раз в трубе, что лежит под полотном дороги. По предположениям местных специалистов, провод перегрызла крыса. А чтобы устранить неисправность, необходимо вновь вскрыть утрамбованное полотно дороги. Предыдущие работы отделение связистов произвело за пять дней. Такой роскоши в нынешней ситуации нет. До мероприятия осталось три дня.

Ситник. Может, экскаватор подгоним да вскроем?

Сиротин. Кто нам позволит изнашивать технику, когда есть солдат?

Ситник. Этот телефон нужен-то всего на час, пока гости не разъедутся. Он вообще может не понадобиться.

Куролесин. Молодой, горячий... Комдива без связи оставить? С ума сошёл, что ли?

Ситник. Знаете, мне очень не хочется заниматься ещё и связью. Тогда, кто этот ляп допустил, тот пусть его и исправляет.

Сиротин. Связистов нам больше не дадут. Нам линию сдали в исправности, дальше – это наша зона ответственности.

Куролесин. Вот что, Сергей Сергеевич, у тебя же есть группа патриотов среди «фашистов»? Они же не хотят принадлежать к этой касте?

Ситник. Есть такие.

Куролесин. Так давай дадим им возможность реабилитироваться. Дадим им задание: вскрыть, исправить, закопать.

Ситник. Не справятся. Там одни дембеля да старослужащие. Попробуй, заставь их копать.

Куролесин. А мы пообещаем им, что на дембель они поедут в первой партии, если справятся с задачей.

СЦЕНА 13

Группа солдат ковыряется в гравийно-грунтовой дорожке, вяло пытаясь его вскрыть. Подходит связист.

Связист. Как говорится, бог в помощь.

1-й рядовой. Это вы тут, что ли, копали?

Связист. Мы.

2-й рядовой. И на какой глубине эта труба лежит?

Связист. Сто двадцать сантиметров.

1-й немец. И какой идиот додумался на такую глубину зарывать кабель, тем более временный?

Связист (*улыбаясь*). Салаги же копали. Им сказали, они и копали.

1-й немец. Чего ты лыбишься?

Связист. Плакать, что ли?

Ерофеев. Не... тут просто так не вскрыешь. Думать надо. *Все присаживаются, закуривают.*

2-й немец. А если металлический прут просунуть?

Связист. Не получится. (*Пытается пустить дымные кольца.*)

3-й немец. Почему?

Связист. У нас прямой трубы не было. Мы и положили угловую. По-моему, тридцать семь градусов угол был.

Был бы тупой угол, может быть, прут и пролез бы, а при остром – не просунешь.

1-й рядовой. Вот вы додумались, вояки!

Связист. А чего? Линия временная, какая труба была, ту и положили.

Младший сержант пытается лопатой пробить плотно дорожку. Отлетает несколько кусков гравия.

Мл. сержант. Мы так до дембеля помирать тут будем. (*Зло плюёт на дорожку.*)

Ерофеев. Думать надо.

Мл. сержант. Чего тут думать? Долбить надо.

Ерофеев. Надо – долби. А я думать буду.

4-й немец. Надо бы старшине сказать, что мы на ужин не придём.

Ерофеев. Не в службу, а в дружбу – сбегай, а?

4-й немец. Ладно.

Связист. А я схожу. После ужина приду.

2-й рядовой. Крыса связь испортила, крыса пусть её и восстановит.

Ерофеев. Это как?

2-й рядовой. Берём крысу, привязываем за хвост телефонный провод и гоним по трубе. Она выскакивает из трубы, хватаем провод, отвязываем, крыса на свободе, мы со связью!

Ерофеев. Ай да красавец, ай да сукин сын!

Ефрейтор. Крыса не подойдёт. Во-первых, умная тварь, перегрызёт твой провод и уйдёт.

2-й рядовой. Уйдёт – другую привяжем. Их в нашем свинарнике как собак нерезанных.

Ефрейтор. Но это не самое главное. Она в трубе застрять может. Ты их в свинарнике видел? Это не крысы – коты. Труба-то всего двухдюймовка.

Мл. сержант. Тогда есть предложение. Попробовать вместо крысы мышь пустить?

Ерофеев. Она провод не потянет, он для неё тяжёлый.

Ефрейтор. А зачем провод цеплять? Можно нитку, или ещё лучше – леску. Она леску протянет, а уже с помощью лески мы и провод протащим.

Ерофеев. Ай красавец, ай молодец!

1-й рядовой. Тащите сюда свинопаса. С мышами.

Мл. сержант. Да, а у каптёрщика леску надо попросить.

Появляется 4-й немец.

Ерофеев. Что старшина сказал?

4-й немец. Сказал, что так вам, фрицам, и надо!

Ерофеев. Мы тут кое-что придумали. Надо сюда свинопаса притащить с мышами и каптёрщика позвать. Пусть леску с собой захватит, какая есть.

1-й рядовой. А куда связист пропал?

Мл. сержант. Чёрт его знает, сказал, что после ужина придёт.

Прибегает каптёрщик.

Каптёрщик. Значит, так. Вы без меня не обойдётесь. Вы всё дело испортите.

1-й рядовой. Вот колбаса деловая! С чего взял, что испортим?

Каптёрщик. Леска не пойдёт. Если туго завязать, а завязывать леску надо туго, иначе она легко соскользнёт, то хвост перережете. Лучше ниткой, суровой.

Появляются свинопас и 4-й немец. Свинопас за пазухой несёт мышь.

Каптёрщик (*спрашивает свинопаса, прежде чем привязать нить к хвосту мышь*). Мальчик, девочка?

4-й немец. Кто, свинопас?

Каптёрщик. Мышь.

Мл. сержант. А какая разница?

Каптёрщик (*снисходительно*). Девочка – мышь более трусливая, быстрее мальчика побежит.

Ефрейтор. Это не девочка, это бабушка.

Ерофеев. Ладно вам спорить. Молите бога, чтобы она с другого конца трубы выбежала.

Каптёрщик. Кстати, кто-нибудь, замаскируйтесь на той стороне трубы. Если мышь выбежит, нужно будет нитку ухватить.

Мышь бежит по трубе. Это становится ясно после того, как её всовывают в трубу и катушка ниток начинает бешено вращаться. Так всем кажется, что бешено. Улюлюканье, удары по трубе лопатами и даже танец вождя команчей – вся эта какофония звуков, видимо, гонит мышь вперёд.

СЦЕНА 14

Кабинет комбата. Все офицеры собираются в кабинете.

Куролесин. Товарищ подполковник, лично проверял на месте: полотно не вскрывалось. Они нас обманули.

Кошелев. Связь работает? Обрыв устранён?

Куролесин. Работает, устранён.

Кошелев. В чём обман?

Куролесин. Они не копали.

Кошелев. Да, но связь-то восстановлена. Как теперь быть? Вы же пообещали, что они будут демобилизованы в первой партии.

Куролесин. Во-первых, было условие, что они откопают трубу, а они её не откапывали, поэтому мы ничего им не должны. Во-вторых, они поедут в первой партии, но после того, как мы всех «русских» демобилизуем. Михаил Сергеевич, нас не поймут в вышестоящих инстанциях, если мы «немцев» отправим раньше «русских». Первыми у нас вообще будут демобилизованы те, кто водрузит флаг над Рейхстагом. «Егоров» и «Кантария». Это будет символично, какой положительный политический резонанс будет иметь в дальнейшем...

Пустое поле. Шум дождя. Периодически на сцену выскакивают то один, то другой офицеры.

Сиротин (в плащ-палатке). Вот льёт, как из ведра.

Ситник в плащ-палатке, смотрит в бинокль в зрительный зал.

Сиротин. Никто там случайно не едет?

Ситник. Наверяд ли в такой дождь кто-нибудь приедет.

Уходят.

На экране – неподвижная камера. Бесконечный дождь.

Фоном – песня.

Служит парень в далёкой сторонке

и в дозоре стоит боевом,

но любовь подмосковной девчонки

носит в сердце солдатском своём.

Появляются комбат и замполит. Оба в плащ-палатках.

По очереди смотрят в бинокль.

Кошелев. Что в дивизии слышно?

Куролесин. Ничего не слышно.

Кошелев. Сколько уже солдаты под дождём сидят?

Куролесин. С девяти утра.

Кошелев. Ого! Почти четыре часа. Может, дадим отбой?

Куролесин. Ни в коем случае. В дивизии предупредили: никакой самодеятельности.

Кошелев. Тоже боятся?

Куролесин. Кого?

Кошелев. Не кого, а чего. Самодеятельности.

На экране – неподвижная камера. Бесконечный дождь.

Сначала появляется Ситник. Смотрит в бинокль. Появляется Сиротин.

Сиротин. Сергей Сергеевич, отбой. Давай отбой. Бойцов по казармам. Не приедет никто. Солдатам чая – от пуза.

Пусть греются.

Уходят.

Голос диктора. Прошло два года.

Попов. И с тех пор у первого и второго взвода третьей роты было нацистское проклятие. (*Шевелит угли.*)

Молодёжь слушает, раскрыв рты.

Попов. Ни один солдат из этих взводов не получил нагрудного знака «Отличник Советской армии», «Классный специалист», и даже «Воин-спортсмен» не мог получить. Вот насколько сильное было проклятие.

1-й солдат. А сейчас нет этого проклятия?

Попов. Уже нет.

2-й солдат. А как же оно снялось? Цыганку или гадалку приглашали?

Попов. Ну, вот ещё. Снялось проклятие само собой. Вот как последний солдат, оборонявший Рейхстаг, демобилизовался, так и нет с тех пор проклятия.

Занавес.

ГСК «Вечный зов»

Комедия

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Сергей – 25 лет, владелец гаража

Елена – 20 лет, его жена

Фотограф – 30 лет

Света – 20 лет (вариант – 40 лет), модель фотографа

Михалыч – 40 лет

Мастер – 35 лет, вазовский ИТР

Элеонора Иосифовна – 50 лет, вахтёр ГСК

Радиолобитель – 30 лет

Лидия Сергеевна – 25 лет

Баянист – 40 лет

1-й кавказец – неопределённого возраста

2-й кавказец – неопределённого возраста

Бокс гаражно-строительного кооператива.

Сцена 1

Вывеска: Гаражный кооператив «ВЕЧНЫЙ ЗОВ». Звучат позывные программы «Время». Голос диктора: 19 апреля 1970 года с главного конвейера ВАЗа, сошёл первый автомобиль. 24 марта 1974 года Волжский автомобильный завод вышел на проектную мощность – 2230 автомобилей в сутки, каждые 22 секунды – автомобиль. Продукция пользуется повышенным спросом не только у населения нашей страны. Автомобили осваивают и территории зарубежных стран. Таким образом, советский автомобиль стал по-настоящему народным автомобилем не только в России, но и за её пределами».

Пустой бокс гаража с обшарпанными стенами. Сергей вводит жену в гараж.

Сергей. Постой, постой, не открывай глаза.... Вот, встань сюда. Открывай.

Елена. Что это?

Сергей. Это гараж. Представляешь, он теперь – наш!

Елена. Откуда?

Сергей. Это подарок отца! Помнишь, на свадьбе, отец сказал нам, что приготовил подарок, но это будет сюрприз...

Елена (*разочаровано*). Ну, теперь я тебя вообще дома не увижу.

Сергей. Что это ты себе удумала? По воскресеньям я весь твой.

Елена. А по субботам?

Сергей. А по субботам я гаражный.

Елена. Ну вот, видишь...

Сергей. Теперь нам нужна машина.

Елена. Размерчик-то небольшой... Я думаю, «запорожец» тут впишется идеально.

Сергей. Лен, ну как тебе это в голову пришло? В Тольятти построен такой завод, там выпускают лучший в мире автомобиль! И после этого: где «запорожец» и где «Жигули»?

Елена. Батюшки, миллионер нашёлся! Ты бы велосипед хоть мне купил. Обещал, когда женился: родишь мне сына – велосипед подарю.

Сергей молчит.

Елена. Я толстая?

Сергей. Нет.

Елена. Но похудеть не мешало бы, да?

Сергей. Ты мне и такая нравишься.

Елена. Но восторга не вызываю, да?

Сергей. Вызываешь восторг.

Елена. Но не щенячий, да?

Сергей. Это до свадьбы щенячий восторг был. Сейчас уже кобелиный. Пока Лен, мы с тобой пока едины, мы – непочелимы.

Елена. Ну, вот...

Сергей. Лена-а-а-а... Значит, так! Питаться будем только с родительского огорода. Никаких платьев и колготок. К твоей маме в отпуск не ездим... пять лет!

Лена. Это ещё почему?

Сергей. С сегодняшнего дня копим на «Жигули»!

Лена. Да? Вообще-то нам и не нужна машина, зачем она нам? Чтоб к маме не ездить?

Сергей. Чтобы старость встретить, чтобы сыну по наследству передать. С машиной он будет видным женихом.

Уходят.

Сцена 2

Звучит музыка. В гараж начинают вносить «гаражные» артефакты и расставлять их в помещении гаража. Входит Сергей с гитарой. Садится и на одной струне пытается наигрывать мелодию «В траве сидел кузнечик». Входит фотограф.

Фотограф. Привет!

Сергей. О, а ты как тут оказался?

Фотограф (*осматривая помещение*). Сорока на хвосте принесла: у тебя гараж появился? (*Ёрничая*) «У нас длинные руки!».

Сергей. У вас длинные уши.

Сергей продолжает пытаться играть мелодию на одной струне.

Фотограф (*делает вид, что пытается посмотреть на свои уши*). Уши, как уши. Что делаешь?

Сергей. Вот, к Грушинскому фестивалю готовлюсь.

Фотограф. И он прям твой-твой?

Сергей. Мой.

Фотограф. Отлично. Слушай, а у тебя тут жена появляется?

Сергей. Не-е-е-е... Она способна увидеть женский волосок на пиджаке, но найти дверь в гараже – это выше её сил!

Фотограф. Здорово. Слушай, а можно я у тебя тут девушку пофотографирую?

Сергей. Фотографируй. А когда?

Фотограф. Да прямо сейчас. За дверью стоит. Будь другом, погуляй где-нибудь часа два?

Сергей. Голой снимать будешь?

Фотограф. Это называется «ню». Ну, тут как получится. Понимаешь, она мне позвонила и спрашивает, могу ли я её снять без света. А то при свете ей стыдно... Вот я и привёл её сюда.

Сергей. Надеюсь, всё будет прилично?

Фотограф. Зуб даю.

Сергей. Ладно. Только и мой портрет сделаешь.

Фотограф. Договорились. Потом. Света, заходи.

Уходит Сергей, заходит Света, осматривает гараж.

Света. Вася, а зачем тут зеркало?

Фотограф. Ну, как... Девушки, наверное, к хозяину придут. Может, жена повесила...

Света. И всегда есть с кем выпить. Да?

Фотограф. Оригинально. Возможно.

Света. А ты можешь сделать так, чтобы я была в резкости, а сзади мутные тела?

Фотограф. Света, какие тела, тут только стенка.

Света. Ну, тогда мутную стенку.

Фотограф. Могу.

Света. А вот на свадьбе у моей сестры был фотограф, пел песни с нами, танцевал, пил наравне с гостями, и даже ловил букет невесты вместе со всеми. Классный такой...

Гаснет свет. Музыка, стробоскоп, на сцене – движения процесса съёмки. Зажигается свет.

Фотограф. А теперь, изобрази на лице интеллект...

Света. Так?

Фотограф. Нет.

Света. Так?

Фотограф. Ладно, давай я тебе помогу: назови столицу Африки.

Гаснет свет. Музыка, стробоскоп, на сцене движения процесса съёмки. Зажигается свет.

Света. А в следующий раз сфотографируешь меня с подружками?

Фотограф. Симпатичные?

Света. Ага.

Фотограф. Как кто?

Света. Не поняла.

Фотограф. Ну, примерно. Может быть, типаж актрис каких-нибудь?

Света. А-а. Ну, примерно, наверное, как... *(Берёт со стола журнал «Огонёк» где на обложке фото Натальи Крачковской.)* Вот, как она!

Фотограф *(разочаровано).* Крачковская? Но она же... это, большая.

Света. Чем больше девушка, тем лучше. Ладно, я пошутила.

Фотограф. Собирайся. Пойдём уже, а то мы хозяина выгнали, неудобно.

Света. А что ты его не фотографируешь?

Фотограф. Ты видела его лицо, когда он уходил, впуская нас? Оно было страшным. *(Раздражённо.)* Собирайся, я сказал...

Уходят.

Сцена 3

Входят трое мужчин, с закуской, с водкой, расслаживаются.

Сергей. Ну, рассказывай, Михалыч. По поводу чего праздник?

Михалыч. Да вот, юбилей. 22 года назад меня с моей женой её отец застукал. В его сарае любовью занимался. Ей

17, мне 18. Ну и поставил ультиматум. Или я женюсь на его дочке, или в тюрьму сажусь.

Сергей. Так, а в чём праздник?

Михалыч. Сейчас я бы уже вышел.

Сергей. Серьёзный повод.

Разливают.

Радиолобитель. Так выпьем за свободу!

Выпивают, входит Мастер.

Мастер. Т-а-а-а-к, по какому поводу пьянка?

Радиолобитель. Покупку обмываем.

Мастер. Это хорошо. А что купили-то?

Радиолобитель. Три бутылки водки. *(Смеются.)*

Мастер. А я тоже вот часы на рынке купил. Японские. Чудо техники. *(Показывает.)*

Сергей *(разглядывает часы, читает).* Маде ин Япон.

Мастер. Осторожнее, я за них 270 рублей отдал. Эх, ты, деревня!.. Мейд ин Джэпан. *(Забирает часы.)* Противударные. А вот, глядите, жмёшь на эту кнопку – тебе дату показывают, жмёшь на эту – время. Теперь глядите, хоп – калькулятор, причём калькулятор инженерный.

Радиолобитель. Зачем вам калькулятор инженерный?

Мастер. Пусть будет, пригодится. Вот, например, у моей тёщи девять курей. Как думаете, по сколькú яиц в день они несут?

Сергей. Я почём знаю?

Мастер. Ну, примерно?

Сергей. Ну, по одному, наверное...

Мастер. Хорошо, девять умножаем на один, умножаем на шесть, пусть воскресенье у них выходной...

Михалыч. У кого?

Мастер. У курей. Итого получаем... 54 яйца в неделю моя тёща имеет. Четыре яйца она оставляет себе, пять десятков по рублю за десяток... В общем, каждую неделю тёща по пять рублей навару имеет.

Сергей. Наверное.

Радиолобитель. Наливайте, обмоем. *(Выпивают.)*

Мастер. Они ещё водонепроницаемые. С ними нырять можно. На 100 метров.

Радиолобитель. За водонепроницаемость! *(Выпивают.)*

Михалыч. Подумаешь, водонепроницаемые... у меня вот «Восток», тоже водонепроницаемые.

Мастер. Куда там, нашим часам с ихними тягаться?

Михалыч. А давай испытаем?

Мастер. Кого?

Михалыч. Твои и мои часы?

Мастер. Как?

Михалыч. А нальём в кастрюльку воды и посмотрим: чьи протекут. *(Наливают воду, опускают часы.)*

Радиолобитель. За водонепроницаемость!

Сергей. Было уже.

Радиолобитель. За водонепроницаемость... За герметичность! *(Выпивают, вытаскивают часы, прикладывают к уху, идут.)*

Мастер *(с гордостью).* Это всё ерунда. Мои, хоть в кипящую воду кидай – ничего не будет. Мне парень, который часы продавал, рассказывал.

Радиолобитель. В кипящую воду любой дурак сможет. Нашим часам тоже ничего не будет. А вот вы в кофе попробуйте засунуть – тогда и хвалитесь.

Мастер. А какая разница, не понял?

Радиолобитель. Понимаете, что такое вода? Это аш два о, независимо от того, кипящая она или холодная. А что такое кофе? Это молекула аш два о, плюс молекула кофе.

Мастер. Ну и что?

Радиолобитель. Как это, что? Эти молекулы друг с другом скрепляются *(скрепляет свои два пальца)*, и расстояние между ними становится меньше. Таким образом, эта жидкость под названием «кофе» проходит там, где вода не пройдёт!

Михалыч (*восхищённо*). Ну, ты романтик.

Радиолобитель. Серёга, плитка есть?

Серёга. Есть. Какой кофе надо заваривать? «Пшеничный» или «Ячменный»?

Радиолобитель. «Ячменный», только покрепче.

Ставят на плитку кастрюлю, ждут, когда закипит, выпивают.

Михалыч (*Радиолобителю*). Слушай, ты же у нас радиолобитель?

Радиолобитель. Есть такое дело.

Михалыч. У меня тут сын в радиолобительский кружок ходит. Я обещал у тебя узнать. Можешь достать? (*Вынимаю из кармана бумажку.*) Три транзистора МП-39, один – МП-41, два конденсатора на 20 пикофарад, и сопротивление УЛМ на 15 Ом.

Радиолобитель. Найдём. (*Забирает список.*)

Сергей. По-моему кофе закипел.

Мастер (*Михалычу*). Ты первый.

Михалыч (*опускает часы в воду*). Теперь ты.

Мастер. Сколько им вариться?

Радиолобитель. Минут пять пусть полежат.

Сергей. Представляете, какие у вас теперь часы крутые будут? (*Выпивают.*)

Мастер. Всё. (*Хватает кастрюльку, бежит к выходу.*)

Радиолобитель. Вы куда?

Мастер. Всё! Время вышло.

Радиолобитель. Я понимаю. Кастрюлю куда понесли?

Мастер. Кипяток вылить.

Радиолобитель. Кофе-то зачем выливать? Мы его сейчас выпьем.

Мастер. А часы как достанем?

Радиолобитель. Эх, вы! Вы яйца из кастрюльки как достаёте? Тоже воду сливаете?

Мастер. А ты что, воду после яиц тоже выпиваешь?

Радиолобитель. Ну, вы сравнили: кофе и воду... Давайте, я сам вытащу.

Начинает вылавливать часы, сначала чайной ложкой, обжигается, топит чайную ложку, достаёт столовой.

Мастер. О, у меня идут.

Михалыч. У меня – тоже.

Мастер. У тебя стекло запотело.

Михалыч. Но идут же.

Мастер. Они всё равно рано или поздно встанут.

Михалыч. А у тебя тоже запотело. Я же говорил: наши часы не хуже ихних.

Мастер. Может быть, но у меня есть калькулятор, а у тебя нет.

Михалыч. Может быть, но мой калькулятор вот где (*стучит себе по голове*). Я, между прочим, эти часы купил, когда в армии служил. По ним танк тэ шестьдесят четвёртый проехал, они до сих пор ходят.

Радиолобитель. А танк?

Михалыч. Танк не ходит. Танк стоит. На вооружении. (*Мастеру.*) А ты вообще кто?

Мастер. Я? Мастер цеха «Шасси-2».

Михалыч. Серёгу знаешь?

Мастер. Нет. Просто шёл мимо, вижу – дверь открыта. Я и зашёл.

Михалыч. Ну, тогда давай, за знакомство. (*Наливает всем*).

Выпивают. Гаснет свет.

Сцена 4

Звучит музыка. В гараж начинают вносить гаражные артефакты: раковина, старый унитаз и т.д. – и расставлять в помещении гаража. Позывные программы «Время». Голос диктора: «Сегодня, 28 декабря 1976 года, с конвейера».

ра Волжского автомобильного завода сошёл трёхмиллионный автомобиль ВАЗ-2106. С воодушевлением приняло это известие весь советский народ. Продукция пользуется повышенным спросом не только у населения нашей страны. Автомобили осваивают и территории зарубежных стран. Таким образом, советский автомобиль стал по-настоящему народным автомобилем не только в России, но и за её пределами».

Сергей заходит в гараж, становится к точилу. Входит женщина – сторож кооператива.

Вахтёрша. Серёжа, можно я к вам с просьбой?

Сергей. А вы кто?

Вахтёрша. Я у вас тут вахтёром работаю.

Сергей. Вас как зовут?

Вахтёрша. Элеонора Иосифовна.

Сергей. Меня – Сергей.

Вахтёрша. Я знаю. Я в журнале фамилию вашу видела.

Сергей (*улыбнувшись*). Вам бы Штирлицем работать. Элеонора Иосифовна, просьба какая?

Вахтёрша. Тут слух разнёсся, что в 203-м гараже лучше всего ножи точат. Не наточите мне?

Сергей. Наточу. А что муж? Не может?

Вахтёрша. Не-е-е... у него руки из другого места растут.

Входит Мастер.

Сергей. Привет, посиди, я сейчас.

Вахтёрша. Ой, спасибо большое. А можно я вам коньки детские принесу. Наточите?

Сергей. Ну, приносите.

Женщина уходит.

Мастер. А я тоже узнаю, что ножи не наточены, только во время семейного скандала, от жены. А коньки... Я раз коньки так наточил, так наточил... До сих пор у себя в гараже колбасу ими режу! Слушай, я чего пришёл... Вроде машину хочешь покупать?

Сергей. Как тебе сказать... Хочу, конечно, но денег пока не очень много. Продать собираешься?

Мастер. Да. Жена сдала на права. Продать бы её от греха подальше.

Сергей. Ладно тебе. Зато теперь можешь выпить в гостях, жену – за руль.

Мастер. Как представлю – она за рулём... Нет, надо продавать. У неё и мать ненормальная. Тёща моя. Сделала из тряпок куклу в виде гаража и тыкает её иголкой.

Входит Радиолобитель с радиоприёмником «Океан-214».

Радиолобитель. Серёга, паяльник есть? У меня сгорел.

Сергей. Есть.

Радиолобитель. Сейчас, тут одну штучку припаять надо, и будем «Голос Америки» слушать.

Сергей. «Есть обычай на Руси – ночью слушать Би-би-си...?»

Мастер. Серёге некогда, он всем бабам ножи точит.

Радиолобитель. А не бабам – точишь?

Входит Михалыч, достаёт бутылку.

Сергей. Михалыч, ну ты без бутылки не можешь?

Михалыч. А зачем ходить в гараж без бутылки? И Новый год же уже, почитай, наступает.

Мастер. О, Серёгину покупку обмоем.

Михалыч. Какую покупку?

Мастер. Серёга машину собрался покупать.

Серёга. Какая машина? Я только в очередь записался, когда ещё подойдёт... У нас в цехе на пять лет всё уже расписано.

Михалыч. Тебе это надо? Я под машиной лежу чаще, чем на жене. За рулём всё время – то в больницу, то на рынок, то на дачу увези-привези, то её родственников... Выпить некогда.

Сергей. Мы всей семьёй о ней мечтаем. Даже сын уже требует.

Михалыч. Ну, дети – это святое. Давайте, тогда – за детей.

Мастер. А зачем тебе «Жигули»? Может, «Москвич» купишь? Я деда одного знаю, он на нём только на 9 Мая в орденках выезжает, остальное время в гараже стоит.

Сергей. Не-е-е-е, «Москвич» – разве это машина?

Радиолобитель. Это ведро с гвоздями.

Входит фотограф.

Фотограф. Серёга, вот фотки принёс.

Сергей. Ты бы их ещё через год принёс. Чего так долго-то?

Фотограф. Шедевры так быстро не делаются. Быстро только кошки делаются.

Радиолобитель. Родятся.

Фотограф. Не понял.

Радиолобитель. Быстро только кошки рождаются – так фраза звучит.

Фотограф. А, ну да...

Радиолобитель. Быстро только дети делаются.

Михалыч. Ну, это у кого как...

Сергей. Ну, давай, хвались. Мы их сейчас тут и развесим.

Фотограф достаёт фотографии, разворачивает, на фотографиях только женские ножки.

Сергей (*разочаровано*). Я думал, ты «обнажёнку» прине-сёшь.

Фотограф. «Обнажёнка» – это порнография. А ножки – это искусство.

Михалыч. Ну, ты и романтик.

Сергей. А меня сделал?

Фотограф. Вот (*показывает шарж*).

Сергей. Что это?

Фотограф. Это ты. Я тебя так вижу...

Гаснет свет.

Сцена 5

Звучит музыка. В гараж начинают вносить гаражные артефакты: капуста, картошка, морковь, лук, часы, кастрюли. Позывные программы «Время». Голос диктора: «Сегодня, 20 марта 1981 года, с главного конвейера Волж-

ского автомобильного завода, сошёл шестимиллионный автомобиль ВАЗ 2105. Модель стала родоначальницей второго поколения вазовской «классики». С воодушевлением принял это известие весь советский народ. Продукция пользуется повышенным спросом не только у населения нашей страны. Автомобили осваивают и территории зарубежных стран. Таким образом, советский автомобиль стал по-настоящему народным автомобилем не только в России, но и за её пределами».

В гараже сидят Сергей, Михалыч, играют в «очко».

Радиолобитель. Мужики, давно хотел привести, никак не получалось договориться, но вот, уговорил... ненадолго. Это чудо. Вот такие, оказывается, люди у нас в гаражах водятся. Владимир Александрович, сыграйте что-нибудь? *Баянист виртуозно исполняет джазовую пьеску.*

Михалыч (*обращается в зал*). Это как в том кино: «Так каждый сможет, вы нам».

Баянист. Мурку, что-ли сыграть? (*Начинает играть импровизацию на тему «Мурки».*)

Радиолобитель. Да ну, ее, эту «Мурку»! Владимир Александрович, сыграйте... сыграйте, известное что-нибудь. «Цыганочку», например.

Баянист. Ну, «Цыганочка» не пойдёт на этом баяне... (*Тем не менее, начинает виртуозно играть импровизацию на тему «Цыганочки».*)

Михалыч. А вот сыграйте...

Баянист. Нет-нет, ребята всё, опаздываю... Меня на свадьбе уже ждут. (*Поклонившись, уходит. Присутствующие аплодируют.*)

Радиолобитель. Вот ему бы на концертах выступать, а он по свадьбам ходит. Сопьётся, ведь... жалко.

Михалыч. А чего он тут, в гаражах, делает?

Радиолобитель. Соседи выжили. Он их достал своими гаммочками. Они со своими жалобами до исполкома дошли.

Михалыч. А я одного писателя знаю. Тоже тут, в гаражах, теперь обитает. Он на заводе списанную электрическую машинку приобрёл. Знаете, эту, венгерскую, «Роботрон», которая на заводе в каждой приёмной стоит. Как начинал дома стучать на ней, у соседей межкомнатные двери к чёртовой матери закрывались. Так они до райкома партии дошли.

Радиолобитель. Во что играем?

Сергей. В «очко».

Радиолобитель. Третьим буду?

Михалыч. Сидай, плиз.

Сергей. Ещё. Ещё. Себе.

Михалыч (*сдаёт*). У меня 19.

Сергей. У меня 17.

Радиолобитель. Михалыч, не преувеличивай.

Михалыч (*долго смотрит на Радиолобителя*). Охальник.

Голос диктора из радиоприёмника: «В просторных, светлых цехах автогиганта стоит швейцарское, японское, итальянское западногерманское оборудование...»

Радиолобитель (*выключает приёмник*). Но чаще стоит отечественное (*Михалычу*). Сдавай. Ещё. Ещё. Ещё. Себе.

Михалыч (*сдаёт*). У меня 18.

Радиолобитель. 19.

Михалыч (*продолжая играть*). Ну как, Серёга, очередь на автомобиль подошла?

Сергей. Подходит. Не знаю, как быть. Денег не хватает.

Михалыч. Ну, ты даёшь! Ты так в жизни денег не насобираешь: сидишь тут нам проигрываешь.

Сергей. Да ладно, что я тут проиграл? Рубль?

Михалыч. Рубль – тысячу бережёт. Слыхал?

Сергей. Нет. Копейка – рубль бережёт, – слышал.

Михалыч. Ну, умножай на сто. И получается, рубль тысячу бережёт.

Радиолобитель. Михалыч, учи таблицу умножения. Рубль умножить на сто – получится сто рублей.

Михалыч. У нас в школе математику все учат только для того, чтобы потом со своими детьми домашнюю работу делать.

Радиолобитель. А если ещё физику не учить? Представляешь, сколько потом, в жизни, чудес и волшебства встретишь?

Михалыч. Пока не встречал. Серёга, ты бы хоть карты краплёные сделал. Сейчас бы, глядишь, выиграл бы у нас по рублику – в кубышку. Вот так копить надо.

Сергей. Не честным путём не могу. Ещё только вас не обманывал...

Михалыч. Точно, давай я тебя сюда водить буду в «очко» поиграть, а ты будешь у них выигрывать.

Сергей. Хватит ёрничать. Я тут чтобы в очереди продвигнуться, и на субботники ходил, и в оперативный комсомольский отряд записался, у сына усы уже скоро появятся, а мы до сих пор «безлошадные».

Михалыч. Время есть ещё. До свадьбы далеко... А ты очередь продай. Сейчас многие так делают. Вот тебе ещё одна статья дохода. Ножи за деньги точи.

Радиолобитель. «Посодют». Если за деньги ножи точить будет. Нетрудовые доходы.

Михалыч. А ты, Серёжа, натурой бери. Нож – бутылка. А бутылку мне продавай. Но не по спекулятивным ценам, а дешевле, чем в магазине.

Радиолобитель. Так ты первый его и сдашь. Напишешь анонимку.

Михалыч. Я на немцев анонимок не пишу. Ещё?

Радиолобитель. Себе. А на кого пишешь?

Михалыч. Только на хохлов. У меня очко. Может, на кон ставить будем не по 2 копейки, а по 10? Поможем Серёге?

Сергей. Смеёшься?

Михалыч (*Радиолобителю*). Что нового на загнивающем Западе?

Радиолобитель. Много чего. Говорят, Брежнев скоро померёт.

Михалыч. Да, ну! Как так – Брежнев помрёт? Врёт Би-би-си! Пропаганда! Брежнев никогда не помрёт! Как Ленин! Чего ещё?

Радиоловитель. Японцы скоро начнут магнитофоны выпускать размером с ладошку. Представляете, идёшь, а он у тебя в кармане лежит.

Сергей. Да ладно врать-то... *(Подходит к полке, снимает бобинный магнитофон, ставит на стол).*

Радиоловитель. Они в продажу в следующем году поступят.

Сергей. Ну, хорошо. А катушки они куда денут? *(Показывает на бобины.)*

Радиоловитель. Уменьшат.

Сергей. А батарейки?

Радиоловитель. Не знаю... может быть, на провода троллейбусные закидываешь контакты – вот тебе и питание.

Михалыч. Допустим. Я понимаю, батарейки, возможно, в будущем и смогут сделать маленькими, но... Но как сделать всю кинематику? Это же двигателя, это пассики, маховики, подшипники? Сам подумай, разве можно всё это – батарейки, бобины, кинематику – соединить всё вместе и уместить на ладони?

Радиоловитель. Думаешь, врут японцы?

Михалыч. Конечно. Пропаганда. Нереально всё это... Романтики...

Звук скрежета, металлического удара, Сергей выглядывает в дверь, зовёт остальных посмотреть, три мужских головы поворачиваются одновременно в одну сторону, другую, возвращаются на место, смеются.

Радиоловитель. Слушайте, я всё-таки схожу, помогу ей загнать в гараж. *(Уходит.)*

Сергей. Недавно появилась. Первая автоледи в нашем кооперативе.

Михалыч. И опыт – сын ошибок трудных... Замужем?

Сергей. Говорю же, недавно появилась. Поэтому – не знаю.

Михалыч. Анекдот по этому поводу. Что это у тебя за татуировка ниже спины – 00-88? Это не татуировка, это жена нажала на газ, когда я гараж открывал.

Входят Радиоловитель и Лидия Сергеевна.

Радиоловитель. Мужики, знакомьтесь, Лида... ой, простите, Лидия Сергеевна.

Сергей. Сергей.

Михалыч. Антон. *(Смахивает карты на пол).*

Лидия Сергеевна. Ой, спасибо мальчики. Я не знаю, как бы я без вас справилась.

Михалыч. А что, муж не может загнать машину в гараж?

Лидия Сергеевна. Муж, объелся груш. У девушки неприлично спрашивать две вещи: сколько ей лет и замужем ли она.

Михалыч *(достаёт из-за пазухи бутылку водки).* Может, отметим удачную постановку вашего автомобиля в гараж?

Лидия Сергеевна. Ой, что вы... Я с незнакомыми мужчинами не пью.

Михалыч. Так за знакомство. Мы же уже познакомились.

Лидия Сергеевна. Я водку не пью.

Михалыч. Мы её тоже ненавидим. А что делать? Другого нету. *Музыкальная пауза, герои выпивают.*

Лидия Сергеевна *(нетвёрдым голосом).* Поехала в понедельник в автосервис, сказали, что быстро сделать не смогут. Поехала вчера в гаражи, сделали за полчаса, за бутылку. И где логика? Этого понять не способна даже женская логика.

Радиоловитель. Лидия Сергеевна, вы – прелесть.

Лидия Сергеевна. Можно просто, Лида. И на «ты».

Лидия Сергеевна, достаёт сигарету, все кинулись предлагать огонь.

Сергей. Э, э, у меня в гараже не курят. Идите отсюда! *(Выгоняет всех, кроме Лиды, но она сама уходит вместе со всеми. Гаснет свет.)*

Сцена 6

Звучит музыка. В гараж начинают вносить гаражные артефакты: автомобильные запчасти, покрышки и т.д.

Вахтёрша. Серёжа, мне, конечно, неудобно. Наточил коньки?

Сергей. Наточил. *(Передаёт коньки).* Элеонора Иосифовна, вы же тут про всех всё знаете?

Вахтёрша. Скажешь тоже. Всё и про всех... Всё, но не про всех, про всех, но не всё.

Сергей. Тут ребята интересуются. В 197-м боксе, что за девушка?

Вахтёрша. Ну, эта девица не про вашу честь. Папа у неё – директор «Плодовоцторга».

Сергей. О, ананасы, бананы...

Вахтёрша. Какие бананы? Помидоры, огурцы в апреле, зелёный лук в марте – это да. Её папа иногда привозит нашему председателю. А девчонка порченная. Порченная. Не наша.

Сергей. Это ещё почему?

Вахтёрша. Юбка выше колен, сапоги итальянские. И кофе по утрам пахнет.

Сергей. А наши девчонки чем пахнут? Перегаром?

Вахтёрша. Это вы тут почти все перегаром пахнете. А наши девушки пахнут пирожками, в праздники – духами «Красная Москва».

Сергей. И как это вы умудряетесь учуять, кто чем пахнет?

Вахтёрша. Серёжа, чем старше становишься, тем более глаза слепнут. Чем хуже зрение, тем лучше нюх. А насчёт Лидочки... Это номенклатура. Не сама она, конечно, – папа. Но вы тут все для неё – не её круга. Да ты же, вроде, женат? *(Игриво грозит пальчиком.)* Котяра.

Сергей. Говорю же – ребята интересовались.

Вахтёрша. Знаю я этих ребят. Серёжами их зовут. *(Уходит.)*

Входит Фотограф.

Фотограф. Серёга, дело есть.

Сергей. Слушаю.

Фотограф. А можно я у тебя тут девушку пофотографирую?

Сергей. Ну, сколько можно?

Фотограф. Серёга, во, как надо. *(Проводит ладонью по горлу).*

Сергей. Остепенись уже.

Фотограф. Серёга, всё идёт по плану.

Сергей. Ты где тут фотографировать умудряешься? Я понимаю, когда он был полупустым. А сейчас помещение забито банками, горшками, книгами, журналами...

Фотограф. Класс!

Сергей. Что – класс?

Фотограф. Представляешь, молодая красивая девушка – на горшке...

Сергей. И что?

Фотограф. Ну, это же целая философия! Когда-то девочка была маленькая. И она выросла из этого горшка, вместе с горшком, и превратилась в прекрасную, красивую девушку. В одном снимке – сказка, «Гадкий утёнок».

Сергей. Ну, ты и философ. Никогда бы не связал девушку на горшке, пусть и прекрасную, и сказку «Гадкий утёнок». Что, так без всего и будет сидеть на горшке?

Фотограф. Ну, ты меня недооцениваешь. Всё будет прикрыто и прилично. С горшком – это я так, к примеру. Или вот другой вариант. С «Комсомольской правдой» в руке, комсомольский значок на груди и свечка. Композиция называется «В ожидании любви».

Сергей. Э-э, сожжёте тут всё к чёрту. А грудь – обнажённая?

Фотограф. А как я значок к коже прицеплю? Нет, конечно.

Сергей. На жвачку.

Фотограф. А это – мысль!

Входит Михалыч, садится, достаёт бутылку водки.

Сергей. Михалыч, сегодня что за праздник?

Михалыч. Нет никакого праздника. Просто попросили достать бочку солидола, я свёл с людьми, у которых этого солидола... как дров на лесопилке.

Сергей. Не пей, Михалыч, из бутылочки, козлёночком станешь.

Входит Радиолобитель.

Михалыч. Ты как моя жена. Тоже критикует. На меня возложена ответственность за принятые ею решения... Вахтёршу сейчас встретил, с коньками. Сразу понял – у тебя была. Ты смотри, будь осторожней с этой старой еврейкой. Потом окажется, что вскоре ты должен ей платить за заточку ножей. Вот так, румяный критик мой.

Сергей. Михалыч, я глубоко советский человек. Потому для меня национальность не важна. Для меня два критерия: плохой или хороший человек. А вот этот шовинизм оставь при себе.

Радиолобитель. Действительно, Михалыч, ну сам подумай! Где это ты видел, чтобы еврейка гараж сторожила? В крайнем случае – консерваторию!

Михалыч. Ну, а кто она по-вашему?

Фотограф. Казачка.

Михалыч. Элеонора Иосифовна?.. Казачка?

Радиолобитель. Да. Запорожская.

Михалыч. Ну, пусть будет казачка.

Фотограф. Насчёт Элеоноры Иосифовны. *(Кивает на стоящую бутылку.)* Судя по твоим способностям из любого действия извлекать выгоду, казак – больше ты, чем она.

Михалыч. Я не требую – сами дают.

Радиолобитель. Ну, где Михалыч, там праздник.

Фотограф. Он казак. Поэтому наоборот: где праздник, там и Михалыч.

Михалыч. Я не казак. Показать?

Фотограф. А я сфотографирую.

Михалыч. Короче. Серёга, у тебя тут закуска есть?

Сергей. Только лук.

Михалыч. А говоришь – закуски нет. Годиться, мечи. *(Выпивают.)*

Михалыч. Она сама его ест. Мешками. Да знаешь ли ты, что... казак...и лук – понятия неразделимые. Моисей, когда 40 лет по пустыне их водил, только луком и кормил.

Радиолобитель. Он, вроде, их пятью хлебами накормил?

Михалыч. Нет. Луком и чесноком. Мы говорим казак – подразумеваем лук, говорим лук – подразумеваем казак.

Сергей. Не знал. Но нюх у неё, как у собаки.

Фотограф. А глаз – как у орла?

Сергей. Вот с глазами, говорит, не очень.

Входит Лида.

Лида. Мальчики, я к вам за помощью. Поможете? Мне недавно поставили задние колодки, а при торможении чувствую передние. Запах такой противный идёт.

Радиолобитель. Мужики, это по моей части. Лидочка, это вам надо передние колодки поменять.

Берёт Лиду под руку, ведёт к выходу.

Лида. И ещё у меня между ног что-то звенит.

Михалыч. А вот это уж точно не по моей части. *(Вдогонку уходящим.)* Лидочка, что же ты, голубушка, делаешь? Разве ты не знаешь, что после того, как поставила автомобиль, мозгу надо давать отдых?

Хватает бутылку, идёт за ними.

Сергей. Может, нашу соседку пофотографируешь? С условием, что и мне пару фоток подаришь.

Фотограф. Со свечкой или на горшке?

Сергей. При чём тут горшок? Портрет, вот такой. *(Очерчивает параметры.)*

Фотограф. Не получится. Я уже ей предлагал. Представляешь, я три дня пас её. Ждал, когда она в гараже появится.

Сергей. И что?

Фотограф. Сказала, что у неё уже есть персональный фотограф.

Сергей. Ну, ты и Дон Жуан! Наш пострел везде поспел.
Появляются Радиоловитель, Михалыч.

Сергей. Что, уже охмурили?

Радиоловитель. Всё идёт по плану, но мы в её планы не входим. Да ещё некоторые штатские (*кивает на Михалыча*) тут под ногами путаются.

Михалыч. А я её спою. Пьяная женщина сама себе не хозяйка.

Радиоловитель. Михалыч, куда ты лезешь? Ты для неё старей.

Михалыч. Это она для меня молодая. Она для меня в переходном возрасте. Зато будет кому на старости лет поднести стакан.

Сергей. Ты что, уже разводиться собрался?

Михалыч. Вот ещё...

Фотограф. Ты даже куртки носишь под названием «зато тёпленько».

Михалыч. О, если бы у меня был фотик, она бы и сутки не продержалась.

Фотограф. Х-м... Михалыч, если женишься на молодой, то в твои пятьдесят в её глазах будешь постоянно видеть сочувствие, в шестьдесят – ненависть, в семьдесят – испуг, в восемьдесят – безнадёгу...

Михалыч. Испуг-то с чего?

Фотограф. Что так долго живёшь.

Сергей. Что, мы сейчас тут из-за девушки переругаемся?

Михалыч. Не, не переругаемся. (*Разливает водку.*) Это то, что нас всех объединит. И её с нами. За мир во всём мире!

Гаснет свет.

Сцена 7

Звучит музыка. В гараж начинают вносить гаражный «хлам». Позывные программы «Время». Голос диктора: «Сегодня, 9 октября 1986 года, с конвейера Волжского автомобильного завода сошёл 10-миллионный автомобиль ВАЗ-2108. С воодушевлением принял это известие весь советский народ. Продукция пользуется повышенным спросом не только у населения нашей страны. Автомобили осваивают и территории зарубежных стран. Таким образом, советский автомобиль стал по-настоящему народным автомобилем не только в России, но и за её пределами».

На сцене Сергей, входит Радиоловитель.

Радиоловитель. Гляди, что достал. Джо Дассен. (*Показывает грампластинку.*)

Сергей. Раритет?

Радиоловитель. Нет, пластинку выпустили ещё в 80-м. Но здесь её не достать. Из Москвы привезли. Может, послушаем?

Сергей. Ставь.

Радиоловитель вскрывает упаковку, ставит в проигрыватель, раздаётся знакомая мелодия. Поёт Зыкина: «Изда-лека, долго, течёт река Волга-а-а-а».

Радиоловитель (*нервно снимает пластинку, читает*). «Русский народный хор». Вот Москва, вот прохиндей! (*Собирается поломать пластинку.*)

Сергей. Оставь, моим родителям нравится. Был бы Михалыч, сейчас бы потребовал обмыть попку.

Радиоловитель. Я тут узнал... Оказывается, Лидка – дочь директора «Плодовоцторга».

Сергей. Я знаю.

Радиоловитель. А чего молчал?

Сергей. А ты спрашивал?

Радиоловитель. Мог бы догадаться.

Сергей. А ты чего, в родственники метишь? Представляешь, какой тесть?

Радиоловитель. Какой, к чёрту, тесть... Я женат.

Сергей. И когда это нас останавливало?

Радиоловитель. Так она же избалована. Её же надо по ресторанам водить. Шампанское, коньяк. Я всего раз в жизни в ресторане был. На своей свадьбе.

Сергей. Ну, да. Девушка с непростой судьбой.

Радиоловитель. Сколько она пьёт, я столько не зарабатываю. Ты знаешь, что она Михалыча ушатала?

Сергей. Это как?

Радиоловитель. Ну, он к ней в гараж сунулся с бутылкой. Ей нужен был кузов 1-й комплектации на машину – побила где-то машину. Михалыч вызвался помочь. Но с условием, что она с ним выпьет. Пили наравне. Не знаю, что уж там было, только она Михалыча на вахту сдала, а сама на своих ногах ушла.

Сергей. Ничего странного. Она от одной мысли, что Михалыч пытается её соблазнить, трезвела.

Радиоловитель. По-моему, она нас использует. То одно помощи сделать, то другое. Мило улыбнётся, спасибо и – до свидания.

Сергей. Жалко, что ли? Красивая девка. Такой грех не помочь.

Радиоловитель. Не жалко, конечно. Только другого хочется...

Мечтательно закатывает глаза.

Звучит музыка, Радиоловитель танцует с Лидой, Михалыч танцует с Лидой.

Гаснет свет.

Когда снова загорается свет, за столом сидят Сергей и Михалыч.

Сергей. Что-то грустно мне.

Михалыч. Что случилось?

Сергей. Возраст Христа, а ещё ничего не сделал.

Михалыч. Например?

Сергей. Машины вот, до сих пор нет. Гараж есть, и то – благодаря отцу с матерью, а машины не видать, как своих ушей.

Михалыч. Ну, ты и философ! Квартира есть, гараж есть, жена есть, дети есть. Вон, выдь, дерево за гаражами посади. И у тебя – всё есть. Чего тебе надо?

Сергей. Шестёрку.

Михалыч (*передразнивает*). Шестёрку. Вот я тебя старше, да? Аж на 15 лет. Вот посмотри на меня. Ты – моё недалёкое прошлое, а я – твоё будущее. Тоже, поверь мне, недалёкое. Так вот машина эта мне поперёк горла. Тоже, когда купил, знаешь, какой у меня щенячий восторг был? Биение двух сердец было, в унисон. У меня и автомобиля. Правда, у меня просто мотор, а в машине – пламенный мотор. Пока новый. А как началось ломаться... ничего не достать. Крышку трамблёра полгода доставал. Цыгане распродвал продали, а он некондиционный, не калёный. Месяц езжу, три – стою. Сегодня машину ремонтирую, а завтра – печень. Теперь вот и мой мотор из-за неё барахлить стал.

Входит Радиоловитель.

Михалыч. О, диссидент пришёл. Что там Би-би-си говорит в новостях?

Радиоловитель. В СССР поймали ещё одного супершпиона. Говорят, хотел весь воздух из Советского Союза в Китай перекачать, чтобы все тут задохнулись. А сам бы он потом в герметичном скафандре в Америку через Берингов пролив сбежал.

Михалыч. Знаешь, после того как Би-би-си предсказала смерть Брежнева, я уже ей верю.

Радиоловитель. Чем заняты?

Сергей. Да вот, Михалыч, лечиться собрался. От машины.

Радиоловитель. Берегите себя. От больницы.

Михалыч. В смысле?

Радиоловитель. Знаете, чем наша медицина отличается от ихней?

Михалыч. Чем?

Радиоловитель. В ихней медицине лечат от одного, а умирают от другого.

Михалыч. А в нашей?

Радиоловитель. А в нашей – от чего лечат, от того и умирают. (*Сергею.*) Ну, ладно, Михалыч, помирать собрался, а ты чего такой грустный?

Михалыч. Никак очереди на покупку машины не дождётся. Сколько уже стоишь?

Сергей. Восемь лет.

Радиоловитель. Ха, восемь! У нас в бригаде, например, и по десять стоят. Опоздал на работу, прогулял – в хвост очереди. Да что там прогулял, на субботник пару раз не пришёл – не достоин. Генка у нас, на проходной попался, десять несчастных предохранителей выносил, так его вообще из списка вычеркнули. Посадить не посадили, а из списка вычеркнули. Он больше никогда автомобиль не купит. Чего мучаешься? В партию вступи – первоочередником сразу станешь.

Сергей. Да я особо и не тороплюсь. Денег всё равно не хватит.

В гараж заглядывают два кавказца.

1-й. Чё, есть чё?

Михалыч. Чё надо?

1-й. Краска «делфин» нада.

Михалыч. Какой делфин?

2-й. Рыбка такой.

Михалыч. Так нет такой.

2-й. Не делфин, кефал. Цвет такой на машина.

Радиоловитель. Эта краска «форель» называется.

1-й. Да-да, форэл. Нормально делай – нормально будет.

Михалыч (*Радиоловителью*). Им краска, что ли, нужна?

Радиоловитель. Ну, да.

Михалыч. А-а, ну, пошли.

Уходят.

Радиоловитель. Я чего заходил... Май пришёл, скоро открытие летнего сезона. В субботу на турбазу на субботник собираемся. Поедешь?

Сергей. Пока не знаю.

Появляется Михалыч с бутылкой водки над головой.

Михалыч. У азербайджанцев заработал. Навёл на владельца краски.

Сергей. Я – пас.

Михалыч. Что такое?

Сергей. Михалыч, знаешь закон Архимеда?

Михалыч. На тело, погружённое в жидкость, действует выталкивающая сила...

Сергей. Молодец, садись – пять! А знаешь обратный закон Архимеда?

Михалыч. Нет, какой?

Сергей. На жидкость, погружённую в тело, тоже действует выталкивающая сила... прямо пропорциональная объёму тела. Ну, дальше по тексту основного закона. Так что давай, без нас.

Радиоловитель. Я за рулём.

Михалыч. Ну, на нет и суда нет.

Сергей. Всё, друзья! С этого момента никаких водок, никаких трат, режим жёсткой экономии. Каждую копейку коплю на машину.

Михалыч. С Нового года или с понедельника?

Сергей. С этой минуты!

Уходят.

Сцена 8

Сергей танцует матросский танец «Яблочко». Заходит Радиоловитель, синхронно начинает подтанцовывать.

Радиолобитель. По поводу чего праздник?

Сергей. Мотоцикл купил.

Радиолобитель. Здорово.

Продолжают танцевать. Заходит Фотограф, начинает синхронно подтанцовывать.

Фотограф. Что за шум, а драки нету?

Радиолобитель. Серёга мотоцикл купил.

Фотограф. Вот это я понимаю! Вот это фон будет!

Продолжают танцевать. Входит Михалыч. Начинает тоже танцевать. Но не синхронно.

Сергей. Ну, Михалыч, ты как придёшь, так всё испортишь.

Музыка прекращается. Все рассаживаются.

Михалыч. Рассказывай, как дело было.

Сергей. А чего рассказывать? Иду, я, значит, по авенюстрит Ленина. Захожу в «Спортовары», а там завезли два «Ижа». Я – к продавщице. «Что, говорю, можно прямо и купить?» А она: «Вообще-то по записи... Но сегодня конец месяца, нам надо план выполнять. Так что если деньги есть с собой, можешь купить». Я как с цепи сорвался. Сберкнижка с собой, как назло, паспорт – тоже, сберкасса – через дорогу.

Михалыч. И как ты его допёр до гаража?

Сергей. Целая история. Он в упаковке, пока разобрал деревяшки, пока его собрал..., пока с мужиками коляску цеплял. Мир не без добрых людей. Полдня со мной столько советчиков было... Вот хотите верьте, хотите нет, но он завёлся. И потихоньку-потихоньку я его до гаража и довёз.

Михалыч. Коляска тебе с какого перепугу потребовалась? Купил бы без коляски, а и без коляски взял бы чего подешевле, тот же «Восход» или мотороллер.

Фотограф. Не-не-не... Серёга, ты правильно сделал, что с коляской взял.

Примеряет позы для моделей на фоне мотоцикла.

Сергей. Михалыч, во-первых, где это ты видел, что если мотоцикл идёт с коляской, то его тебе продадут без неё?

Во-вторых, когда мне родители подарили гараж, я хотел купить «Восход». Знаешь, что мне жена сказала?

Михалыч. Что?

Сергей. Что она не профурсетка, чтобы на мотоциклах ездить.

Михалыч. А это что, не мотоцикл?

Сергей. Ну, ты сравнил. Коляска – это уже полумашина.

Фотограф. Верно-верно. Михалыч, что к человеку привязался?

Михалыч. Да я чего? Пусть будет. Ты только когда ехать на нём будешь, сильно не улыбайся.

Сергей. Это ещё почему?

Михалыч. Зубы в мошкаре будут.

Радиолобитель и Фотограф смеются.

Радиолобитель. Давай, показывай уже.

Все рассматривают мотоцикл.

Михалыч. А чего мотоцикл зелёный, а коляска красная?

Сергей. Ну, чего дают, то и бери.

Радиолобитель. Это комплектация такая. Элит.

Фотограф. «ИЖ Юпитер»?

Сергей. «ИЖ Юпитер – 5».

Радиолобитель (*достает из коляски книжечку*). О, инструкция по эксплуатации. Теперь это, Серёга, твоя настольная книга. Твоя азбука.

Михалыч. Камасутра теперь его настольной книгой будет.

Фотограф. Да, кстати, какие кадры с девочками можно сделать!

Радиолобитель. Кто о чём, а вшивый о бане.

Михалыч. Как жена-то твоя среагировала на твоё безумство?

Сергей. Раз мы раздербанили сберкнижку, она пошла и люстру купила. И у нас теперь договор: она не попрекает меня мотоциклом, я не попрекаю её люстрой. Хотя в коляске ездить за грибами в лес не возражает.

Михалыч. Неравноценная замена-то.

Сергей. Да, если не учитывать, что стоимость люстры равна половине стоимости мотоцикла.

Фотограф. Ничего себе! Что это за люстра-то такая?

Сергей. Не знаю, чехословацкая, какая-то. С хрустальными висюльками.

Михалыч. Но тоже ведь показатель. Не шубу себе купила, люстру в семью!

Радиоловитель. Ты люстру принеси сюда.

Сергей. Это ещё зачем?

Радиоловитель. А пусть наш Микеланджело моделей на люстре поснимает.

Фотограф. Ага, а давай мы твой «Грюндик» к коляске прицепим?

Радиоловитель. Это ещё зачем?

Фотограф. Представляешь, какая это антенна для твоего «Грюндика»?

Радиоловитель. Какая?

Фотограф. Все подпольные радиостанции ловить сможешь.

Сергей. Чего это вы всё мои вещи делите?

Михалыч. Действительно. Давай, Сергей, проставляйся. Обмывать будем. Три вещи: «ижак», коляску и люстру.

Сергей. Проставлюсь. Сейчас у меня нет.

Михалыч. У меня есть (*достаёт бутылку*).

Начинается употребление алкоголя. Стробоскоп, высвечивающий «стоп-кадры» гулянки.

Гаснет свет.

Когда зажигается, на сцене один Сергей. Входит Лида, вся в белом, как привидение. Сергей, падает на колени, тянет к ней руки. Мелодия русского хора перетекает в песню Джо Дассена.

Снова гаснет свет.

Сцена 9

Луч прожектора освещает висящий на стене портрет Дзержинского, загорается второй луч и освещает одиноко сидящего в гараже Сергея.

Михалыч (*входя*). Есть тут кто?... Кто тут?... Серёжа... Серёжа? (*Нащупывает на стене гаража выключатель, включает свет.*) А я смотрю, дверь приоткрыта, а света нет. Думаю: забыл, что ли, гараж запереть? Ты чего без света сидишь? А где мотоцикл? Гусар не может жить без лошадей.

Сергей. Угнали...

Михалыч. Как «угнали»? Когда? Правда, что ли?

Сергей. Правдивей не бывает. В понедельник, у меня выходной, отцепил от коляски, поехал домой. Заскочил, буквально на пятнадцать минут, спускаюсь – нет мотоцикла.

Михалыч. А ты?

Сергей. Я – в милицию, заявление написал.

Михалыч. А они?

Сергей. А что «они»?

Михалыч. Ну, я не знаю, свидетелей во дворе, в доме спрашивают, следственные эксперименты производят...

Сергей. Свидетелей пытаюсь спрашивать я, там только заявление приняли. Да какие свидетели? Самое противное, что во дворе и мотороллеры, и те же мотоциклы – «Восходы», «Мински» – месяцами стоят.

Михалыч. Вот ты сравнил! Они все покоцанные, уколхоженные, а твой – никелем сверкает. Конечно, позарятся.

Сергей. Так противно.

Михалыч. Понимаю. Жена-то что?

Сергей. Погоревали вместе, но ни слова в упрёк.

Входит Радиоловитель.

Радиоловитель. Серёга, правда, что ли?

Михалыч. Правда-правда.

Радиоловитель. Что в милиции говорят?

Михалыч. Посланная по следу собака вернулась ни с чем.

Радиолобитель. Понятно.

Михалыч. Хоть коляска осталась. Очень удобный стол.

Сергей. Ну ладно бы на ночь оставил. Но пятнадцать минут... Я всего-то пять раз успел выехать. Один раз просто покатались с семьёй, два раза на рынок и два раза за грибами.

Михалыч. Не переживай. Представляешь, какое горе было бы, если бы у тебя автомобиль украли? В общем, Серёга, так! Если куда надо – говори. Отвезу-привезу. Мне что родственников жены возить, что тебя. Тебя – лучше.

Радиолобитель (*осматриваясь*). А ты зачем тут портрет Дзержинского повесил?

Сергей. Это символ. Символ беспощадной борьбы с уголовным элементом: ворами, насильниками, убийцами. Он теперь мой кумир.

Радиолобитель. Ты в порядке?

Сергей. Более чем.

Радиолобитель. И что, не слышал никаких звуков?

Сергей. С седьмого этажа?

Михалыч. Да они, наверное, за угол дома вытолкали, а там завели и уехали. Слушай, а куда ты дел фотографии... тут висели...

Радиолобитель (*Михалычу*). Дурачина ты, простофиля. Дзержинский и женские ножки – понятия несовместимые.

Михалыч. Во-первых, какой же я простофиля, если знаю такие слова, как «отнюдь» и «милостиво соизволил снизойти», а во-вторых (*находит фотографии, развешивает*), очень даже всё сочетается. Чужих жён некрасивых не бывает. Красиво же. Жизнь-то продолжается.

Радиолобитель. Голубых кровей, значит? Граф, или герцог?

Михалыч. Бери выше. Моторист шестого разряда. Это по-лучше всяких там графьёв.

Радиолобитель. Действительно. Выше только царь.

Михалыч. Выше только бригадир мотористов.

Сергей. А может, объявление развесить везде? «Куплю новый мотоцикл «Иж Юпитер». Дорого».

Михалыч. Наверяд ли поможет. Его сейчас, скорее всего, на запчасти разберут. И будут по частям продавать. Продавать угнанный – это легко попасться можно.

Входит Мастер.

Мастер. Это правда?

Радиолобитель. Что?

Мастер. Что мотоцикл угнали?

Радиолобитель. Правдивей не бывает.

Мастер. А что в милиции говорят?

Сергей. Не надо, говорят, было без присмотра технику оставлять. А то провоцируете преступников, а потом жалуетесь.

Мастер. Ты смотри, что творят! Я когда в общежитии жил, у меня джинсовый костюм спёрли. Польский. Я в Москве за ним очередь в два с половиной часа отстоял. Один раз только и надевал. Даже не столько сам костюм жалко было, сколько вот это гадкое чувство брезгливости. Будто в душу нагадили. У кого не крали в жизни ничего, тот, конечно, не поймёт.

Михалыч. Я пойму. У меня раз жена со своими подругками бутылку спёрли. Видите ли, им нечего было выпить. И мою заначку-то и нашли. С тех пор я водку в доме не храню.

Мастер. Э-э, для женщин бутылку пожалел.

Михалыч. Я не пожалел, я вот про это чувство, будто в душу нагадили. Нет, чтобы меня дожидаться, вежливо попросить. Да я бы ещё и сам в магазин сбегал бы.

Радиолобитель. А говоришь, голубых кровей. Я бы вот еще и подливал.

Михалыч. А я и подливаю подружкам... по отдельности. Пока жены нет. Столько много интересного про жену узнал!.. Пьяная баба врать не будет.

Радиоловитель. Оно тебе надо?

Михалыч. Информация лишней не бывает.

Мастер. Серёга, у тебя водительские права есть?

Сергей. Есть.

Мастер. Давай, переводись к нам, на конвейер. Водителем-испытателем. Хоть на заводе накатаешься. Я с отделом кадров договорюсь.

Сергей. А что, можно?

Мастер. Есть возможность. Переводись.

Радиоловитель. А куда у нас Лида подевалась?

Михалыч. Э-э, вспомнил. Замуж вышла за итальянца. И укатила за бугор.

Радиоловитель. Изменница Родины.

Михалыч. Я давно её подозревал.

Радиоловитель. В чём?

Михалыч. В прелюбодеянии.

Радиоловитель. Михалыч, какое прелюбодеяние? Она не замужем. Была.

Михалыч. Она нам всем изменила.

Мастер. Не переживайте. У неё за это папашу из партии выгнали, с директоров сняли.

Сергей. Мужики. А можно я один побуду?

Михалыч. Да, конечно.

Мастер. Серёга, давай, в понедельник приходи ко мне на участок.

Сергей. Хорошо, приду.

Гаснет свет.

Сцена 10

Звучит музыка. В гараж начинают вносить гаражные артефакты: лыжи, коньки, клюшки т.д.

Позывные программы «Время». Голос диктора: «13 октября 1991 года в Сингапуре в рамках торговой вы-

ставки-ярмарки советского машиностроения прошёл показ продукции Волжского автомобильного завода. Так же ВАЗ выступил учредителем выставки автомобилей на Всероссийской автомобильной бирже... Завод представил на выставке спортивную модификацию модели ВАЗ-2108 с улучшенными потребительскими качествами, а также серийные ВАЗ-2104, ВАЗ-21051, ВАЗ-2107, ВАЗ-21063, ВАЗ-2108, ВАЗ-2109, ВАЗ-21093, ВАЗ-21099, ВАЗ-1111 ...»

Входит Михалыч, молча садится.

Михалыч. Вот тебе нравится жить в нашем городе?

Сергей. Нравится. Волга одна чего стоит, завод... Он мне даёт чувство свободы. Работа – это чувство свободы. Во всяком случае, с помощью денег, которые я зарабатываю на заводе, я организовываю свой досуг.

Михалыч. То есть завод для тебя – всё.

Сергей. Михалыч, не темни. Что случилось?

Михалыч. Мой хочет уезжать. Навсегда, в Ленинград.

Сергей. Радуйся.

Михалыч. Да чему уж радоваться? Для меня завод, как и для тебя тоже, – всё. Думал, что и мои дети пойдут по моим стопам. Сколько, вон, рабочих династий! Гордился бы. А теперь?..

Сергей. Сам на главном конвейере, всю жизнь проработал мотористом, хочешь, чтобы и сын, и внуки, и правнуки потомственными мотористами стали?

Михалыч. Зачем? Вон, какой научно-технический центр отгрохали! Выучись, иди инженером.

Сергей. Ну, видимо, молодёжь этим не заманишь. Помимо работы, что-то ещё должно привлекать.

Михалыч. Но тебе же, вот, нравится тут жить.

Молча входит Радиоловитель, молча наблюдает.

Сергей. Я себе свою жизнь сам организовал, встретился. *(Иронично декламирует.)*

Тот, кто на БАМе ничего не строил
И целину собой не поднимал,
Неплохо тоже жизнь свою устроил
И «Жигули» в Тольятти собирал.

Михалыч. Понимаешь, я даже не о себе. У меня сколько знакомых – у всех дети уезжают.

Сергей. И пусть.

Михалыч. Ну как ты не понимаешь! Это же означает, что город опустеет и захиреет.

Сергей. Пока есть завод, сюда, на место твоих детей приедут чужие дети, дети других родителей. Круговорот детей в природе.

Михалыч. Пока работает завод...

Радиолобитель. Комсомола не стало, вот теперь молодёжь и занять некому, и заняться нечем.

Сергей. У нас в цеху тоже один ненормальный, всё плачется, что комсомола не стало. Поэт. Раньше ему стихи заказывали для приветствия пионеров писать, а теперь некому.

Радиолобитель. Так вы его отправьте в Северную Корею. Там и пионеры, и комсомольцы, и партия есть.

Михалыч. Нельзя. Все поэты – маньяки.

Сергей. Это ещё почему?

Михалыч. А потому. Они, поэты, знаешь, какие? Заманят девушку в лесопосадку, привяжут к дереву – и ну давай ей стихи свои читать!

Радиолобитель. Тогда в Корею точно не примут. Тогда пусть для профсоюзов пишет. Профсоюзы-то ещё остались.

Сергей. Михалыч! (*Поёт.*) Не надо печалиться, вся жизнь впереди, вся жизнь впереди...

Михалыч (*прерывая*). Только хвост позади.

Радиолобитель. Ну, уж коли такой серьёзный разговор у вас пошёл... Тут другая беда.

Михалыч. Какая? Горбачёв помрёт?

Радиолобитель. Научно-технический прогресс. А с ним и безработица.

Михалыч. Тыфу на тебя три раза. Чтобы у нас – и безработица?

Сергей. Обоснуй.

Радиолобитель. Поставят роботов каких-нибудь или станки с числовым программным управлением, а тебя – на улицу.

Михалыч. Пойду заборы красить.

Радиолобитель. А там тоже... станки заборы красят.

Сергей. Чего-то сегодня у нас какой-то политический клуб. Диспут.

Михалыч. Это потому, что без бутылки.

Радиолобитель. С бутылкой, Михалыч, политические споры доводят до мордобоя.

Михалыч. А я за правду готов и получить.

Гаснет свет.

Сцена 11

В гараж входят Сергей, Елена.

Елена (*осматриваясь*). Так вот где ты обитаешь?

Сергей. Да. Сколько раз ты в гараже за всё время была?

Елена. Не помню. Раза четыре. Это твоя «игрушка», не моя. Что это за фотографии с голыми ногами?

Сергей. Это авторские работы. У меня тут гаражный друг – фотограф.

Елена. Тебе что, моих ножек не хватает?

Сергей. Лена, это просто фотографии. Если бы я их не повесил, он бы обиделся.

Елена. Давно я тут не была. Не понимаю: в чём прелесть? (*Проводит пальцем по столу, вытирает палец платком.*)

Пыль, сплошная антисанитария. Как вы тут, мужчины, существоете?

Сергей. Существоем.

Елена. И выпиваете тут?

Сергей. Бывает.

Елена. Интересно, а где пьют мужики, у которых нет гаражей?

Сергей. За гаражами.

Елена. Ой, горшок. Нашего сыночка. Я даже помню, откуда появился этот скольчик. *(Рассматривает горшок.)* А что он здесь делает? Почему не выкинул?

Сергей. Чеснок храню. И потом, Лена, это и для меня тоже память. Светлые воспоминания. *(Обнимает Елену, она тоже прижимается к нему.)*

Елена. Гитара. Учишься играть?

Сергей. Так, потихоньку.

Елена. Серёжа, я всё понимаю. Гараж – это часть твоей жизни, неотъемлемая часть. Но он нам ничего не даёт. Машину мы всё равно не купим. Она как морковка перед мордой осла. Цена поднимается прежде, чем мы собираемся накопить на предыдущую.

Сергей. Может, всё-таки получится?

Елена. Не получится. Серёжа, сыну скоро в армию. Если короче... надо сына от армии отмазать.

Сергей. Как? Посадят, если что.

Елена. Я уже почти договорилась. В общем, надо гараж продать, в военкомате – связи. Денег без гаража мы не собираем. А если мы заплатим, то его оставят, здесь, в городе, при военном училище служить.

Сергей. Лена, рискуем. За взятку могут посадить, если не за уклонение от службы.

Елена. Не посадят. Связи надёжные. А гараж всё равно как перевалочный пункт между квартирой и помойкой. Сначала вещи сюда перетаскиваем, потом на помойку.

Сергей. Скажешь тоже... Мы тут на зиму картошку, овощи закупаем и храним, потом всю зиму живём.

Елена. Так-то оно так. Но – переживём. *(Прижимается к Сергею.)* Ну, Серёжа... Пойдём.

Сергей. Лена, никаких авантюр. Никаких продаж гаража. Меня с гаражом может только смерть разлучить!

Елена. Серёжа, ну пожалуйста....

Сергей. Сказал, что бурундук птичка – значит, летает! И никаких зверьков. Сказал нет – значит, нет!

Уходят.

Сцена 12

В гараже Сергей, заходит Фотограф.

Фотограф. Объявление увидел. Гараж свой продаёшь?

Сергей. Продаю.

Фотограф. Продай мне.

Сергей. Тебе зачем?

Фотограф *(оглядывая помещение).* Переделаю в баню. Свет поставлю и буду девушек в ниглиже фотографировать. Два в одном: банная фотостудия... ну, или студийная баня.

Сергей. Я закон придумал: «Совершенство – это такое состояние, при котором дальнейшее улучшение ведёт к ухудшению».

Фотограф. Это ты к чему?

Сергей. А к тому, что если ты начнёшь улучшать гараж, то и гараж испортишь, и баню не построишь.

Фотограф. Я его буду не улучшать, я его буду пе-ре-про-фи-ли-ро-вать.

Сергей. Дело, конечно, твоё. Утром деньги – вечером стулья.

Фотограф. А можно я постепенно расплачусь?

Сергей. Это как?

Фотограф. Ну, каждый месяц с зарплаты, плюс на свадьбах что заработаю.

Сергей. Я гараж продаю не потому, что мне нужна ежемесячная прибавка к зарплате. Мне нужна вся сумма, сразу.

Входит Радиолобитель.

Фотограф. Глядите, что у меня есть! (*Достаёт пачку «Мальборо».*) Вот, видали? (*Показывает язык.*) Э-э...

Радиолобитель. Читал какой-то старый детектив, он написан в конце 50-х. Там, чтобы подчеркнуть отрицательные черты антигероев, пишут, как они курили «Мальборо» и пили кока-колу. С содовой.

Сергей. А внутри какая-нибудь «Прима»? Как с пластинкой, помните?

Фотограф. Не-е-е, фирма.

Радиолобитель. Угости?

Фотограф. Ага, сейчас. Сам не курю. Это я только своих моделек угощаю.

Радиолобитель. Жмот.

Фотограф. Я сам, при этом, «Приму» курю. Вот Серёга – жмот. Собрался гараж продавать, а по частям не хочет, хочет сразу всю сумму получить.

Радиолобитель. Вот это новость! С чего вдруг?

Сергей. Сына в армию призывают. Жена в истерике. Отпускать не хочет. Ну и договорилась, за деньги, что служить будет при военном училище, здесь, в городе. По крайней мере, не отправят к чёрту на кулички.

Радиолобитель. А ты чего?

Сергей. А чего я? Лет пять, да что там пять, года два назад, я бы не волновался. Отправил бы в армию, с гордостью, с уверенностью, что отслужит – мужиком вернётся. А сейчас – сам видишь, что творится. В стране беспредел, в армии – тем более. Срочники не доедают, с дисциплиной беда. В общем, я жену полностью поддерживаю. Здесь хоть подкормить сможем, присмотреть, от деовщины уберечь.

Радиолобитель. Да, задача... Денег у народа нет. (*Фотографу.*) Ты народ?

Фотограф. Да, прямо от сохи.

Радиолобитель. Вот видишь. У народа денег нет. Слушай, а ты Михалычу говорил?

Сергей. Про что?

Радиолобитель. Ну что тебе нужно срочно гараж продать?

Сергей. Нет ещё.

Радиолобитель. Эх, ты... «Семён Семёныч...» Надо Михалыча позвать. Он тут всех и всё знает. (*Фотографу.*) Не в службу, а в дружбу, позови Михалыча.

Фотограф уходит.

Радиолобитель. Других вариантов нет? Кроме продажи?

Сергей. Я всё равно покупку машины не потяну. Сколько лет уже пытался. И каждый год председателю кооператива справку ношу, что в очереди на автомобиль стою. Иначе вычеркнут из списка членов. Хотя какая-то польза от продажи.

Входят Фотограф и Михалыч.

Михалыч. Привет. Что, сына уже в армию забирают?

Сергей. Да. Уже на последнюю медкомиссию вызывали.

Михалыч. Ты смотри, как время бежит! Давно ли сопли на кулак наматывал...

Сергей. Да, теперь мать наматывает. Вместе со мной.

Радиолобитель. Антон Михалыч, ты тут не рассусоливай, лучше помоги пацана от армии спасти.

Михалыч. А было время, мы спасали армию.

Радиолобитель. И как ты её спасал?

Михалыч. Я, находясь на посту в карауле, так мог крикнуть: «Стой, стрелять буду!», что белые медведи вытягивались во фронт...

Радиолобитель. Не понял, это ты к чему?

Михалыч. А я больше ничего не могу рассказывать. Давал подписку о неразглашении.

Радиолобитель. Не заливай. В армии если и дают подписку о неразглашении, то максимум на пять лет.

Михалыч. Так и я давал на пять лет.

Радиоловитель. Так прошло 25 лет, как ты мобилизовался.

Михалыч. Всё равно не скажу. Ты шпион. Слушаешь своё Би-би-си. Откуда я знаю, может, ты всё, что здесь слышишь, передаёшь им. А в соседнем боксе вообще – немец живёт. А я вам – рассказывай! На Камчатке служил. Там зимой в туалет из казармы по одному не выпускали. Только группой. Такие выюги были.

Радиоловитель (*в воротник*). Мистер Смит, мистер Смит, агент 12-48 передаёт: точка-точка, тире-тире, точка, тире, точка-точка. Повторяю: в районе Петропавловска-Камчатского ракеты. Повторяю: на Камчатке ракеты, Рита, Алексей, Константин, Елена, Тимофей, Ызрыгать.

Михалыч. Вот я же говорил, что шпион.

Радиоловитель. Ладно, Антон Михалыч, скажи лучше, кому гараж Серёгин быстро продать можно.

Михалыч. Ключевое слово тут какое? «Продать»?

Радиоловитель. Нет, «быстро».

Михалыч. Петухи тут уже в некоторых боксах по утрам кукарекают. Так может, Серёга, мы с тобой тоже цыплят начнём разводить?

Радиоловитель. Да вы, батенька, буржуй, оказывается.

Михалыч. И вовсе не буржуй. Отныне индивидуальная трудовая деятельность советским гражданам разрешена.

Радиоловитель. Да, но лишь в свободное от основной работы время. И категорически запрещается использование наёмного труда. Ты нанимаешь курицу нести яйцо. Значит, незаконно. Посадят.

Михалыч. А пусть курица заявление подаст, что её эксплуатируют.

Радиоловитель. Может, лучше начнём компьютеры собирать? Перспективное дело. Сейчас все с ума от них походили.

Михалыч. С какого перепугу? Вот я мысленно осматриваю свою квартиру – и как я его должен использовать? В магазинах, кроме консервов, ничего нет, а он – компьютеры. Гвозди им, что ли, забивать? Яйца, курятина – вот перспективное дело. Эдисон, тоже мне...

Сергей. Да ладно вам... Если бы можно было, мы бы тут и фотостудию сделали, и баню, и ремонтную мастерскую, да мало ли вариантов. Времени нет.

Радиоловитель. Антон Михалыч, короче, ключевое слово тут – «быстро продать».

Михалыч. Если реально, то братьям нашим, с Кавказа. Помнишь, Серёжа, краску искали? «Форэл». Они тут постоянно обитают. Скупают всё, что продают.

Фотограф. Кроме подшивки журналов «Советское фото» за 86–88-й годы.

Михалыч. Что, пробовал?

Фотограф. Пробовал. Решил проверить: а всё ли они покупают?

Михалыч. Ладно, сейчас схожу за ними. (*Уходит.*)

Фотограф (*Сергею*). Может, передумал?

Сергей. Мне дома ультиматум поставили. Гараж продаём, деньги в военкомат несём.

Фотограф. Жалко. Классное место было. Как фотостудия.

Сергей. А мне как жалко!.. Лучшие годы, можно сказать, здесь провёл.

Входят Михалыч, два кавказца.

Михалыч. Ну вот, глядите. Три на шесть метров. Не гараж – конфетка. Лучше, чем армянский коньяк.

1-й. Э-э, пачему так говоришь? Армянский коньяк – ослиный моча.

2-ой (*беззлобно*). Сваим ротам нармально разговаривай. Настоящий коньяк – азербайджанский коньяк.

Михалыч. Прошу пардону. Конечно, азербайджанский.

Кавказцы осматривают гараж, щупают стены.

1-й. Почему стена не белый?

Михалыч. Потому что мы Советский Союз! Она с нашим красным знаменем цвета одного! Символ.

1-й. Красный, как коньяк?

Михалыч. Точно!

2-й. Зима придёт. Он тёплый?

Михалыч. Хозяин зимой тут в одних трусах ходит. Просто сейчас уже весна, и отопление отключили. Вот он и в брюках.

1-й. Ви тут, наверное, пиливали.

Михалыч (*возмущённо*). Мы можем плевать на Рейгана, на Америку, на НАТО, но на пол?! Мы тут даже не курили. Тут до вас табличка висела «Не курить, не плевать!». Вон, след остался от таблички.

1-й. А ви, русские, такой, где живёте, там и пилюёте.

Михалыч. Нет, ну вы гляньте на них! Сама-то, сами? Что, думаете зря вас назвали «чёрными»? Не мытыми. Были бы нормальными, все б говорили: «Вон, белые с Кавказа пошли»... или жёлтые...

Сергей. Михалыч, ты это... брось. Не разжигай межнациональную рознь...

Михалыч. А чего они? (*Сергею*.) Как что не так – русские виноваты. Мы для них или варвары, или дикие. Сами-то давно с гор спустились?

Сергей. Михалыч, ну прекрати, по-хорошему прошу. Будь немного терпимей. Добрее надо быть к людям.

Радиолобитель. Серёга, не мешай ему, это он с ними так торгуется. (*Кавказцам*) Не обращайтесь на Михалыча внимания. Он у нас блаженный. Как выпьет коньяка... чужого, не азербайджанского, так несёт всякую околесицу.

2-й. Ладно, ладно. Стенка толстый?

Михалыч. Гараж подземный. На века строили. Даже атомную бомбу выдержит, если война! Слушайте, вы или берёте, или мы гараж на порнокассеты поменяем.

1-й. Берём гараж.

Звучит лезгинка, кавказцы начинают танцевать.

Михалыч (*останавливает действие*). Мы напоследок лучше нашу споём.

Сергей. Белый, красный, чёрный... Какая разница? Мы, русские, такие – мы всё продадим, подарим, пропьём... Но... Есть в нашем характере главное – мы всегда помним о своих истоках!

Все поют, мелодия песни «Городские цветы».

«Лады» и «Жигули»,

«Лады» и «Жигули»,

Вот опять я гоню вас сквозь грохот и дым.

«Лады» и «Жигули»,

«Лады» и «Жигули»,

Навсегда завладели вы сердцем моим.

Может быть,

Как никто понимаю я ВАЗ.

Оттого и, устав на ходу,

Этот цех проклинал я уж тысячу раз,

Но покинуть вовек не смогу.

«Лады» и «Жигули»,

«Лады» и «Жигули»,

Вот опять я гоню вас сквозь грохот и дым.

«Лады» и «Жигули»,

«Лады» и «Жигули»,

Навсегда завладели вы сердцем моим».

Занавес.

Отцы Магнитку
строили,
а мы – автозавод
Буффонада

Действующие лица

Ведущий – 30–40 лет
Чтец – 20–40 лет
Комсомолец – 18–25 лет
Комсомолка – 18 лет
Гитарист (бард) – 40–50 лет
Редактор – 40 лет
Гость – 35 лет
Хор
Писатель – 30 лет
Прораб – 40 лет
Любовь Ивановна – 25 лет
Второй Прораб – 35 лет
Начальник стройки – 50 лет
Бригадир – 45 лет
Начальник цеха – 40 лет
Режиссёр – 35 лет
Массовка
Парторг – 50 лет
Посетитель – 25 лет (эпизодическая роль)
Диктор 1 – 30 лет (мужчина)
Диктор 2 – 30 лет (женщина)
Муж (итальянец) – 30 лет
Жена (итальянка) – 25 лет
Дядюшка (итальянец) – 40 лет (эпизодическая роль)
Племянники (итальянцы) – 18–20 лет
Джулио (итальянец) – 40 лет (эпизодическая роль)
Мари (француженка) – 40 лет
Жюльен (француз) – 20 лет
Старый цыган (цыган) – 50 лет
Никола (цыган) – 25 лет
Жена (русская) – 50 лет
Муж (русский) – 50 лет
Пионеры

На сцене группа солдат расположилась у костра.

Ведущий. Уважаемый зритель! Большая история государства, несомненно, состоит из маленьких историй отдельных людей, отдельного народа, села, города. Отдельного года, десятилетия, эпохи. Вот и мы, не претендуя на академическое изложение всемирной истории, покажем лишь крохотный фрагмент истории одного населённого пункта Советского Союза.

Не было в 70-х годах XX века в Стране Советов более известного города, чем Тольятти. Работник Волжского автомобильного завода, приезжая в отпуск на свою малую родину в провинциальный город, производил фурор среди коренного населения. Моряки Балтийского флота не вызывали такого восхищения и неподдельного интереса, как слесарь механо-сборочных работ главного конвейера. Что мог привезти с собой моряк? Романтику южных морей, банку солёной воды, если конченный романтик – запчасть с торпеды? Рабочий с ВАЗа мог привезти распредвал, ремень вентилятора, шестерёнку, сальники клапанов, крестовину, фару, предохранители. Чем больше было владельцев «Жигулей» на душу населения, тем выше был и статус отпускника. Вот, исходя из всесоюзной известности города Тольятти, мы и решили рассказать вам об истории не только через его фактографию, но и через произведения авторов, населяющих этот город. Но... не буду злоупотреблять вашим терпением, а посему на этом заканчиваю на этом своё вступительное слово.

Голос диктора. 19 апреля 1970 года с главного конвейера ВАЗа, сошёл первый автомобиль. 24 марта 1974 года Волжский автомобильный завод вышел на проектную мощность – 2230 автомобилей в сутки, каждые 22 секунды – автомобиль. Продукция пользуется повышенным

спросом не только у населения нашей страны. Автомобили осваивают и территории зарубежных стран. Таким образом, советский автомобиль стал по-настоящему народным не только в России, но и за её пределами.

СЦЕНА 1

Ведущий. Не много найдётся городов, которые бы трижды рождались. Лишь Санкт-Петербург, пожалуй, четырежды рождённый. Да и то... не совсем так, не рождённый, а название менял четырежды. Вроде бы у Ставрополя – преимущество. Но... Но не мог Ставрополь-на-Волге похвастаться своей историей. Не богата история. Не сравнима с Северной Пальмирой. И даже несмотря на то, что в нашем городе прошли детские годы великого русского поэта Державина, это обстоятельство не подвигло его на написание нескольких строк во славу земли, вскормившей, так сказать, своим молоком, его брэнное тело. Мог ведь сказать что-нибудь наподобие: «Ах, ты, мой Ставрополь! Ставрополь, как широки твои поля и перелески!.. *(Почти шёпотом.)* Ну, если ничего хорошего больше не мог сказать, то хотя бы закончил так: «...И не сподобился услышать я в жизни таких нецензурных песен».

На сцену выносят семь параллелепипедов с цифрами.

Но мы, потомки Гавриила Романовича, понимаем, что трудно было быть романтиком в городе, в котором... Впрочем, вот язык сухих цифр: до революции в Ставрополе

было 44 калачника, 230 дровосеков, 38 лапотников, 48 рогожников, 342 портных, 4 гребенщика, 27 колодезников. Из чего следует вывод: одевались хорошо, расчёсывались плохо. Дрова воровали.

(Кубы уносят. Звучит мелодия песни «Голубые города».)

Прошло много лет и вот, в 1966 году решили строить Волжский автомобильный завод. Начался золотой век в истории города. В это время Бога не было, и посему стройка была объявлена комсомольской и, что особенно важно, ударной. Тысячи продолжателей героев трудовых подвигов страны устремились в Тольятти.

Отцы Магнитку строили, а мы – автозавод!

Всё было внове. По привычной технологии, ещё со времён первых пятилеток, заводы строили так: сначала рыли котлованы, потом заливали фундамент, затем ставили станки, палатки для строителей и начинали выпускать продукцию. И лишь после этого поржавевшие станки, агрегаты и токарей накрывали корпусами цехов. С гордостью ветераны вспоминали: «Первое время приходилось испытывать неудобства. Бывало, руки примерзали к станкам, когда работали. А когда не работали – станки примерзали к рукам».

Но Тольятти повезло. Впервые в практике комсомольских ударных строек завод строился вместе с городом.

Чтец. Где такое ещё найдёшь?

Прямо в поле троллейбус мчится!

Колосками кивает за окнами рожь,

Мимо окон, бежит пшеница...

Ни единого дома вокруг!

И становится как-то неловко

Оттого, что водитель вдруг

Объявляет в степи... остановку.

И лишь в самой далёкой дали,

Куда взгляда едва хватает,

Словно игрушечный, из-под земли

Город будущий вырастает.

Будет он необычным, красивым,

Всё в округе займёт, а пока

Эта улица, как река,

Пролегает по хлебным массивам...

(Алексей Ашихмин. «Троллейбус в степи».)

Комсомолец. Когда стройка объявлялась всесоюзной комсомольской, ударной, то на отдалённое поле высаживался трудовой десант. Обычно на этом поле росли пальмы, баобабы, бабы, лианы или ничего не росло. Шли тропические ливни, когда не шли – стояла засуха, а местное население, как правило, было тёмным и необразованным. Его представители ели парное мясо и пили коровье молоко из вредности.

Комсомолка. И вот, трудовой десант, состоявший из юношей с горящими глазами, девушек с румяными щеками, вырубил всю растительность, возвёл цеха автогиганта. В обеденный перерыв юноши гордо шли играть в домино и другой теннис, а девушки вечерами танцевали под звуки вокально-инструментальных ансамблей.

Комсомолец. А после этого они шли в вечернюю школу и вузы и настойчиво овладевали знаниями, потому что вечерами овладевать было больше нечем.

Комсомолка. Так, постепенно, первые переселенцы превращались в аборигенов.

Комсомолец. Но наиболее полно становление комсомола на широких волжских просторах раскрыл классик тольяттинской бардовской песни Юрий Панюшкин.

Солист и хор. Я вам расскажу, как это было:

Под густой развесистой сосною

Комсомолка Нина полюбила

Хулигана раннею весною.

Он умел играть на мандолине

И носил в кармане острый ножик,
И тогда уже казалось Нине,
Что на свете нет его дороже.
Нина с хулиганом на скамейке
Любовалась солнечным рассветом,
К ним подходит секретарь ячейки,
И при этом хмурится при этом.
Он сказал, что на бюро райкома
Мы решили, поздно или рано,
Исключить тебя из комсомола,
Если ты не бросишь хулигана.
Хулиган поднялся со скамейки
И сказал: «По-вашему не будет!»
И убил секретаря ячейки,
Тот упал на землю прямо грудью.
Солнце поднималось из тумана,
За рекою песни раздавались,
Комсомолка Нина с хулиганом
На скамейке нежно целовались.
...Так они друг друга и любили
Под густой сосной и даже дома;
Через двадцать лет их сын Василий
Стал у нас секретарём райкома.

Ведущий. Начало интенсивного строительства Автозаводского района и завода совпало с юбилейным годом – 50-летием Великой Октябрьской социалистической революции. Практически всем улицам, появляющимся на полях бывшего совхоза, стали присваивать имена героев революции: Дзержинского, Свердлова, Фрунзе, Ворошилова. И среди перечня героев, либо патетических наименований улиц вроде Революционной, Юбилейной, Ленинского проспекта вдруг появилась улица под названием «Косой дублёр». Что, как, почему, какого чёрта? Эта тайна оставалась за семью печатями много лет. И лишь недавно главный ре-

дактор телевидения ВАЗа смог приоткрыть завесу тайны над этой историей.

СЦЕНА 2

Телевизионная студия. Камера. За столом человек в тёмных очках и редактор.

Редактор. Здравствуйте, уважаемые телезрители! В нашей студии находится необычный гость, который пришёл сюда, чтобы рассказать о своей необычной судьбе, и которая таким витиеватым образом слилась с историей нашего города. Представьтесь, пожалуйста.

Гость. Я могу назвать только свой псевдоним. Понимаете, я работал в отряде космонавтов, а у нас там, пока не взлетишь, настоящую фамилию называть нельзя. Мы все страшно засекреченные. А в связи с тем, что я не взлетал, то до сих пор остаюсь секретным. Звать меня Василий Сергеевич, а фамилия Пролётчиков.

Редактор. Почему вы, Василий Сергеевич, сидите в тёмных очках и не снимаете их? Это тоже связано с секретностью?

Гость. Отнюдь. Дело в том, что я был дублёром у самого Юрия Алексеевича Гагарина. Вернее, даже так: я должен был лететь первым. А Юрка был моим дублёром. Но уже туда... ближе к запуску... Королёв всё-таки определился и сказал, что Юрка полетит, а я буду дублёром. И, понимаете, случилась беда. Мы же там тренировались интенсивно. Барокамеры, центрифуги. Прыжки на парашюте из стратосферы чуть ли не каждый день. И вот, в начале 1961 года, у меня парашют не раскрылся. И я со всего маху к-а-а-а-к ударюсь о землю! Головой.

Редактор. Ужас какой! Вы остались живы?

Гость. Как видите! Если бы не остался жив, разве я пришёл бы сюда?

Редактор. Ах, да! И что же с вами случилось после той... катастрофы?

Гость. Вот травма и случилась. После чего меня отчислили из отряда космонавтов. Правда, оставили в Звёздном городке до пенсии. Но с тех пор я очки не снимаю.

Редактор. Может, вы покажете нашим телезрителям своё истинное лицо?

Гость. Может. Только сразу предупреждаю, что оно страшное. Многие могут не выдержать.

Редактор. Тольяттинцы должны знать своих героев! Чего бы им это ни стоило!

Гость медленно снимает тёмные очки. Камера наезжает на лицо героя. Телезрители видят крупным планом очень косые глаза. Настолько косые, что зрители понимают: левый глаз гостя видит только правую сторону студии, правый глаз – только левую. Прямо перед собой дублёр ничего не видит.

Редактор. Опасная это работа – дублёр космонавта.

Гость (*надевает очки*). Вот. И в честь меня ту дорогу, что идёт от улицы Дзержинского, мимо рынка, мимо Учебного центра, назвали моим именем: Косой дублёр.

Редактор. А настоящим именем нельзя было назвать?

Гость. Ну, что вы! Мы же засекречены. Даже псевдонимом называть нельзя. Только после смерти можно. Через двадцать пять лет.

Редактор. А почему эту улицу назвали в Тольятти? А, скажем, не в Звёздном городке?

Гость. Меня отправили в отставку по выслуге лет. У нас же там год за три идёт. И сказали: выбирай любой город Советского Союза, где жить теперь будешь. Я выбрал Тольятти. Я теперь испытателем работаю. Испытываю автомобили на прочность. Почти по специальности. Есть специальное постановление правительства, тоже секретное: где дублёры космонавтов живут, там и улицы

в их честь называть. Всё-таки космонавт – это звучит гордо!

Редактор (*тихо*). А выглядит отвратительно. (*В камеру*.) Чем дальше уходит время, тем больше наш город открывает свои исторические страницы. Вот и сегодня нам с вами, уважаемые телезрители, удалось открыть очередную такую страницу, которая ещё вчера, да что там вчера, сегодня утром была нам не известна. И мы благодарим нашего гостя – Василия Сергеевича Пролётчикова – за то, что он приоткрыл очередную завесу над тайной, которую долгое время хранил город Тольятти. Пройдёт лет пятьдесят, хотя я надеюсь, что больше, и мы узнаем настоящее имя Василия Сергеевича. На этом наша передача окончена. До свидания.

Все уходят.

СЦЕНА 3

Ведущий. Что такое молодёжь XIX века? Это нигилизм, революция, социальная справедливость, «нет – царизму!» Что такое послереволюционная молодёжь? Это марксизм, перманентная революция, борьба с контрреволюцией. Что такое молодёжь 1970-х? Любовь к Хэмингуэю, Луису Корвалану, Че Геваре, бардовской песне, БАМу и туризму, романтизация послереволюционной истории страны.

Выходит хор, поёт песню «Гренада»:

*«Мы ехали шагом,
Мы мчались в боях
И «Яблочко»-песню
Держали в зубах.
Ах, песенку эту
Доныне хранит
Трава молодая –
Степной малахит.*

Но песню иную
О дальней земле
Возил мой приятель
С собою в седле.
Он пел, озирая
Родные края:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»
Он песенку эту
Твердил наизусть...
Откуда у хлопча
Испанская грусть?
Ответь, Александровск,
И Харьков, ответь:
Давно ль по-испански
Вы начали петь?
Скажи мне, Украина,
Не в этой ли ржи
Тараса Шевченко
Папаха лежит?
Откуда ж, приятель,
Песня твоя:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя»?
Он медлит с ответом,
Мечтатель-хохол:
– Братишка! Гренаду
Я в книге нашёл.
Красивое имя,
Высокая честь –
Гренадская волость
В Испании есть!
Я хату покинул,
Пошёл воевать,

Чтоб землю в Гренаде
Крестьянам отдать.
Прощайте, родные,
Прощайте, друзья, –
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»
Мы мчались, мечтая
Постичь поскорей
Грамматику боя –
Язык батарей.
Восход подымался
И падал опять,
И лошадь устала
Степями скакать.
Но «Яблочко»-песню
Играл эскадрон
Смычками страданий
На скрипках времён...
Где же, приятель,
Песня твоя:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя»?
Пробитое тело
Наземь сползло,
Товарищ впервые
Оставил седло.
Я видел: над трупом
Склонилась луна,
И мёртвые губы
Шепнули: «Грена...»
Да. В дальнюю область,
В заоблачный плёс
Ушёл мой приятель
И песню унёс.

С тех пор не слышали

Родные края:

*«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»*

Отряд не заметил

Потери бойца

И «Яблочко»-песню

Допел до конца.

Лишь по небу тихо

Сползла погода

На бархат заката

Слезинка дождя...

Новые песни

Придумала жизнь...

Не надо, ребята,

О песне тужить.

Не надо, не надо,

Не надо, друзья...

Гренада, Гренада,

Гренада моя!»

Хор остаётся.

Ведущий. И были романтики бардовской песни. Они видели то же самое событие по-другому. Например, как уже упомянутый выше классик тольяттинской поэзии Юрий Панюшкин.

Выходит бард. Поёт вместе с хором:

«Отряд не заметил потери бойца

И песню собрался допеть до конца.

Да вот незадача: не знают бойцы,

Какие у песен бывают концы.

Бойцов беспокоит резонный вопрос:

Куда он с собой партитуру унёс?

На сёдла вставали, аукали в рост,

Но поздно – уже проскакали сто вёрст.

Комдив удалой, что всему голова,

Сказал, подбирая лихие слова:

«Новые песни придумает жизнь.

Приказ запрещает о песне тужить.

Пусть пылью покроется эта верста.

По коням, братишки! Аллюр, три креста!»

Они поскакали, сверкнули клинки,

Да так и пропали в степи мужики...

Одна для меня в этой буче отрада:

Седую былинку смахнувши с лица,

Боец не заметил потери отряда

И «Яблочко»-песню допел до конца».

Уходят.

Ведущий. Небывалый расцвет художественной самодеятельности среди работников Волжского автозавода в купе с беззаветной любовью к нему подвигали на написание стихов безымянных авторов, так и не сумевших донести до широкого круга читателей своё трепетное отношение к конкретному шпинделю или станку с числовым программным управлением.

Любовь моя, завод любимый,

Твой запах запчастей неповторимый...

Когда весенним тёплым днём

Шагаю по цехам твоим неповторимым,

То мысленно горжусь, что я,

Воткнув рубильник в кабель силовой,

Махину эту запускаю

С названием «конвейер заводской»!

Творческий энтузиазм трудового коллектива направлялся на многочисленные фестивали, слёты, конкурсы...

СЦЕНА 4

На сцене стол, редакция газеты «Волжский автостроитель», за столом сидит главный редактор.

Редактор. Профсоюзный комитет, комитет комсомола, газета «Волжский автостроитель» объявляют литературный конкурс. Конкурс проводится с целью поиска и поощрения талантливых авторов, работников Волжского автомобильного завода имени 50-летия СССР, стимулирования творческого процесса и создания высокохудожественных произведений.

С двумя большими чемоданами входит Писатель.

Писатель. Здравствуйте.

Редактор. А, это вы, голубчик, на конкурс? Я уже вас давно жду. Ну, что у вас там?

Писатель (*ставит на пол два чемодана*). Вот, принёс вам свой роман.

Редактор (*показывая на чемодан*). Это?!

Писатель. Нет, это оглавление.

Редактор (*показывая на другой чемодан*). Это?!

Писатель. Не-е, это предисловие.

Редактор (*растерянно*). А где же роман?

Писатель. Вот он. (*Достаёт из внутреннего кармана несколько помятых листков.*)

Редактор (*читает*). «Виконт де Бражелон». Как, опять? (*Вынимает из стола книги и бросает их перед собой.*) Иванов – «Виконт де Бражелон», Петров – «Виконт де Бражелон», Сидоров – «Виконт де Бражелон». Вот уже целый год лежит рукопись какого-то Дюма. Тоже, кстати, «Виконт де Бражелон», а тут ещё вы! Нет уж, увольте...

Писатель падает на колени.

Редактор. Что вы, что вы, немедленно встаньте! Хорошо, давайте посмотрим ваш вариант. (*Читает.*) «Граф и графиня сидели на подоконнике. «Не хотите ли чаю-с?» – спросил граф. «Отнюдь, отнюдь», – ответила графиня.

Граф поцеловал графиню двадцать четыре раза. После чего у них появился графинчик...»

Опять про знать, про дворянство. Сейчас не то время, а – это! Нужно, чтобы искусство раскрывало жизнь человека труда – рабочего класса.

Писатель. У меня есть вариант про рабов.

Редактор. Про рабов? Давай про рабов!

Писатель (*достаёт другие листки, читает*). Два прораба сидели на подоконнике, только что недостроенного дома...

Редактор. Ха, где же ты видел, чтобы в новом доме были подоконники?

Писатель. Действительно. Сейчас исправим. «Два прораба сидели на том месте, где должен был быть подоконник. Из того места, где должно было быть окно, дуло застойным ветром 70-х годов. И тут к ним пришла ЛЮБОВЬ, а вместе с ней бригадир стройки Степан Свиридович. «Здравствуйте», – поздоровались прорабы. «Здравствуйте», – поздоровались секретарь и бригадир.

Прораб. О, Любовь Ивановна, на тебе новые джинсы? Чьи?

Любовь Ивановна. Не поняла...

Прораб. Какой фирмы?

Любовь Ивановна. Не знаю.

Прораб. Ну, примерно?

Любовь Ивановна. Ну, примерно – «Монтана». Тут Степан Свиридович спрашивает: «Почему сидим?»

Второй Прораб. А что делать? Раствора нет, кирпичей нет, как работать?

Любовь Ивановна. На энтузиазме.

Второй Прораб. На каком?

Любовь Ивановна. На голом энтузиазме...

Писатель (*читает*). Во дворе дома стояла, ожидая работы, группа голых энтузиастов. В это время на стройку приехало высокое начальство.

Начальник стройки. Добрый день. Ну-ну, показывайте, только не надо от меня ничего скрывать. Ну, вот, например, это у вас что? Наглядная агитация?

Бригадир (*закрывает надписи на заборе*). Нет, нет, что вы! Наглядная агитация у нас (*показывает руками в разные стороны*) здесь... там... вот там...

Начальник стройки. А что у вас тут?

Бригадир. Тут у нас социалистические обязательства.

Начальник стройки. А что у вас вот там, под замком?

Бригадир (*замялся*). ...

Начальник стройки. Не надо от меня ничего скрывать. Так что у вас там хранится?

Бригадир. Понимаете, у нас там это... вот... у нас там хранится это... туалет у нас там хранится.

Редактор. Ха-ха-ха! Послушайте, голубчик, что-то мы всё о стройке, да о стройке... (*Писатель пьёт воду*.) У меня что-то о ней не очень-то приятное впечатление. Давайте-ка лучше поговорим про цеха.

Писатель (*поперхнулся*). Про ЦеКа? (*Кашляет*.)

Редактор. Что вы, что вы, упаси господь! Про цеха, голубчик, про цеха.

Писатель (*кашляет, кивает головой*). У меня есть к-х, к-ха про это. (*Поднимает руку*.) К-ха. (*Читает*.) На собрание цеха пришёл начальник цеха со своим треугольником.

Начальник цеха (*с ученическим треугольником в руках*). Мы пришли записать все ваши предложения. Предлагаю избрать президиум. Насколько я понимаю, других предложений не будет...

Редактор. Не надо, не надо, не надо. Опять премию делить будут, и все откажутся.

Писатель. Откуда вы всё знаете?

Редактор. Знаешь, сколько я вашего брата-писателя перевидал на своём веку? Смотрю я на тебя, брат, и вижу, что

ты мне можешь и киносценарий дать. Так дай, но чтобы на злобу дня! Что там у тебя на стройке было?

Писатель. Это... как его... «Два прораба сидели на том месте, где должен был быть подоконник...»

Редактор. Вот почему не было подоконника в только что недостроенном доме? А потому, брат, наверное, его не было, что все на подоконнике сидели и никто не работал. А может, даже и лежали. Так ты мне изобрази с помощью кино, что вот сидеть, а тем более лежать во время рабочего дня нехорошо. Сможешь?

Писатель. Сейчас попробуем. (*Зачёркивает всё, что можно*.) Готово.

Редактор (*поудобнее устраивается в кресле*). Читай!

Писатель. «На стройку приехала съёмочная группа местного телевидения. Из покосившегося автобуса выскочил перекошенный режиссёр с покорёженной камерой и косым оператором. Увидев в проёме окна двух осоловевших прорабов, он отчаянно замахал руками и закричал: «Все сюда! Я сказал, все!»»

Любовь Ивановна. О, нас кино приехало фотографировать. Собирайтесь, девки, в кучу.

Писатель. На куче застывшего раствора собрались строители.

Режиссёр (*обращаясь к двум прорабам*). Значит, так! Вы будете главными героями. Один положительный, другой – отрицательный. Вот ты. (*Тычет пальцем в одного из них*.) Скажи какую-нибудь фразу.

Прораб. Какую?

Режиссёр. М-м-м... Ну, что-нибудь типа: «Кушать подано».

Прораб (*после некоторого раздумья*). Иван Иванович, к вам сын-с! По делу! Из Парижа!

Режиссёр. Отлично-с! Ты – главный положительный герой. А ты – отрицательный. Камера готова? Положительный герой говорит сюда, в камеру, что надо работать, работать и ещё раз

работать! А другой говорит совсем наоборот. То есть не совсем, но наоборот. Массовка положительного героя не поддержива-ет, а поддерживает отрицаловку. Всем ясно? Камера, мотор!

Прораб. Как говорил наш великий вождь и мой бывший учитель, основоположник государства, партии и правитель-ства, фамилию которого я называть не буду, потому что она известна всему миру, нам всем надо работать, ра-ботать и ещё раз работать.

Массовка. У-у-у...

Второй прораб. А я буду резать правду-матку! На Руси издревле повелось: не полежишь – не наработаешь. Че-ловечество на протяжении всей своей истории только и мечтало полежать. Вспомните, что по этому поводу ска-зал классик: «Я помню чудное мгновенье, передо мной лежала ты!». А какие красивые песни народ сочиняет: «А я лягу-прилягу...» или «Я на солнышке лежу, я на сол-нышко гляжу!»... Да что там, народ. «Степь, да степь кру-гом. Путь, и тот лежит!» И вообще мужчина тогда красив, когда он лежит.

Женский голос из массовой. Мужчина красив, когда он стоит, а как вы ложитесь, то куда всё девается?

Режиссёр. Массовка! Что это за «отсебятина»? Вы должны выражать лишь восторг или возмущение. Это же кино! Понимать надо. Это же в «Новости» пойдёт. Продолжаем!

Редактор. Стоп-стоп-стоп! Так дело не пойдёт. Как ни пи-сатель, так про недостатки пишет. Ты мне достижения по-кажи.

Писатель. Сейчас исправим. (*Читает.*) «На стройку при-ехала съёмочная группа местного телевидения. Из све-жевыкрашенного хромом автобуса выскочил сияющий режиссёр с оператором, на которого взгромоздилась свер-кающая никелированными деталями импортная видеока-мера. Режиссёр молча встал на середину стройплощадки

и через секунду около него собрался весь трудовой коллек-тив строителей.

Режиссёр. Кто может рассказать о достижениях?

Прораб. Я!

Режиссёр. Мотор, камера! Тьфу ты... Камера, мотор... Рассказывайте.

Прораб. Чего рассказывать?

Режиссёр. Ну... ну... чего вы строите?

Прораб. Уже не строим. Гостиницу.

Режиссёр. А в чём, если так можно выразиться, загвоздка?

Прораб. Меня снимают? (*Плюёт на палец, приглажива-ет волосы, встаёт в позу.*) Мы, строители СМУРСТРОЯ, вели строительство отеля до 1976 года. Хорошо вели. Без единого гвоздя строили. У нас был применён скоростной способ кладки кирпича по методу Илоны Давыдовой в пе-реводе с английского. Таким образом, два этажа в год мы проходили. Но с 31 октября в готовом остове здания посе-лилась баба в белом. Привидение. Она появляется по ве-черам, и мы не можем работать. Гуляет по этажам вдвоём со сквозняком. Мужики туда не идут, потому что бригадир сошёл с ума от этой женщины. Надоела уже. Второй год без зарплаты сидим!

Редактор. Ну, что это за мистика такая? И потом, где связь с партией?

Писатель. Одну минуточку. (*Исправляет, читает.*) «Рас-скажите, пожалуйста, с какими достижениями подошли строители к этой знаменательной дате?» – спросил режис-сёр у одного из руководителей строительства.

Прораб. В нашем доме успешно применяются такие пере-довые технические новинки, как чугунная ванна для инди-видуального пользования каждого члена семьи. Из этого же материала изготовлены и батареи центрального отопле-ния. Опять же двери. Они у нас открываются как снаружи, так и изнутри. На бетонную плиту пола мы укладываем ли-

нолеум, чего раньше, кстати, не делали. И таким образом потолки в нашем доме получаются утеплёнными.

Режиссёр. И это сказалось на повышении качества строительства?

Прораб. А как же! Благодаря вышеперечисленным новинкам, домам этой серии присвоен советский знак качества, которого нет ни у одного дома капиталистического мира.

Писатель выжидающе смотрит на редактора.

Редактор. Уже лучше. А где связь с партией?

Писатель. «В то время как съёмочная группа брала интервью у руководителей стройки, в подвале дома шло партийное собрание».

Парторг. О достижениях говорить не будем, вы все их прекрасно знаете. Поговорим о недостатках. Мы о них ничего не знаем. Где они? А их, товарищи, нет! Они есть только в больном воображении газетчиков. Вон, опять понаехали! Снимают, понимаешь, нашего Иван Ивановича. Я этот разговор к тому, что раз у нас недостатков нет, а в газетах есть, то тут всё дело в журналистах. А кто ими руководит? А руководит ими главный редактор. Раз он ими плохо руководит, то надо снимать главного редактора. Кто за данное предложение, прошу голосовать...

Редактор в ужасе просыпается, в кабинет протискивается посетитель.

Посетитель. Я тут вам на конкурс рукопись принёс. Про строительство объектов соцкультбыта.

Редактор *(отчаянно машет руками).* Иди, голубчик, иди. Напиши мне про виконта де Бражелона. Сразу в печать пойдёт вне конкурса. Без купюр.

Провожает посетителя, выходят вместе.

Антракт.

СЦЕНА 5

Звучат позывные программы «Время», за столом два диктора.

Диктор 1. Здравствуйте. В эфире спецвыпуск программы «Время».

Диктор 2. И её ведущие Ирина Петрова и Евгений Попов.

Диктор 1. Сегодняшний спецвыпуск программы посвящён исключительно вестям с Волжского автомобильного завода.

Диктор 2. Вчера, от седьмой вставки главного конвейера в автопробег по городам-героям отправилась группа водителей-испытателей сборочно-кузовного производства. Команду провожали: начальник цеха с супругой, председатель цехкома с супругой, секретарь парткома с супругой, секретарь комитета комсомола со своей супругой... и другие официальные лица.

Диктор 1. Как уже сообщалось ранее, с главного конвейера почему-то сошёл «Мерседес-Бенц». Ну, «Мерседес» получил коллектив подшефной школы, начальник сборочного цеха получил – бенц!

Диктор 2. По принципу сообщающихся сосудов стала работать станция техобслуживания. Теперь о приносе каждого сосуда сообщается заранее. Таков закон её начальника Бори Мариотта.

Диктор 1. Из Центрального статистического управления сообщают. В 1970 году была запущена первая очередь Волжского автомобильного завода. Теперь запущен весь завод.

Диктор 2. После многомесячной напряжённой работы в условиях хозрасчёта специалисты вычислительного центра ВАЗа сообщили, что пижон – это многожёнец с числом жён равным π.

Диктор 1. Волжский автозавод по многочисленным просьбам трудящихся, начал производство безалкогольной торозной жидкости.

Диктор 2. Новый метод техники безопасности – как стать йогом – изобрёл мастер Рецепт. Мастер успешно применяет новый метод на практике: суёт пальцы в электророзетку, кладёт голову под пресс, голыми руками останавливает шпатель... в общем, делает со своим телом всё, что хочет... Тело мастера – боится.

Диктор 1. Археологи, совместно со строителями РСУ, при закладке фундамента новых объектов соцкультбыта на глубине одного метра обнаружили партию жигулёвских распределов. По мнению учёных отдела по борьбе с экономическими преступлениями и ВОХР ВАЗа, эти валы принадлежат древним римлянам.

Диктор 2. Новости из-за рубежа. Сицилийская мафия обратилась в Международный суд в Гааге с жалобой на штамповщика прессового производства Ивана Бессовестного, заполонившего мировой рынок контрафактными пуговицами фирмы «Монтана».

Диктор 1. Американские астронавты наконец-то высадились на Луне. При взятии пробы грунта был обнаружен контейнер с жигулёвскими колёсами. В трубчатый каркас контейнера была вложена записка: «Васёк, извини, что – здесь. Но ребята из ОМОНа долго сидели на «хвосте». И подпись: «Толик».

Диктор 2. Далее – новости спорта. Высоких показателей добился чемпион ВАЗа шахматист Никудыкин благодаря изменению стиля своей игры. Если раньше он делал мат после сорокового хода, то теперь – после каждого.

Диктор 1. Вчера во Дворце спорта рабочий сцены Станиславский и сторож Бессонов играли в подкидного дурака, на батуте. На щелабаны. Выигравший получил пять тысяч и сотрясение мозга.

Диктор 2. Новый рекорд установил вазовский тяжелоатлет Василий Денюжкин. Державшуюся с 1984 года «шестёрку» толкнул за 120 тысяч.

Диктор 1. На этом наш специальный выпуск программы завершён. А сейчас для самых маленьких – передача «Спокойной ночи, малыши!». Вас ждёт очередная сказка.

Диктор 2. До свидания.

СЦЕНА 6

Ведущий. В 1987 году в журнале «Юность» была опубликована пьеса Леонида Филатова «Про Федота-стрельца, удалого молодца», которая сразу приобрела популярность. В шутовском интервью Леонид Филатов объяснил, почему он сочинил пьесу:

В нашей пишущей стране

Пишут даже на стене.

Вот и мне пришла охота

Быть со всеми наравне!

Вот и тольяттинскому автору Виктору Толстову захотелось «быть со всеми наравне». Его сказка была опубликована в сборнике молодых поэтов издательства «Советский писатель» в 1991 году.

Чтец.

1.

Как пела юности свирель

И Марья вместе с ней!

Унёс за тридевять земель

Её Трёхглавый змей.

Взыграло чувство, хоть умри.

(Так Марья хороша.)

Влюбились головы, все три,

И чёрная душа.

Смотрели ласково шесть глаз

На девушку полей.

И подходя к ней, всякий раз
Краснел зелёный Змей.

Такой он жалкий стал, смешной,
Забросил баловство.
Что будь с одною головой –
То вышла б за него.

Видать, любовь его крепка,
Да вот число личин...
Ведь это как три мужика
Придут к тебе в ночи.

С другой же стороны, он клад:
С влюблённым будет слад.
Пусть зелен, дурен, но – богат!
Иван ему не брат.

И девку, главное, отбил,
И тут Иван слабей:
Все свои головы сложил
В поклоне перед ней.

Жених он вовсе неплохой,
Пусть лиц не розов цвет,
Зато ни у кого другой
Такого мужа нет.

Ну, а Иванов по Руси –
Хоть океан пруди!
И Марья, сердце испросив,
Крутила бигуди.

2.
С тех пор, как Марью увели,
Иван лишился сна:
Исчезала в сумрачный дали
Без двух недель жена.

Растаяли, как лёгкий сон,
Гараж и «Жигули».
Поёт проклятый патефон:
«Всё могут короли!»

Но отступить не смешно ль?
За ней, за ней, за ней!
Иван, конечно, не король,
Но всё-таки не змей.

Сивухой горло он смочил,
Бицепс помял рукой,
Избу заколотив, отбыл
Повоевать с судьбой.

3.
В лесу ночном все мирно спят.
И ни души, хоть лай.
Вдруг видит – курица стоит,
Похожа на сарай.

Вгляделся – ба! Да то изба!
Без окон, без дверей.
Представил, что за голытьба
Могла водиться в ней.

Но всё ж нашёл отверстие он
(Привычен по складам...),

Там баба гонит самогон
Согласно временам.

Под лавкой кто-то чёрный спит,
Похожий на кота.
Лишь не мурлычет, а сопит,
И вроде без хвоста.

– Ах, это ты? Ну, заходи –
Приветствует она, –
Со Змеем спит уже, поди,
Без двух недель жена?

– Откуда знаешь, все дела? –
Дивится ей Иван.
– Э-э-э, слухом полнится земля,
К тому ж мой брат – шайтан.

Ну, ладно, парень, ничего,
Накрутишь Змею хвост!
(Яга в обиде на него,
Что не её унёс.)

Оружья только брать не смей,
Теперь оно не впрок:
Будь человек он или змей,
А всё получишь срок.

Его возьмёшь, когда уснёт,
Ему спиртное – враг.
Но самогона он не пьёт,
Лишь изредка – коньяк.

– Мерси, бабуля, – рёк Иван, –
А Змея где найти?

– Да ты коту налей стакан,
Укажет все пути.

4.
Согнулась очередь змейей,
Бушует у ларька.
Но вот помятый наш герой
С корзиной коньяка.

Иван идёт, Иван спешит,
Иван кота поит,

И ищут вместе, где сокрыт
Трёхглавый индивид.

Достигли цели, наконец.
Пещеры мрачный вход.
Беды Ивановой дворец
Невесело живёт.

И вот предстал трёхглавый сам:
Одна какао пьёт,
Вторая смотрит в лоб гостям
И семечки плюёт,

А третья спит преглубоко.
(Наверно, за троих).
Споить, как видно, нелегко
Полукорзиной их.

– Кто таковы? С добром, со злом? –
Какао говорит.
Иван, как проглотивши лом,
Ни лает, ни мычит.

Не потому, что страшен тать,
Лишился языка,
А думал, как бы Марью взять,
Не тратя коньяка.

Но так как был не в доску пьян,
Он здраво рассудил:
Достал бутылки и стакан
И дружбу предложил.

Но «семечки» хрипит: – Да брось!
Ты не идёшь вранью.
В твоих глазах я вижу злость.
Споить пришёл? Не пью!

Глазами Змей слегка повёл,
И Марья здесь как здесь.
– Зачем, Иван, меня нашёл?
Ты в жизнь мою не лезь!

Я Змея Змеича ценю
И замужем за ним.
В нём, видишь сам, полно огню,
А у тебя лишь дым,

И то дешёвых сигарет.
Ты Змеюшке не брат!
В тебе и слов-то нежных нет,
Один вульгарный мат.

И водку хлещешь без жратвы,
Моральный ты урод!
А у него три головы,
И ни одна не пьёт.

– Эх, Маша, Маша, это ты ль?
И говоришь сама?
Что ж мне в глаза пускала пыль,
Что любишь без ума?

Тебя искал так долго я
И в Ялте, и в Крыму,
Ты после этого – змея!
И пара ты ему!

И разошёлся тут Иван,
Но был от пьянки слаб.
И кот шепнул: – Пошли, братан,
Не стоит из-за баб.

Проснулась третья голова,
Опасно стало тут:
Тех вроде трое, этих – два.
Кот побледнел: «Убьют!..»

Но был коротким разговор:
Иван завял и сник.
Кота он обнял и пошёл
От горя напрямик.

5.
Всё ж был Иван неповторим
В работе и в грехе.
Он не остался холостым:
Женился на Яге.

Россия, горькая моя!
Хотя не всё тут вкось,
Но очень часто вижу я:
Иван да Марья – врозь...

СЦЕНА 7

Ведущий. Первый луч солнца, пробив толщу темноты, осветил величественную картину обыденной жизни тольяттинцев. Шёл очередной миллион выпуска автомобилей «Жигули». Вазовцы продолжали участвовать в различных фестивалях, конкурсах, спортивных соревнованиях, добиваться результатов не только в трудовой деятельности, но и в творчестве. В журнале «Магазин Жванецкого» был опубликован рассказ вазовского автора «Ноктюрн». Ноктюрн – ночная песня. Итак, рассказ из документов.

Диктор 1.

Начальнику цеха 46
от мастера бригады 111

Докладная

В ночь с 12 на 13 июня 198... года был похищен сейф, в котором находилась канистра с 3 (тремя) литрами спирта и книга учёта выдачи спирта.

Дата. Подпись.

Диктор 2.

Генеральному директору
ПО «Прогресс»
от начальника цеха 46
сборочно-кузовного производства ВАЗа
Заявка

Прошу изготовить сейф весом 200 кг для хранения спирта.

Дата. Подпись. Печать.

Диктор 1.

Начальнику цеха 46
от мастера бригады 111

Докладная

В ночь с 19 на 20 июня 198... года был похищен сейф, в котором находилась канистра с 2 (двумя) литрами спирта и книга учёта выдачи спирта.

Дата. Подпись.

Диктор 2.

Генеральному директору
ПО «Прогресс»
от начальника цеха 46
сборочно-кузовного производства ВАЗа
Заявка

Прошу изготовить сейф весом 300 кг для хранения спирта.

Дата. Подпись. Печать.

Диктор 1.

Начальнику цеха 46
от мастера бригады 111

Докладная

В ночь с 26 на 27 июня 198... года был похищен сейф, в котором находилась канистра с 1 (одним) литром спирта и книга учёта выдачи спирта.

Дата. Подпись.

Диктор 2.

Генеральному директору ПО «Прогресс»
от начальника цеха 46
сборочно-кузовного производства ВАЗа
Заявка

Прошу изготовить сейф весом 1000 кг (одна тонна) для хранения спирта.

Дата. Подпись. Печать.

Диктор 1.

Начальнику цеха 46
от мастера бригады 111

Докладная

В ночь с 10 на 11 июля 198... года был похищен сейф, в котором находилась канистра с 0,5 (поллитра) литрами спирта и книга учёта выдачи спирта. На бетонной лестнице, ведущей в цех, имеются сколы, то есть следы волочения сейфа.

Дата. Подпись.

Диктор 2.

Генеральному директору ПО «Прогресс»
от начальника цеха 46
сборочно-кузовного производства ВАЗа
Заявка

Прошу изготовить сейф весом 2 (две) тонны для хранения спирта.

Дата. Подпись. Печать.

Диктор 1.

Начальнику цеха 46
от мастера бригады 111

Докладная

В ночь с 31 июля на 1 августа 198... года автогеном был зверски вскрыт сейф, в котором находилось 300 граммов спирта. Книга учёта выдачи спирта сгорела.

Дата. Подпись.

Диктор 2.

Начальнику вневедомственной охраны
от начальника цеха 46
сборочно-кузовного производства ВАЗа
Заявка

Прошу вас провести служебное расследование по поводу кражи 7 литров (6,8) спирта и для передачи дела в прокуратуру.

Дата. Подпись. Печать.

Диктор 1.

Начальнику цеха 46
от начальника вневедомственной охраны
Служебная записка

В связи с тем, что себестоимость спирта в настоящее время составляет 11 копеек, расследование факта хищения спирта представляется экономически нецелесообразным.

Дата. Подпись.

СЦЕНА 8

Ведущий. Пятьдесят лет назад с конвейера Волжского автомобильного завода сошёл первый автомобиль. «Копейка» быстро полюбилась в нашей стране и не только – более 57 тысяч машин отправилось на экспорт в страны Социалистического содружества. Поставлялись автомобили во Францию, Италию, Австрию, Швейцарию и даже в Ливан и Нигерию. Газеты «Правда», «Известия», «Советская Россия» восторженно сообщали о том, что продукция ВАЗа произвела настоящий фурор... ой, нет, фураж... фурур... а впрочем, лучше этот фурур один раз увидеть, чем сто раз услышать... Упомянутый фурур описал работник Управления главного конструктора ВАЗа Виктор Романеев. Итальянский вариант.

Муж выводит беременную жену с грудным ребёнком на руках, которая идёт с закрытыми глазами.

Муж. Подожди, подожди... Не открывай глаза... Ближе, ближе, ближе... Открой глаза и не умирай от счастья!

Жена. Дева Мария!.. Что это?

Муж. Наш автомобиль. Самый лучший автомобиль во всём мире!

Жена. Неужели наш?! О, святая Лючия!

Муж. Наш. Ты понимаешь, наш! Можешь потрогать.

Жена. И он ездит?

Муж. Ещё как! Словно... птица! Как... быстрее, чем ты говоришь!

Жена. Не может быть!

Муж. Садись! Сейчас я тебе докажу.

Жена. Сажусь... Постой. А как же дядюшка? Неужели в этот радостный день мы его не пригласим? Его, который так много сделал для нас? Мы не можем так поступить!

Муж. Разумеется, не можем!

Жена. Так что ты сидишь? Беги за ним!

Муж. Сейчас! Быстрее ветра!

Муж убегает и тут же возвращается.

Муж. Сюда, дядюшка, сюда! Вот он. Наш!

Дядюшка. Наш! Неужели это счастье на всех?

Муж, Жена (одновременно). На всех, дядюшка.

Дядюшка убегает и тут же возвращается.

Дядюшка. Сюда, все сюда!

Появляются племянники.

Дядюшка. Смотрите, ребята, это наш автомобиль! Прекрасный, дешёвый, быстрый автомобиль.

Племянники (пытаются влезть). Он ездит?

Жена. «Он ездит?» Как вы можете это спрашивать? Конечно же, он ездит. Он ездит быстрее, чем вы успеете подумать. Садитесь, поехали!

Муж. Стой. А как же тётушка? Ведь она нянчила наших детей! Наш старший до сих пор вспоминает её во сне. А какие спагетти она готовит! Никогда в жизни не ел ничего подобного! Счастье должно быть общим.

Племянники, Дядюшка. Правильно говоришь... Счастье должно быть общим...

Муж. О, мама миа! Что же ты сидишь, женщина? Или ты не поняла, что надо пригласить тётушку?

Жена. Иду. Разорались!

Жена убегает и тут же возвращается с тётушкой.

Жена. Сюда, тётушка! Вот он, автомобиль. Садитесь! Дайте место тётушке! А я? Вы что, не хотите меня пускать? Подвиньтесь, вам говорят!

Муж. Все сели? Поехали!

Дядюшка. Как, а брат вашего отца, Джулио! Неужели мы его не пригласим? Того, кто всегда давал нам с десяток яиц? Кто так ловко играет в карты, у кого всегда козырный туз на руках? Без него наше счастье будет неполным... (Зовёт.) Джулио! Джулио!

Все. Джулио, Джулио...

Джулио (появляясь). Что случилось?

Все. Иди к нам! Это наш автомобиль. Он ездит быстрее, чем ты – думаешь! Это прекрасный быстрый автомобиль! Садись скорее!

Джулио. Ладно, сажусь.

Попытка всем поместиться в автомобиле не удаётся, и он разваливается.

Все (падая). О, мама миа! О, дева Мария! О, Санта Лючия! О, наше счастье!

Жена. Наше счастье развалилось! Ты слышишь, святая Лючия?!

Муж. Слышу. Что ж, теперь пусть каждый возьмёт себе кусочек нашего счастья на сувенир.

Все уходят, бережно унося обломки авто.

Ведущий. Французский вариант.

Возле автомобиля стоит, и давно стоит, одинокий мужчина. Неслышно появляется девушка и тихо подходит к нему.

Мари (почти шёпотом). Жульен... Жульен!

Жюльен. О, Мари... как я тебя жду!

Мари. Ты хочешь сказать, как давно ты меня ждёшь. Я не могла раньше... Мой муженёк спрятал ключи от машины, и я не сразу их нашла... Мы поедем на моей машине?

Жюльен. Нет, дорогая, на моей.

Мари. А куда?

Жюльен. Туда, где мы будем счастливы.

Мари. О, Жульен!

Жюльен. Дорогая, посмотри, пожалуйста, у меня, по-моему, сигнал поворота не работает. (Залезает в машину, включает сигнал поворота.) Ну, как?

Мари. Ой, работает... ой, не работает... ой, работает, ой, не работает...

Жюльен. Мари, ты просто прелесть! А теперь пойдёшь, посмотри задние фонари...

Мари идёт посмотреть, раздаётся визг тормозов... Ру- гань на французском. Жюльен выскакивает из машины и бежит к Мари, которая грозит кулаком вдаль.

Жюльен. Мари, ну разве ты не видела, что машина едет прямо на тебя?

Мари. Это он должен был видеть, что едет прямо на меня...

Жюльен. Но здесь же дорога...

Мари. Знаешь, дорогой, я думала, что вижу его в зеркале, вот в этом. *(Показывает зеркало заднего вида.)* И что я в машине. *(Целуются.)* Так мы едем?

Жюльен. Едем.

Мари. Жульен, догони, пожалуйста, вон ту машину. Я хочу посмотреть шляпку дамы, что сидит сзади... Поближе... ещё... правее. Дай я ещё поверну!.. Ой! Какое у неё лицо бледное! Ей совсем не идёт эта шляпка... А почему нас обгоняют? Жульен, нажми вот на эту педальку, и машина поедет быстрее... Ага... А если я нажму?.. Мы сейчас взлетим, Жульен! Что ты такой грустный?.. Обними меня... А почему ты такой бледный, тебе плохо? Неужели тебе плохо со мной? *(Целует его.)* Нас опять обогнали! Жульен, ты должен догнать эту машину, эту развалину... Давай, давай!

Жюльен. Мари, не колоти меня по спине... Не хватай руль, отпусти его! Мы сейчас врежемся... Мари, слезь с моих колен, я ничего не вижу... ты мне все ноги оттоптала... Ой!

Удар... несколько минут тишины.

Мари. Мы всё-таки их догнали... Жульен, иди поговори вон с тем мужчиной, кажется, он чем-то недоволен...

Жюльен. Я не могу этого сделать, мне плохо.

Мари. Ну Жульен... Это мой муж, не могу же я перед ним появиться, выйдя из чужого автомобиля. Он всё поймёт и разлучит нас навсегда.

Жюльен. Навсегда?

Выскакивает из машины, отсутствует некоторое время. Мари в это время прихорашивается, глядя в зеркало. Появляется Жюльен. Садится в машину рядом с Мари.

Жюльен. Мари, дай ручку. *(Мари протягивает ему руку. Жюльен защёлкивает наручник, а второй конец цепляет за рулевую колонку.)* Мне очень жаль, Мари... Но твой муж непреклонен. Оказывается, он заметил тебя и теперь в качестве компенсации за моральный ущерб требует отдать ему мой новый автомобиль вместе с тобой... А мне отдаёт свой... Прощай, моя любовь!

Жюльен поспешно вылезает из автомобиля. Появляется второй мужчина. Маленький, плюгавенький. Жюльен отдаёт ему ключи от наручников и машины. Тот подталкивает Жюльена к своему автомобилю. Слышно, как с чиханием заводится мотор, и машина отъезжает. Муж нерешительно садится в машину. Мари, очнувшись, вырывает у него ключи. Мощно ревёт мотор.

Мари. Жульен, Жульен, подожди-и-и-и-и! *(Машина сры- вается с места.)*

Ведущий. Цыганский вариант.

У костра, задумавшись, сидит молодой цыган. Попыхивая трубкой, он время от времени шевелит угли. Появляется старый цыган.

Старый цыган. О чём задумался, Никола?

Никола. Не знаю, батька, томит что-то... Всё не в радость...

Старый цыган. Цыгану дороги только конь, воля да любовь. Чего же тебе не хватает?

Никола. Конь у меня есть, любовь у меня есть, а вот воля? Воли – нет... Скакал я, батька, однажды наперегонки с ветром... Сильный был ветер... Как ни старался мой конь, а всё равно его хвост развевался перед мордой, такой сильный был ветер. Обидно мне стало... Горько мне стало... Машина мне нужна, батька! Чтобы чувствовал я себя

вольной птицей и летел вперёд... Сигнал у неё будет, как ржанье табуна. Цвет – как глаза Марии. Звонкая будет, как гитарная струна. Послушная, как ребёнок. Резвая, как первогодок... Батька, будет ли это?

Старый цыган. Будет, сынку, будет! Оглянись – всё в руках твоих. Поддай жару в огонь. Не дай углям остыть... Пусть будет твёрд распредвал, как дух твой, Никола... Осмотрись, видишь, сколько огней в степи?.. И у каждого – братья твои, и каждый закаливает распредвал. На них выкупим волю твою. Нельзя машине без распредвала, как цыгану без воли. Это жизнь. Живи долго, Никола.

Уходит старый цыган... В задумчивости шевелит угли Никола, время от времени обливает распредвал водой и пробует на зуб – твёрд ли?

Ведущий. Русский вариант.

Мужчина пенсионного возраста и тщедушной комплекции, отдуваясь, тащит за собой на верёвке автомобиль. Сзади автомобиль толкает жена. Тожже пыхтит и отдувается.

Жена. Поворачивай. Поворачивай! Куда ж ты, ирод! Сейчас на камень наедем. *(Налегает плечом.)*

Муж *(испуганно отпрыгивает в сторону)*. Ты сейчас на меня наедешь! Может, всё-таки, заведём мотор?

Жена. Я тебе заведу! Что её порожняком гонять? Невелик барин – пешком дойдёшь. И на бензине сэкономим, он сейчас не дешёв. Устал, что ли? Ну, давай, я впереди пойду! *Меняются местами. Мужичок пристраивается на багажнике и закуривает.*

Муж *(робко)*. Поесть бы! С утра не емши.

Жена *(не оборачиваясь)*. Дома поешь, а спать будешь в машине.

Муж. Почему в машине? Я не хочу в машине...

Жена. А кто хотел её купить? Вот и будешь охранять!

Муж. И так всегда?

Жена. И так всегда! Смотри-ка, кто навстречу едет – соседи! Ишь, рассигналились. Бибики им. Да, губами!

Мужичок бибикает.

Жена. Разъездились! Покрышки только изнашивают. Погоди-ка! Так ведь и мы изнашиваем! *(Поворачивается к автомобилю спиной, приподнимает за передний бампер. Мужичок сваливается с багажника и, вскочив, бежит за женой, которая тащит за собой машину.)*

СЦЕНА 8

Ведущий. Прошли годы. На ВАЗе совершали трудовые подвиги, преодолевали временные трудности, выпускали новые модели автомобилей. Но... Но всякие истории рано или поздно заканчиваются. Татаро-монгольское иго когда-то началось и закончилось, правление дома Романовых, Серебряный век поэзии, строительство Магнитки, БАМа... Вот и советский период истории ВАЗа закончился последней конференцией комсомола. Поприветствовать делегатов конференции в последний раз пришли и пионеры, надёжная смена.

Под барабанную дробь и звуки горна входят «пионеры» 40–60 лет, в шортах, пионерских галстуках, по очереди читают стихи:

«Сегодня зал улыбками цветёт,

Приветственными лицами, огнями.

Ваш праздник отмечает весь завод.

Наш комсомол, мы рады встрече с вами!

Мы помним, времена бывали,

И был у вас ударный труд.

Вас комсомолом называли,

Нас пионерами зовут!

Комсомол, ты помнишь нас?

Как вместе начинали,

Как ордена тебе и мне
За подвиги давали?
Мы находимся в подполье,
Как и ты, наш старший брат,
Вместо галстуков на шее
Цепи толстые горят.
Мы ж никогда не отставали,
А вы нас бросили на полпути,
Мы к коммунизму столько прошагали,
Что пятки стёрли, мать его эти...
Я был октябрёнком, я был пионером,
Я был комсомольцем, я в партии был.
Но все эти годы мечтал о подполье...
Теперь я под полом... Чтоб Ельцин так жил!
Патриотами мы были,
Были Родине нужны.
А теперь про нас забыли,
И чё бежать, задрал штаны?
Ты, комсомол, нас позови
На сбор металлолома лишнего.
Я знаю, где есть 40 тонн...
То – памятник, Татищеву.
Если папе удавалось
Переспать с чужой женой,
Это всё под руководством
Нашей партии родной.
Обещаем вам учиться
На четыре и на пять,
На чувихах не жениться,
Водку «Довгань» в рот не брать!
Не хочу быть президентом,
Не хочу быть мэром.
Лучше буду я всю жизнь
Юным пионером.

Взвейтесь кострами, синие ночи,
Без комсомола жить больше нет мочи.
Мы – дети, и мы продолжаем расти,
В какую шарагу теперь нам пойти?
Мы от всех пионеров страны
Поздравляем ЦК вместе с вами.
И пока ещё носим штаны,
Просим: «Партии, взвейтесь кострами!»
Уходят.

ВИА «Пламя».

Над широкой рекою, над доброй водой
Вырос город Тольятти – такой молодой!
Распахнул он над Волгой два светлых крыла
И она, словно сына, его обняла.

А из города Тольятти, как по скатерти,
С долгожданным ветерком вперегонки
Выбегают «жигулёнки», словно капельки,
Словно капельки Волги-реки!

Расцветают улыбки парней и девчат,
И моторы, проснувшись, тихонько урчат.
Оттого и машины у нас хороши,
Что заложена даже частица души!

Мы себя испытали, мы счастье нашли,
И летит наша песня по трассам земли.
Есть в хорошей работе своя красота,
И дорога просторна, как наша мечта.

На фоне песни на экране появляются исторические фотографии.

Занавес.

Аркадий Аверченко. Автобиография

Инсценировка

Действующие лица

Аверченко, автор, 40 лет
Аркадий, Аверченко в молодости, 30 лет
Елена Александровна, его жена, 30 лет
Екатерина Александровна, её сестра, 25 лет
Тёща, 60 лет
Горничная, 35 лет
Никифор, слуга Аркадия, 55 лет
Агент 1, молодой человек, 20 лет
Агент 2, молодой мужчина, 30 лет
Агент 3, мужчина, 40 лет
Агент 4, мужчина, 50 лет
Сельдяев, 40 лет
Дама, 60 лет
Бельмесов, 50 лет
Марья Игнатьевна, его невеста, 30 лет
Барышня, 25 лет
Митя, 25 лет
Липочка, его жена, 20 лет
Доктор, 45 лет
Кукушкин, 30 лет
Костя, внук Аверченко, 20 лет
Служащий, человек с ружьём, 50 лет
Рабочие

Сцена пуста. С края сцены письменный стол. На столе настольная лампа с абажуром. На авансцену выходит Аверченко.

Сцена I

Аверченко. Отдохнём от жизни. Помечтаем. Хотите? Устраивайтесь, пожалуйста, поудобнее в ваших мягких креслах. Представьте себе, что закуриваете сигару. Недурной «Боливар», не правда ли? Я люблю, когда в полумраке кабинета, как тигровый глаз, светится огонёк сигары. Ну, попробуем ещё мысленно наполнить наши рюмки тёмно-золотистым хересом, на бутылочке-то пыли сколькоросло – вековая пыль, благородная... А теперь слушайте. Однажды в кинематографе я видел удивительную картину. Море. Берег. Высокая этакая отвесная скала, саженной в десять. Вдруг у скалы закипела вода, вынырнула человеческая голова, и вот человек, как гигантский, оттолкнувшийся от земли мяч, взлетел на десять саженной кверху, стал на площадку скалы – совершенно сухой – и сотворил крестное знамение так: сначала пальцы его коснулись левого плеча, потом правого, потом груди и, наконец, лба. Он быстро оделся и пошёл прочь от моря, задом наперёд, пятась, как рак. Взмахнул рукой, и окурок папиросы, валявшийся на дороге, подскочил и влез ему в пальцы. Человек стал курить, втягивая в себя дым, рождающийся в воздухе. По мере курения папироса делалась всё больше и больше и, наконец, стала совсем свежей, только что закуреной. Человек приложил к ней спичку, вскочившую ему в руку с земли, вынул коробку спичек, чиркнул загоревшуюся спичку о коробку, отчего спичка погасла, вложил спичку в коробку; папиросу, торчащую во рту, сунул обратно в портсигар, нагнулся – а плевков с земли вскочил ему прямо в рот. И пошёл он дальше также задом наперёд, пятась, как рак. Дома сел перед пустой тарелкой и стаканом, вылил изо рта в стакан несколько глотков красного вина и принялся вилкой таскать изо рта куски цыплёнка, кладя их обратно на тарелку, где они под ножом срастались в одно целое. Когда цыплёнок вышел

целиком из его горла, подошёл лакей и, взяв тарелку, понёс этого цыплёнка на кухню – жарить... Повар положил его на сковородку, потом снял сырого, утыкал перьями, поводит ножом по его горлу, отчего цыплёнок ожил и потом весело побежал по двору. Не правда ли, вам понятно, в чём тут дело: это обыкновенная фильма, изображающая обыкновенные человеческие поступки, но пущенные в обратную сторону. Ах, если бы наша жизнь была похожа на послушную кинематографическую ленту!.. Повернул ручку назад – и пошло-поехало...

На сцену, пятась задом, рабочие вытаскивают реквизит: стол, кресла, стулья... и так же неестественно, пятась, скрываются в глубине сцены.

Аверченко. Шуршит лента, разматываясь в обратную сторону. Вот сентябрь позапрошлого года. Я сажусь в вагон, поезд даёт задний ход и мчится в Петербург. В Петербурге чудеса: с Невского уходят, забирая свои товары, селёдочницы, огуречницы, яблочницы и невоюющие солдаты, торгующие папиросами... Большевистские декреты, как шелуха, облетают со стен, и снова стены домов чисты и нарядны. Вот во весь опор примчался на автомобиле задним ходом Александр Фёдорович Керенский. Вернулся?! Крути, Митька, живей! Въехал он в Зимний дворец, а там, глядишь, всё новое и новое мелькание ленты: Ленин и Троцкий с компанией вышли, пятась, из особняка Кшесинской, поехали задом наперёд на вокзал, сели в распломбированный вагон, тут же его запломбировали – и укатила вся компания задним ходом в Германию. А вот совсем приятное зрелище: Керенский задом наперёд вылетает из Зимнего дворца – давно пора, – вскакивает на стол и напыщенно говорит рабочим: «Товарищи! Если я вас покину – вы можете убить меня своими руками! До самой смерти я с вами». Сохрал, каналья. Как иногда полезно пустить ленту в обратную сторону! Быстро промелькнула Февральская револю-

ция. Забавно видеть, как пулемётные пули вылетали из тел лежащих людей, как влетали они обратно в дуло пулемётов, как вскакивали мёртвые и бежали задом наперёд, размахивая руками. Крути, Митька, крути! Вылетел из царского дворца Распутин и покотился к себе в Тюмень. Лента-то ведь обратная. Жизнь всё дешевле и дешевле... На рынках масса хлеба, мяса и всякого съестного дрязгу. А вот и ужасная война тает, как кусок снега на раскалённой плите; мёртвые встают из земли и мирно уносятся на носилках обратно в свои части. Мобилизация быстро превращается в демобилизацию, и вот уже Вильгельм Гогенцоллерн стоит на балконе перед своим народом, но его ужасные слова, слова паука-кровопийцы об объявлении войны, не вылетают из уст, а, наоборот, глотает он их, ловя губами в воздухе. Ах, чтоб ты ими подавился!.. Митька, крути, крути, голубчик! Быстро мелькают поочерёдно четвёртая дума, третья, вторая, первая, и вот уже на экране чётко вырисовываются жуткие подробности октябрьских погромов. Но, однако, тут это не страшно. Громилы выдёргивают свои ножи из груди убитых, те шевелятся, встают и убегают, летающий в воздухе пух аккуратно сам слетается в еврейские перины, и всё принимает прежний вид. А что это за ликующая толпа, что за тысячи шапок, летящих кверху, что это за счастливые лица, по которым текут слёзы умиления?! Почему незнакомые люди целуются, чёрт возьми? Ах, это Манифест 17 октября, данный Николаем II свободной России... Да ведь это, кажется, был самый счастливый момент во всей нашей жизни! Митька! замри!! Останови, чёрт, ленту, не крути дальше! Руки поломаю!..

Пусть замрёт. Пусть застынет. Газетчик! Сколько за газету? Пятачок? Извозчик! Полтинник: на Конюшенную, к «Медведю». Пошёл живей, гривенник прибавлю. Здравствуйте! Дайте обед, рюмку коньяку и бутылку шампанского. Ну, как не выпить на радостях... С Манифестом вас!

Сколько с меня за всё? Четырнадцать с полтиной? А почему это у вас шампанское десять целковых за бутылку, когда в «Вене» – восемь? Разве можно так бессовестно грабить публику? Митька, не крути дальше! Замри. Хотя бы потому остановись, что мы себя видим на пятнадцать лет моложе, почти юношами. Ах, сколько было надежд, и как мы любили, и как нас любили... Отчего же вы не пьёте ваш херес? Камин погас, и я не вижу в серой мгле – почему так странно трясутся ваши плечи: смеётесь вы или плачете? Если Митьку не остановить, он таки докрутит до моего дня рождения...

На сцену выходит Аркадий. Аверченко садится за свой письменный стол.

Аркадий. Ещё за пятнадцать минут до моего рождения я не знал, что появлюсь на белый свет. Это само по себе пустячное указание я делаю лишь потому, что желаю опередить на четверть часа всех других замечательных людей, жизнь которых с утомительным однообразием описывалась непременно с момента рождения. Ну вот. Когда акушерка преподнесла меня отцу, он с видом знатока осмотрел то, что я из себя представлял, и воскликнул: «Держу пари на золотой, что это мальчишка!» – «Старая лисица! – подумал я, внутренне усмехнувшись, – ты играешь наперняка». С этого разговора и началось наше знакомство, а потом и дружба. Из скромности я остерегусь указать на тот факт, что в день моего рождения звонили в колокола и было всеобщее народное ликование. Злые языки связывали это ликование с каким-то большим праздником, совпавшим с днём моего появления на свет, но я до сих пор не понимаю, при чём здесь ещё какой-то праздник? Приглядевшись к окружающему, я решил, что мне нужно первым долгом вырасти. Я исполнял это с таким тщанием, что к восьми годам увидел однажды отца берущим меня за руку. Конечно, и до этого отец неоднократно

кратно брал меня за указанную конечность, но предыдущие попытки являлись не более как реальными симптомами отеческой ласки. В настоящем же случае он, кроме того, нахлобучил на головы себе и мне по шляпе – и мы вышли на улицу.

– Куда это нас черти несут? – спросил я с прямизной, всегда меня отличавшей.

– Тебе надо учиться.

– Очень нужно! Не хочу учиться.

– Почему?

Чтобы отвязаться, я сказал первое, что пришло в голову:

– Я болен.

– Что у тебя болит?

Я перебрал на память все свои органы и выбрал самый важный:

– Глаза.

– Гм... Пойдём к доктору.

Когда мы явились к доктору, я наткнулся на него, на его пациента и свалил маленький столик.

– Ты, мальчик, ничего решительно не видишь?

– Ничего, – ответил я, утаив хвост фразы, который докончил в уме: «...хорошего в ученье».

Так я и не занимался науками.

Легенда о том, что я мальчик больной, хилый, который не может учиться, росла и укреплялась, и больше всего заботился об этом я сам. Отец мой, будучи по профессии купцом, не обращал на меня никакого внимания, так как по горло был занят хлопотами и планами: каким бы образом поскорее разориться? Это было мечтой его жизни, и нужно отдать ему полную справедливость – добрый старик достиг своих стремлений самым безукоризненным образом. Он это сделал при соучастии целой плеяды воров, которые обворовывали его магазин, покупателей, которые брали исключительно и планомерно в долг, и – пожаров, испепе-

ливших те из отцовских товаров, которые не были растащены ворами и покупателями.

Воры, пожары и покупатели долгое время стояли стеной между мной и школой, и я так и остался бы неграмотным, если бы старшим сёстрам не пришла в голову забавная, сулившая им массу новых ощущений мысль: заняться моим образованием. Очевидно, я представлял из себя лакомый кусочек, так как из-за весьма сомнительного удовольствия осветить мой ленивый мозг светом знания сёстры не только спорили, но однажды даже вступили врукопашную, и результат схватки – вывихнутый палец – несколько не охладил преподавательского пыла старшей сестры Любы.

Так – на фоне родственной заботливости, любви, пожаров, воров и покупателей – совершался мой рост и развивалось сознательное отношение к окружающему.

Когда мне исполнилось пятнадцать лет, отец, с сожалением распростившийся с ворами, покупателями и пожарами, однажды сказал мне:

– Надо тебе служить.

– Да я не умею, – возразил я, по своему обыкновению выбирая такую позицию, которая могла гарантировать мне полный и безмятежный покой.

– Вздор! – возразил отец. – Серёжа Зельцер не старше тебя, а он уже служит!

Этот Серёжа был самым большим кошмаром моей юности. Чистенький, аккуратный немчик, наш сосед по дому, Серёжа с самого раннего возраста ставился мне в пример как образец выдержанности, трудолюбия и аккуратности.

– Посмотри на Серёжу, – говорила печально мать. – Мальчик служит, заслуживает любовь начальства, умеет поговорить, в обществе держится свободно, на гитаре играет, поёт... А ты?

Обескураженный этими упрёками, я немедленно подошёл к гитаре, висевшей на стене, дёргал струну, начинал визжать пронзительным голосом какую-то неведомую песню, старался «держаться свободнее», шаркая ногами по стенам, но всё это было слабо, всё было второго сорта. Серёжа оставался недосыгаем!

– Серёжа служит, а ты ещё не служишь... – упрекнул меня отец.

– Серёжа, может быть, дома лягушек ест, – возразил я, подумав. – Так и мне прикажете?

– Прикажу, если понадобится! – гаркнул отец, стуча кулаком по столу. – Чёрт возьми! Я сделаю из тебя шёлкового! Как человек со вкусом, отец из всех материй предпочитал шёлк, и другой материал для меня казался ему неподходящим.

На сцене появляется Аверченко, Аркадий уходит.

Аверченко. Ну-с, теперь приостановим кино и приступим к прозе жизни. То есть начнём мотать ленту в обычном, хронологическом порядке. Помню первый день моей службы, которую я должен был начать в какой-то сонной транспортной конторе по перевозке кладей. Я забрался туда чуть ли не в восемь часов утра и застал только одного человека в жилете без пиджака, очень приветливого и скромного. «Это, наверное, и есть главный агент», – подумал я.

На сцене появляется 1-й агент, Аркадий, Аверченко – отходит к своему столу.

Аркадий. Здравствуйте! *(Крепко пожимает руку Агенту 1.)* Как делишки?

Агент 1. Ничего себе. Садитесь, поболтаем!

Аркадий. Закурим?

Агент 1 трёт ладошки и протягивает руку за папироской.

Аркадий *(растерянно и суетливо обыскивает карманы, достаёт мятую пачку папирос).* Занесённый сюда гигантской метлой Божьего произволения под названием Серёжа

Зельцер, получающего 25 рублей в месяц, интересуюсь: могу ли я хоть в этом обставить эту икону родителей? Как тут насчёт харчей?

Агент 1 *(прикурив и положив ноги на стол).* Навряд... Если и дотянете, то рублёв до 15.

Агент 2 *(неожиданно появляется).* Ты что же, болван, до сих пор даже пыли не стёр?!

Агент 1 с криком испуга вскакивает и хватается за пыльную тряпку.

Аркадий. Здравствуйте. Как живёте-можете?

Агент 2. Ничего. Вы наш новый служащий? Ого! Очень рад!

Аркадий. Закурим?

Агент 2 трёт ладошки и протягивает руку за папироской.

Аркадий. А неплохо тут у вас. Как насчёт продвижения по службе?

Агент 2. Как и везде. Только у нас надо культурно развиваться – тогда, может быть, и продвинут. А так – ни-ни. Вы ходили на выставку Айвазовского? Юбилей ему устроили.

Аркадий. Какой это Айвазовский? Чем он торгует?

Агент 2. Живописец он, картины водяные пишет.

Аркадий. О-о! А я думал, наш брат, купец.

Агент 2. Чего ты окаешь-то? Этому стоит юбилей сделать, хоть он и не купец. Главное дело, пятьдесят лет живописного ремесла день в день выполнил, точка в точку. А это не шутка. Ведь за последнее время у нас все какие юбилеи бывали: семь лет, тринадцать лет, а то так и четыре с половиной. Четырёхполовинойлетний юбилей – нешто это можно? А тут пятьдесят лет! Говорят, он за это время одного полотна стравил столько, что щеколдинской фабрике в год не сработать.

Аркадий. Водяные картины, ты говоришь, он писал?

Агент 2. Только водяные. Вода, вода и вода. Вода и небесы – и ничего больше. И ведь в чём штука: только одну синюю краску и покупал. Разве малость белилами разводил.

Аркадий. Ну, водяные-то картины не мудрость. Вот ежели бы портреты...

Агент 2. Не мудрость! Нет, ты попробуй-ка пятьдесят лет подряд всё одной и той же синей краской. Ведь он ею, может статья, миллион аршин полотна замазал. Да ведь не зря мазал, а надо тоже так, чтобы выходило что-нибудь. А у него было как. Вот поставишь ты его картину к стене, к примеру, а супротив её уткупустишь, смотришь, утка-то в картину и лезет, на воду, значит, идёт. Уток надувал.

Аркадий. Т-с... Ну, это действительно. А портретов он не писал?

Агент 2. Ни боже мой! Только одна вода да небесы. Да он и не умеет портреты... начал, говорят, раз с одного купца писать портрет, глядь, а вместо купца-то не то облизыня, не то чёрт, а из пасти фонтал воды льётся.

Аркадий. Скажи на милость!

Агент 2. Да. Кому уж бог какое упование дал. Другой вот способен только вывески для мелочных лавочек писать, чтобы фрукта была, хлеб, стеариновые свечи, а воду не может. А этот только воду да небесы. Третий и для мелочной лавочки не напишет вывески, а для табачной в лучшем виде. Дай ты ему турку с трубкой написать, либо арапа с сигаркой – напишет, а заставь воду – не может. Ты думаешь, воду-то легко, чтобы по-настоящему выходило?

Аркадий. Да что говорить!

Агент 2. А у Айвазовского как угодно. С мальчишек уж руку набил. И ведь что удивительно-то: надо тебе морскую воду – он морскую напишет, надо речную – речная готова. И видишь ты сейчас, что это речная вода, а это морская.

Аркадий. И на вкус?

Агент 2. Чудак человек! Как же можно на вкус-то?

Аркадий. А ежели лизнуть по картине? Ведь морская вода солёная.

Агент 2. Ах, вот это-то! Так. Да кто ж его знает, может статья, в морскую-то воду он и прибавлял соли, только я его картины видеть видел, а лизать не лизал. Да ведь и не допустят до этого на выставке. Ну-ка, коли ежели вся публика начнёт лизать картину? Что из этого выйдет? До дыр и пролижешь. А его, айвазовские, картины дорогие.

Аркадий. И фонтан может написать?

Агент 2. И фонтал. Глядишь – ну, вот живой, да и только. Такое уж ему от бога умудрение.

Аркадий. А болотную воду?

Агент 2. И болотную воду. Одно только – зельтерской воды он не мог ухитриться написать; сколько ни старался – не выходит, да и что ты хочешь!

Аркадий. Не далось?

Агент 2. Не может. Пробовал хоть стаканчик – не выходит, да и шабаш.

Уж он и так и эдак – нет. Колодезная, ключевая – всякая выходит, а зельтерскую не может.

Аркадий. А кипяток?

Агент 2. Кипяток? Кипяток выходит, а самовар не выходит. И так он за пятьдесят лет к этой воде пристрастился, что только о воде и думает, только о воде и разговаривает. Жареного даже ничего не ест, а только вареву. Каждый день только уха и уха – в том его и пища. От воды, говорит, я себе капиталы нажил, так ничего мне теперича, кроме воды, и не надо.

Аркадий. Капиталы?

Агент 2. При больших капиталах состоит. В Крыму, в Феодосии, у него большое поместье, и тоже стоит на воде. Спереди море, сбоку река, а сзади фонталы ключевой воды бьют. Нынче он городу Феодосии пятьдесят тысяч вёдер воды в день на водопровод подарил. «Нате, говорит, пользуйтесь». Гости к нему приедут, а он сейчас водой угощать.

Аркадий. Ну, это не больно вкусно.

Агент 2. Так-то оно так, но старичка уважают. Пьют. И ничем ты его не утетишь, как ежели из всех его кадок хоть по рюмке воды выпьешь.

Аркадий. А у него кадки в доме стоят?

Агент 2. Никакой мебели, а только кадки стоят, крышками прикрытые, и это взамен стульев и столов. На кадках все сидят, на кадке с водой простую уху хлебают – вот и всё угощение. Потом купаться. Сначала в морской воде все выкупаются, потом в речной и, наконец, в ключевой на загладку. Требуется. Коли уж, говорит, в гости пришёл, то действуй по-нашему. В чужой монастырь со своим уставом не ходят.

Аркадий. И как это его умудрило насчёт воды?

Агент 2. Видение было в юности. «Напиши ты, – говорит – Ноев потоп, чтоб ничего не было видно, а только одна вода и небесы». Написал, и с тех пор вода, вода и вода.

Аркадий. Водку-то он пьёт ли?

Агент 2. А то как без неё? Ведь она тоже вода. Ты водку от воды нешто можешь отличить? По виду – ни в жизнь. Лизнёшь – ну, дело другое. Водку он пьёт. Да ты чего к водке-то подговариваешься? Не хочешь ли уж дербалызнуть? *На сцену входит Агент 3, хватая за плечо Агента 2.*

Агент 3 (громко). Так-то вы, дьявольский дармоед, заготовляете реестра? Выгоню я вас, если будете лодырничать! *Агент 2 бледнеет, опускает печально голову и бредёт за свой стол. Агент 3 опускается в кресло, откидывается на спинку.*

Агент 3 (важно). А это ещё что за гусь?

Агент 2. Это наш новый служащий-с.

Аверченко. «Дурак я, – думал я про себя. – Как я мог не разобрать раньше, что за птицы мои предыдущие собеседники. Вот этот начальник так начальник! Сразу уж видно!»

Аркадий. Разрешите представиться: Аркадий, ваш новый, так сказать, сослуживец.

Агент 3. Ну-с, молодой человек, а какие у вас таланты? Способности?

Аркадий. Их у меня целая тележка.

Агент 3. Наверное, знаете много смешного. Да?..

Аркадий. О, помилуйте...

Агент 3. Нечего там скромничать. Расскажите мне какую-нибудь смешную штуку... Я это ужасно люблю.

Аркадий. Позвольте... Что вы называете «смешной штукой»?

Агент 3. Ну, что-нибудь такое... юмористическое, Я думаю, вы не ударите лицом в грязь. Слава богу, специалист, кажется! Ну, ну... не скромничайте!

Аркадий. Видите ли... Я бы мог просто порекомендовать вам прочесть какую-нибудь книгу смешных рассказов.

Агент 3. Да нет, нет! Вы мне расскажите! Мне хочется послушать, как вы рассказываете... Ну, что-нибудь коротенькое. Вот, наверное, за бока схватишься!..

Аркадий (неохотно). Ну, слушайте... Мать послала маленького сына за гулякой-отцом, который удрал в трактир. Сын вернулся один, без отца, – и на вопрос матери, где же отец и что он там делает, ответил: «Я его видел в трактире... Он сидит там с пеной у рта». – «Сердится, что ли?» – «Нет, ему подали новую кружку пива».

Агент 3. Ну?

Аркадий. Что «ну»?

Агент 3. Что же дальше?

Аркадий. Да это всё.

Агент 3. Что же отец... вернулся домой?

Аркадий. Да это не важно. Вернулся – не вернулся... Всё дело в ответе мальчика.

Агент 3. А что, вы говорите, он ответил?

Аркадий. Он ответил: отец сидит там с пеной у рта.

Агент 3. Ну?

Аркадий. Видите ли... Соль этого анекдота заключается в том, что мальчик ответил то, что называется, – буквально.

Он видел кружку пива с пеной, кружку, которую отец держал у рта, и поэтому ответил в простоте душевной: «Отец сидит с пеной у рта». А мать думала, что это – фигуральное выражение, сказанное по поводу человека, которого что-нибудь взбесило.

Агент 3. Фигуральное?

Аркадий. Да.

Агент 3. Взбесило?

Аркадий. Да.

Агент 3. Ну?

Аркадий. Что ещё такое – «ну»?

Агент 3. Значит, мать думала, что отец за что-нибудь сердится, а он вовсе не сердится, а просто пьёт себе преспокойно пиво.

Аркадий. Ну да.

Агент 3. Вот-то ловко! Ха-ха! Ну и здорово же: она думает, что он сердится, а он вовсе и не сердится... Хо-хо! Вообще, знаете, эти трактиры...

Аркадий. Что-о?..

Агент 3. Я говорю, трактиры. Ещё если холостой человек ходит, так ничего, а уж женатому, да если ещё нет средств, так трудновато... Не до трактиров тут. Тут говорится: не до жиру, быть бы живу. *(Небольшая пауза.)* Ха-ха-ха! Уморил! Ей богу, уморил. Папа, говорит, в трактире пену пьёт, сердится... А мать-то, мать-то! В каких дурах... О-ох-хо-хо! Ну, ещё что-нибудь расскажите. Ну, я вас прошу, расскажите ещё что-нибудь...

Аркадий. Ладно. В один ресторан пришёл посетитель. Оставив в передней свой зонтик и боясь, чтобы его кто-нибудь не украл, он прикрепил к ручке зонтика такую записку: «Владелец этого зонтика поднимает одной рукой семь пудов... Попробуйте-ка украсть зонтик!» Пообедав, владелец зонтика вышел в переднюю – и что же он видит! Зонтик исчез, а на том месте, где он стоял, приколоты записка:

«Я пробегаю в час пятнадцать вёрст – попробуйте-ка догнать!»

Агент 3. Ну и что же? Догнал он похитителя или нет?

Аркадий. Нет, он его не догнал. Да тут и не важно дальнейшее. Вся соль анекдота заключается именно в курьёзном совпадении этих двух записок. Автор первой, видите ли, думал, что он непобедим, рассчитывая на свои здоровые руки, и никак он не рассчитывал, что здоровые ноги гораздо важнее.

Агент 3. Важнее?

Аркадий. Да.

Агент 3. Сколько он там написал, что пробежит в час?

Аркадий. Пятнадцать вёрст.

Агент 3. Это много считается?

Аркадий. Порядочно.

Агент 3. А ведь поймай этот первый-то владелец зонтика – похитителя в то время, как тот писал записку, он бы ему задал перцу, а? Тут и ноги не помогли бы, а?

Аркадий. Не знаю.

Агент 3. Это, наверное, было давно, я думаю? В прежнее время? Теперь-то ведь в передних ресторанах всюду швейцары, которые и отвечают за пропажу вещей.

Аркадий. Да.

Агент 3. Теперь всё как-то сделалось культурнее. Положим, раньше-то и воровства было меньше. А?

Аркадий. Да.

Пауза.

Агент 3. Вопрос ещё, догнал ли бы он похитителя, если бы даже и умел бегать быстрее его. Потому что раньше нужно узнать, в какую сторону он побежал, да не свернул ли с дороги, а то мог просто припрятать зонтик, да и отпереться от всего: «Знать не знаю, ведать не ведаю – никак-го зонтика не воровал и никакой записки не писал».

Аркадий. Да.

Агент 3 (*после паузы*). Ха-ха! Ох-хо-хо! Ну и уморил! Выходит он – где зонтик? Хвать-похватъ, а зонтика-то и нет. Ну и ловкие ребята бывают! Прямо-таки палец в рот не клади. И откуда вы столько смешных штучек знаете? Ну, расскажите ещё что-нибудь. Ну, пожалуйста, ну, миленький...

Аркадий. Рассказать? Извольте! Один господин, явившись на обед к родителям своей невесты и страдая от тесной обуви, снял потихоньку под столом с ноги башмак, но в это время собачонка схватила башмак да бежать, а жених испугался, вскочил, опрокинул стол, причём миска с горячим супом опрокинулась на тещу, и помчался за собачонкой. По дороге он разбил дорогую вазу, а потом, желая достать для разутой ноги какой-нибудь башмак, ударил тестя ногой в живот, повалил его и стал стаскивать с ноги ботинок. Но оказалось, что у тестя одна нога была искусственная, и вдруг она отрывается вместе с ботинком, и наш жених грохается на пол, обрывая портьеру; но в это время собачонка, с башмаком во рту...

Агент 3 (*громкий искренний смех*). О-ох, довольно!.. Ради бога, довольно! Вы меня убьёте вашим рассказом!..

Раздаётся шум за кулисами.

Агент 3. Посмотрите, кто там?

Аркадий (*заглядывая за кулису*). Какой-то плюгавый старикашка стягивает пальто.

Агент 4. Десятый час, а никто из вас ни черта не делает! Будет ли когда-нибудь этому конец?!

Агент 2 (*на ухо Аркадию*). Главный агент притащился.

Агент 4. Ну-ка, все по местам, чтобы духу тут вашего не было, чтоб вам... чтоб вы... (*Выгоняет всех за кулисы.*)

Сцена II

Аверченко. Литературная моя деятельность была начата в 1904 году, и была она, как мне казалось, сплошным три-

умфом. Во-первых, я написал рассказ... Во-вторых, я отнёс его в «Южный край». И в-третьих (до сих пор я того мнения, что в рассказе это самое главное), в-третьих, он был напечатан! Гонорар я за него почему-то не получил, и это тем более несправедливо, что едва он вышел в свет, как подписка и розница газеты сейчас же удвоились... Те же самые завистливые, злые языки, которые пытались связать день моего рождения с каким-то ещё другим праздником, связали и факт поднятия розницы с началом Русско-японской войны. Ну, да мы-то, читатель, знаем с вами, где истина...

Написав за два года четыре рассказа, я решил, что поработал достаточно на пользу родной литературы, и решил основательно отдохнуть, но подкатился 1905 год и, подхватив меня, закрутил меня, как щепку. Я стал редактировать журнал «Штык», имевший в Харькове большой успех, и совершенно забросил службу... Лихорадочно писал я, рисовал карикатуры, редактировал и корректировал, и на девятом номере дорисовался до того, что генерал-губернатор Пешков оштрафовал меня на 500 рублей, мечтая, что я немедленно заплачу их из карманных денег..

Я отказался по многим причинам, главные из которых были: отсутствие денег и нежелание потворствовать капризам легкомысленного администратора. Увидев мою непоколебимость (штраф был без замены тюремным заключением), Пешков спустил цену до 100 рублей. Я отказался. Мы торговались, как маклаки, и я являлся к нему чуть не десять раз. Денег ему так и не удалось выжать из меня! Тогда он, обидевшись, сказал:

– Один из нас должен уехать из Харькова!

– Ваше превосходительство! – возразил я. – Давайте предложим харьковцам: кого они выберут?

Так как в городе меня любили и даже до меня доходили смутные слухи о желании граждан увековечить мой образ

постановкой памятника, то господин Пешков не захотел рисковать своей популярностью. И я уехал, успев всё-таки до отъезда выпустить три номера журнала «Меч», который был так популярен, что экземпляры его можно найти даже в Публичной библиотеке. В Петроград я приехал как раз на Новый год.

На сцену выходит Аркадий, садится за стол, пишет. Из-за кулис доносится голос горничной.

Горничная. Барин дома, но очень занят.

Сельдяев (*за кулисами*). Ага... Так, так. Это хорошо. Ну, пусть себе занимается. Я мешать не буду. Доложите, что я хочу его видеть...

Горничная. Да барин занят. Пишет.

Сельдяев. Ну, вот и хорошо. Наверное, какую-нибудь забавную вещь пишет. Скажите, что я хочу его видеть...

Горничная. Барин сказал, что его отрывать нельзя.

Сельдяев. Да я и не оторву. Ей-богу. Только десять минут. Желает, мол, видеть его Сельдяев. Он меня примет.

Горничная. А они сказали, что никого не будут принимать.

Сельдяев. Ну да. Вообще. А я Сельдяев.

Горничная. Не знаю уж, как и быть.

Сельдяев. Вы только скажите ему, что я из провинции.

Аркадий (*встаёт из-за стола, направляется на голос*). Что?

Сельдяев (*умилённо*). Мамочка! Не узнаёт! Вот смехи-то... Сельдяева не узнал. Да какая же жизнь после этого... Дайте-ка я перво-наперво вас облобызаю.

Пытается поцеловать, горничная в это время стаскивает с его плеч шубу.

Получается комок, состоящий из горничной, Сельдяева, шубы его и Аркадия.

Аркадий (*лепечет, но прижимает к себе Сельдяева*). Простите, не узнаю.

Сельдяев. Сельдяева-то? Помните, вы в Армавире у нас читали лекцию, а я зашёл приветствовать вас от имени

армавирского общества любителей таксомоторной езды? Ещё после мы с Гугенбергом и Чихалиным вас на таксомоторе возили, город показывали. Кстати, знаете, Чихалин-то... кинематограф открывает в Армавире.

Аркадий. Что вы говорите! Это неслыханно! Кто бы мог подумать... Эх, Чихалин, Чихалин... Не выдержала русская душа окружающей беспросветной мглы... Садитесь.

Сельдяев. Сяду. Я ведь вам мешать не буду. У меня только одна просьба: покажите мне ваш Петроград.

Аркадий (*смотрит то на рукопись, то на Сельдяева*). Пойдём.

Сельдяев. А работа? Вы не беспокойтесь, пишите. Я минуточек пять подождать могу.

Аркадий. Что вы! Тут работы часа на два.

Сельдяев. Ну, тогда, конечно, бросьте. Хе-хе... Сельдяевы не каждый день в Петроград приезжают. Верно?

Аркадий. А, впрочем... Давайте, я вам его отсюда покажу? У меня с балкона открывается прекрасный вид. Все достопримечательности как на ладони.

Сельдяев. Пойдём.

Оба выходят на авансцену.

Аркадий. Вот это Невский проспект.

Сельдяев. Невский?.. Так, так. Далеко тянется?

Аркадий. Вёрст десять! (*Косится на Сельдяева*.)

Сельдяев. Десять? Так. Но это в обе стороны?

Аркадий (*в зал, тихо*). «Нет, улицей его не удивишь. А что ты, голубчик, запоёшь, когда увидишь Казанский собор?!». Это вот Казанский собор. Каково, а? Хотите, можем сходить и внутрь зайти?

Сельдяев. Нет, зачем же. Собор как собор.

Аркадий. Ну, не скажите... Колонны-то всё таки... Видали, какие?

Сельдяев. Да, серые. Сто штук будет?

Аркадий. Что вы, больше! Около трёхсот.

Сельдяев. С каждой стороны или в общем?

Аркадий (*вяло и без желания*). Исаакиевский собор. В полтора ста миллионов обошёлся.

Сельдяев (*значительно поджав губы и подняв одну бровь*). С землёй или без земли?

Аркадий. А это вот Нева. Видите?

Сельдяев (*перегибается через перила и начинает рассматривать реку так, будто бы хочет разглядеть какое-то насекомое, ползущее внизу*). Это вот Нева и есть?

Аркадий. Нева. Кажется, что не широка, а на самом деле обман зрения: пять вёрст!

Сельдяев. Ну, вода-то здесь, говорят, ядовитая.

Аркадий. Вода? Страшно ядовитая. На один кубический сантиметр воды – четыре миллиарда бактерий. Ежели нападут все вместе, человека растерзать могут.

Сельдяев. Так, так. А эта штучка там торчит – что это такое?

Аркадий. Где?

Сельдяев. Вот эта. Кривая какая-то.

Аркадий. Это – Троицкий мост! Хорошая «штучка»!.. Одна постройка обошлась в полтора ста милл... (*машет рукой*) миллиардов.

Сельдяев. Всё-таки, он металлический?

Аркадий. А вы какой же хотели?

Сельдяев. Да нет, я так. Мне всё равно. Металлический так металлический.

Аркадий (*задумчиво*). Когда кессоны устанавливали, около трёх тысяч народу погибло.

Сельдяев. Ну, на такой большой мост неудивительно, что столько народу пошло.

Аркадий (*обречённо*). Самый знаменитый дом в Петрограде.

Сельдяев. А что?

Аркадий. Здесь Пушкин написал своего «Евгения Онегина».

Сельдяев. Пушкин. Александр Сергеевич?

Аркадий. Да.

Сельдяев. Он тут что же... всегда жил или так только... Для «Онегина» поселился?

Аркадий. Специально для «Онегина». Заплатил за квартиру двадцать тысяч.

Пауза.

Аркадий (*сурово*). Вы что же думаете, что прежние 20 тысяч всё равно, что теперешние? Теперь это нужно считать в 50 тысяч!

Сельдяев. Гм... да! А он за «Онегина»-то много получил?

Аркадий (*глядя в потолок*). Около трёхсот тысяч.

Сельдяев. Ну, тогда, значит, ему можно было за квартиру такие деньги платить.

Аркадий. А вот этот дом, видите? Тут несколько лет тому назад произошла страшная драма: один молодой человек вырезал обитателей четырёх квартир.

Сельдяев. Это сколько ж народу?

Аркадий. Да около так... пятидесяти человек.

Сельдяев (*с интересом*). В один день?

Аркадий. А то как же!

Сельдяев. Этак, пожалуй, и не успеешь, если без помощников. За что же он их?

Аркадий. Из мести. Они съели его любимую невесту.

Сельдяев. Людоеды, что ли?

Аркадий (*дрожжа от негодования*). Нет! Это был такой клуб, где ради забавы каждый день ели по человеку. И полиция молчала, потому что ей платили около трёх миллионов в год.

Сельдяев. Рублей?

Аркадий. Нет, фунтов стерлингов!!! В фунте – 9 рублей 60 копеек.

Сельдяев. Английские фунты?

Аркадий. Да! Да!

Сельдяев. Просвещённые мореплаватели...

Аркадий. Погодите! Вот дом, который вас позабавит. Здесь помещается питомник полицейских собак. Есть тут одна собака Фриц, которая не только разыскивает преступников, но и допрашивает их.

Сельдяев (*вглядываясь в указанный дом*). Овчарка?

Аркадий. Чёрт её знает! Недавно захожу я сюда, а она сидит за столом и спрашивает какого-то парня: «Как же вы говорите, что были в тот вечер на Выборгской стороне, когда я нашла ваши следы на лестнице дома Гороховой улицы?» Так парень на колени. «Ваше высокородие! Не велите казнить, велите слово молвить!.. Так точно, повинюсь перед вами».

Сельдяев (*равнодушно*). Да, да. Читал и я, что где-то в цирке показывали собаку, которая разговаривает, потом кошку... тоже. Показывали... которая разговаривает...

Аркадий. Так, слушайте, что же дальше! Собака, значить, к нему: «А, так, ты сознаёшься?!» – «Так точно. Только вот что, ваше высокородие, так как говорим мы глаз на глаз, то разделится по совести. Я вам бриллиантовые серёжки отдам, что украл, а вы меня отпустите...» И кладёт перед ней серьги. Собака только плечами пожимает: «Куда мне они... Ведь всем ювелирам приметы и описание серёжек разносланы. Попадусь ещё... Есть у тебя рублей пятьдесят наличными – так дай. Тогда чёрт с тобой, иди куда хочешь». – «Тридцать пять есть!» – «Ну, ладно, давай, да серёжки-то не здесь сбывай, а где-нибудь в Берлине или Дрездене!» Опустила деньги в карман да прочь со стола.

Сельдяев (*с интересом*). Да откуда ж у неё карман?

Аркадий. Карман сюртука. Они ведь одеваются в форменные сюртуки. Шашка. Сапоги. Свисток. Жалованье 11 рублей с полтиной.

Сельдяев. Ну, а что тут у вас, вообще, в Петрограде интересного?

Аркадий. Вы лучше расскажите, что у вас слышно в Армавире?

Сельдяев. Да ведь я вам и забыл сказать: вот будете поражены... Ерыгина помните?

Аркадий. Не помню.

Сельдяев. Ну, как же. Так можете представить, этот Ерыгин решил ехать в Сибирь! Нашёл в Иркутске магазин, который ему передали на выгодных условиях, – и переезжать туда... Не чудак ли?.. Что вы на это скажете?!

Аркадий. Господи Иисусе! Кто бы мог подумать!

Сельдяев. Ну-с... спасибо. Показали Петроград. Можно теперь и в Армавир.

Уходят.

Сцена III

Аверченко. Кто жил в мебелированных комнатах средней руки, тот хорошо знает, что прислуга никогда не имеет привычки предварительно докладывать о посетителях... Как бы ни был неприятен гость или гостья, простодушная прислуга никогда не спросит вас, расположены ли вы к приёму этих людей. Однажды вечером я был дома, в своей одинокой комнате, и занимался тем, что лежал на диване, стараясь делать как можно меньше движений. Я человек очень прилежный, энергичный, и это занятие несколько меня не утомило. До тех, естественно, пор, пока чья-то рука неожиданно не постучала в мою дверь.

Во время монолога Аркадий появляется на сцене и удобно устраивается на диване. Раздаётся стук.

Аркадий. Войдите!

Входит скромно одетая немолодая женщина в траурной шляпе с крепом.

Аркадий (*вскакивая*). Чем могу быть вам полезен?

Дама (*внимательно всматриваясь в лицо Аверченко*). Вот он какой... Таким я его себе почему-то и представляла.

Красив... Красив даже до сих пор... Хотя прошло уже около шести лет.

Аркадий (*удивлённо*). Я вас не знаю, сударыня!

Дама (*печально*). И я вас, сударь, не знаю. А вот привелось встретиться. И придётся ещё вести с вами длинный разговор.

Аркадий. Садитесь, пожалуйста. Я очень удивлён... Кто вы?

Дама (*поднимаясь со стула*). Я мать той женщины, которая любила вас шесть лет тому назад, которая нарушила ради вас супружеский долг и которая... ну, об этом после. Теперь вы знаете, кто я? Я – мать вашей любовницы!.. (*Повисает печальная пауза.*) И теперь я сообщу вам дальнейшее: моя дочь, а ваша любовница, недавно умерла на моих руках, с вашим именем на холодеющих устах.

Аркадий (*хватаясь за голову*). Умерла?! Боже, какой ужас!

Дама (*растроганно*). Так вы ещё не забыли мою славную дочурку? Подумать только, что вы расстались больше пяти лет тому назад... Из-за вашей измены, как призналась она мне в минуту откровенности.

Аверченко. Я молчал, но мне было безумно тяжело, скверно и горько. Я чувствовал себя самым беспросветным негодяем. Если бы у меня было больше мужества, я должен бы откровенно сказать этой доброй, наивной старушке: «Милая моя! Для тебя роман замужней женщины с молодым человеком – огромное незабываемое событие в жизни, которое, по-твоему, должно сохраниться до самой гробовой доски. А я... я решительно не помню, о какой замужней даме говоришь ты... была ли это Ася Званцева? Или Ирина Николаевна? Или Вера Михайловна Березаева?» Я нерешительно поёрзал на диване, потом бросил на посетительницу испытующий взгляд и потом, свесив голову, осторожно спросил..:

Аркадий. Расскажите мне что-нибудь о вашей дочери...

Дама. Да что ж рассказывать?.. Как вы знаете, они с мужем не сошлись характерами. Он её не понимал, не по-

нимал души её и запросов... А тут явились вы – молодой, интересный, порывистый. Она всю жизнь помнила те слова, которые были сказаны вами при первом сердечном объяснении... Помните?

Аркадий. Помню, как же не помнить!.. Впрочем, повторите их. Так ли она вам передала.

Дама. В тот вечер мужа её не было дома. Пришли вы, какой-то особенный, «светлый», как она говорила. Вы заметили, что у неё заплаканные глаза, и долго добивались узнать причину слёз. Она отказывалась... Тогда вы обвили рукой её талию, привлекли её к себе и тихо сказали: «Счастье моё! Я вижу, тебя здесь никто не понимает, никто не ценит твоего чудесного жемчужного сердца, твоей кристальной души. Ты совершенно одинока. Есть только один, человек, который оценил тебя, сердце которого всецело в твоей власти...»

Аркадий (*задумчиво*). Да, это мой приёмчик. Теперь я его уже бросил...

Дама. Что?!

Аркадий. Да! Это были именно те слова, которые я сказал ей.

Дама. Ну вот. Потом вы, кажется, стали целовать её?

Аркадий. Наверное. Не иначе. Что же она вам рассказывала дальше?

Дама. Через несколько дней вы гуляли с ней в городском саду. Вы стали просить её зайти на минутку к вам, выпить чашку чаю... Она отказывалась, ссылаясь на то, что не принято замужней даме ходить в гости к молодому человеку, что этот поступок был бы моральной изменой мужу... Вы тогда обиделись на неё и целую аллею прошли молча. Она спросила: «Вы сердитесь?» – «Да, – сказали вы, – меня оскорбляет такое отношение и вообще мне очень тяжело и я страдаю». Тогда она сказала: «Ну, хорошо, я пойду к вам, если вы дадите слово вести себя прилично...» Вы пожалы плечами: «Вы меня обижаете!» Через полчаса она

была уже у вас, а через час стала вашей. (*Приподнимаясь со стула.*) Помните ли вы это?

Аркадий. Помню. А что она говорила, уходя от меня?

Дама. Она говорила: «Наверное, теперь вы перестанете уважать меня?». А вы прижали её к сердцу и возразили: «Нет! Никого ещё в жизни я не любил так, как тебя!» А теперь... она умерла, моя голубка! (*Приложив платок к глазам, плачет.*)

Аркадий. О! Если бы можно было вернуть её вам, я пожертвовал бы для этого своей жизнью!

Дама (*рассудительно*). Нет... её уже ничто не вернёт оттуда.

Аркадий. Не говорила ли она вам ещё что-нибудь обо мне?

Дама. Она рассказывала, что вы сначала виделись с ней каждый день, потом через день, а потом на вас свалилась неожиданно какая-то срочная работа, и вы виделись с ней раз в неделю. А однажды она, явившись к вам неожиданно, застала у вас другую женщину.

Аркадий опускает голову и сконфуженно разглаживает рукой подушку.

Дама. Помните вы это?

Аркадий. Помню.

Дама. А когда она расплакалась, вы сказали ей: «Сердцу не прикажешь!» И предложили ей остаться хорошими друзьями.

Аркадий (*недоверчиво*). Неужели я предложил ей это?

Аверченко. Вообще это было на меня не похоже. Я хорошо знал, что ни одна женщина в мире не пошла бы на такую комбинацию, и потому никогда не предлагал вместо любви – дружбу. Просто я спрашивал: «Кажется, мы охладели друг к другу?» У всякой женщины есть своё профессиональное женское самолюбие. Она почти никогда не говорит: «Кто это «мы»? Никогда я к тебе не охладевала!» А опустит голову, промедлит минуты три и скажет: «Да! Прощайте!» Очевидно, старуха что-то напутала.

Аркадий. Не передавала ли мне покойница что-нибудь перед смертью?

Дама (*торжественно*). Да! Она поручила вам свою маленькую дочь.

Аркадий (*в ужасе*). Мне? Да почему?

Дама. Как вы знаете, муж её умер четыре года тому назад, а я стара и часто хвораю...

Аркадий. Да почему же именно мне?

Дама (*печально улыбаясь*). Сейчас я скажу вам вещь, которая неизвестна никому, тайну, которую покойница свято хранила от всех и открыла её мне только в предсмертный час: настоящий отец ребёнка – вы!

Аркадий. Боже ты мой! Неужели? Вы уверены в этом?

Дама (*строго*). Перед смертью не лгут. Вы отец, и вы должны взять заботы о вашей дочери.

Пауза.

Аркадий (*робко*). А может быть, она ошиблась? Может быть, это не мой ребёнок, а мужа.

Дама (*торжественно*). Милостивый государь! Женщины никогда не ошибаются в подобных случаях. Это инстинкт!

Аверченко. С одной стороны, я считал себя порядочным человеком, уважал себя и поэтому полагал сделать то, что подсказывала мне совесть. Он должен быть мне дорог, этот ребёнок от любимой женщины (конечно, я в то время любил её!). С другой стороны, эта неожиданная тяжёлая обуза при моём образе жизни совершенно выбивала меня из колеи и налагала самые сложные, запутанные обязанности в будущем. Я – отец! У меня – дочь!..

Аркадий (*умилённо*). Как её зовут?

Дама. Верой, как и мать.

Аркадий (*решительно*). Хорошо! Согласен. Я удочерю её. Пусть носит она фамилию Аверченко.

Дама. Почему Аверченко?

Аркадий. Да мою фамилию. Ведь я же Аверченко.

Дама. Вы... Аверченко?!

Аркадий. А кто же?

Дама (*в ужасе*). Боже мой! Значит, это не вы?!

Аркадий. Что – не я?

Дама. Вы, значит, не Класевич?! Дочь называла фамилию Класевич и сказала этот адрес.

Аркадий (*радостно*). Класевич. Поздравляю вас: вы ошиблись дверью. Класевич в следующей комнате, номер одиннадцатый. А моя комната – номер десятый. Пойдёмте, я провожу вас. (*Оживлённо тащит даму на выход.*) Как же! Моя фамилия Аверченко, номер десятый, а Класевич дальше. Он – номер одиннадцатый. Он тут уж давно живёт, в этих комнатах, вот тут, рядом со мной. Как же! Класевич... . Очень симпатичный человек. Вы сейчас с ним познакомитесь... А вы, значит, вместо одиннадцатого номера в десятый попали?! Хе-хе... Ошибочка вышла. Как же! Класевич – он тут. Эй, Класевич! Вы дома? Тут одна дама вас по важному делу спрашивает... Идите, сударыня. Хе-хе... А я-то – слушаю, слушаю...

Аркадий возвращается, вытирает пот со лба, выпивает стакан воды. Опять раздаётся стук. Входят Бельмесов и Марья Игнатьевна.

Аверченко. Марья Игнатьевна – моя давнишняя знакомая, издревле и безнадёжно мечтающая выйти замуж, а посему периодически посещающая меня со своими кандидатами в мужа на предмет одобрения и оценки особой мужского пола. Не знаю уж почему, но в данном вопросе я у неё пользовался непререкаемым авторитетом, хотя моё суждение, как правило, только отдаляло её от достижения поставленных целей. В своих оценках я хоть и был суров, но, хочу отметить, справедлив. А потому шансы выйти замуж у Марьи Игнатьевны с моей помощью стремились к нулю. Мне же было непонятно, откуда она брала столь редкостных, бесперспективных

особей, несмотря на своё миленькое личико и добродетельный характер.

Марья Игнатьевна. Аркадий, разреши представить: Иван Демьяныч Бельмесов.

Аркадий. Аркадий Тимофеевич.

Бельмесов. Фу, жара! Вы думаете, я как пишушь?

Аркадий. Что такое?

Бельмесов. Вы думаете, как писать мою фамилию?

Аркадий. Да как же: Бельмесов?

Бельмесов. Сколько «с»?

Аркадий. Я полагаю – одно.

Бельмесов. Нет-с, два. Моя фамилия полуфранцузская. Бельмесов. В переводе – «прекрасная обедня».

Аркадий. Почему же русское окончание?

Бельмесов. Потому что я всё-таки русский, как же! Ах, Марья Игнатьевна, я сейчас только с дачи, и у нас там, представляете, выпал град величиной с орех. Прямо ужас! Я захватил даже с собой несколько градин, чтобы показать вам. Где бишь они?.. Вот тут в кармане у меня в спичечной коробке. Гм!.. Что бы это значило? Мокрая... (*Вытаскивает из кармана размокиший спичечный коробок.*) Кой чёрт! Куда же они подевались? Я сам положил шесть штук. Гм!.. И в кармане мокро.

Марья Игнатьевна (*улыбаясь*). Нет, он просто... прелесть. Правда, Аркадий? Очень просто, ваши градины растаяли. Нельзя же в такую жару безнаказанно протаскать в кармане два часа кусочки льду.

Бельмесов. Ах, как это жалко. А я-то думал вам показать.

Аркадий (*вполголоса*). Однако же и хороший ты гусь, братец мой. Очень интересно, чем такой дурак может заниматься? (*Обращаясь к Бельмесову.*) У вас своё имя? Вы помещик?

Бельмесов. Где там! Служу, государь мой. Состою на службе.

Марья Игнатьевна. Аркадий Тимофеевич, я тут Ивана Демьяныча уговариваю во французскую оперу сходить,

а он ни в какую... Скажите хоть вы ему: во французскую оперу обязан ходить каждый уважающий себя культурный человек.

Бельмесов. Франция, Франция! Что мне ваша Франция! Мало ли что говорят. Говорят, что во Франции самые богатые богачи. Так что, верить теперь и этому изволите? Да у нас в России есть такие капиталы, обретаются такие богачи, которые Франции и не снились. Только потому, что мы скромнее, никуда не лезем, ничего не кричим – о нас и не знают. А во Франции этот Ротшильд, что ли, всё время на том и стоит, чтоб какую-нибудь штуку позаковыристее выкинуть. Купит тысячу каких-нибудь там белых собак, напишет краской на брюхе у каждой «Вив ля Франс!», да и выпустит на улицу. А парижане и рады. Или яхту купит, приделает к ней колёса, да по Нотр-Даму и катается с неграми. Этак, конечно, всякий обратит внимание... А нас народ тихий, без выдумки, без скандалу. Хе! Богачи, богачи... Слышал ли, например, кто-нибудь из вас о таком волжском помещике – Щербакине?

Аркадий. Нет, не слышал. А что?

Бельмесов. Да как же... Расскажу я вам такой случай: еду я пароходом по Волге. Проезжаем мы однажды приблизительно этак по Мамадышскому уезду. Выхожу я утром, умывшись и напившись чаю, на палубу, смотрю на берег, спрашиваю: «Чья земля?» – «Помещика Щербакина». Хорошо-с. Проходит этак часа два. Я уже успел позавтракать. Брожу по палубе, взглянул на берег: «Чья земля?» Отвечают тамошние волжские пассажиры: «Помещика Щербакина». Ого, думаю. Эх тебя разбросало! Сел я обедать, съел, что полагалось, выпил две рюмки водки, пошёл для моциону бродить по пароходу. Спрашиваю: «Чья земля?» – «Помещика Щербакина». Что за чёрт, думаю. Очевидно, миллионер, а я о нём ничего не слышал. Спрашиваю: «Богатый?» – «Нет, – говорят, – так... средней руки». Что вы думаете? И ночью я спрашивал, чья земля, и на другой день утром

все говорят: помещика Щербакина. И это у них называется «помещик средней руки»... Вот это – края! Какие же у них должны быть «помещики большой руки»!..

Аркадий. Что ж, долго ещё тянулись «земли помещика Щербакина»?

Бельмесов. Да до самого обеда следующего дня. Тут как раз другой пароход подошёл, нас с мели снял, поехали мы – тут скоро щербакинские земли и кончились.

Аркадий. А вы долго на мели просидели?

Бельмесов. Да, сутки с лишним. Чуть не два дня. Волга-то летом в некоторых местах так мелеет, что хоть плачь. Чуть пароход мелко сидит в воде – сразу же и сядет. Которые глубоко сидят в воде, тем легче...

Аркадий. То есть наоборот.

Бельмесов. Ну, да, то есть наоборот, которые мельче пароходы, тем труднее, а глубокие ничего... Да-с. Вот вам и Ротшильд!

Аркадий (*отзывается в сторону Марью Игнатьевну*). Ради бога! Откуда у вас появился этот осёл?

Марья Игнатьевна (*обиженно*). Почему же осёл? Человек как человек.

Аркадий. Но ведь у него мозги чугунные.

Марья Игнатьевна. Не всем же быть писателями и сочинять рассказы. Во всяком случае, он приличный человек, хотя звёзд с неба и не хватает. И вообще, Аркадий, ты мне никак не даёшь устроить личную жизнь. Тебе не угодишь. Как знаешь, но если я не выйду замуж, то в этом безобразии будет и львиная доля твоей вины. (*Обращаясь к Бельмесову*) Иван Демьяныч, идёмте, мы уже опаздываем к Потаповым. Уходят.

Сцена IV

Аверченко. Крутятся-крутятся кадры киноленты моей жизни. И вот на этом кадре я восклицаю: Митька, останови! Тут ведь случился один из самых важных моментов моей жизни. Только что, мой дорогой зритель, ты подсмотрел некоторые моменты моей жизни. Однако ж, это чёрт знает что! То у меня ребёнок, невесть откуда, появился, то приходится женихов всяких оценивать. Не мешало бы и самому всё же жениться. И жениться сейчас же. Потом, с выбитыми зубами и циррозом печени, это будет намного сложнее. Однако же я и предположить не мог, что за каждой женщиной тянется хвост. Когда впервые моя уютная холостая квартирка огласилась её смехом (Елена Александровна пришла пить чай), моё сердце запрыгало, как золотой зайчик на стене, комнаты сделались сразу уютнее, и почудилось, что единственное место для моего счастья – эти четыре комнаты, при условии, если в них совьёт гнездо Елена Александровна.

Входят Аркадий и Елена Александровна.

Аркадий. Чайку, Елена Александровна?

Елена Александровна. С удовольствием.

Молча пьют чай.

Елена Александровна. О чём вы задумались?

Аркадий. Кажется, что я тебя люблю. А... ты?..

Елена Александровна (*целует*). ...О чём же ты, всё-таки, задумался?

Аркадий. Я хотел бы, чтобы ты была здесь, у меня, чтобы мы жили, как две птицы в тесном, но тёплом гнезде.

Елена Александровна. Значит, ты хочешь, чтобы я разошлась с мужем?

Аркадий. Милая, неужели ты могла предполагать хоть одну минуту, чтобы я примирился с его близостью к тебе? Конечно, раз ты меня любишь – с мужем всё должно быть кончено. Завтра же переезжай ко мне.

Елена Александровна. Послушай... но у меня есть ребёнок. Я ведь его тоже должна взять с собой.

Аркадий. Ребёнок... Ах, да, ребёнок!.. Кажется, Марусей зовут?

Елена Александровна. Марусей.

Аркадий. Хорошее имя. Такое... звучное! Маруся. Как это Пушкин сказал? «И нет красавицы, Марии равной»... Очень славные стишки.

Елена Александровна. Так вот... Ты, конечно, понимаешь, что с Марусей я расстаться не могу.

Аркадий. Конечно, конечно. Но, может быть, отец её не отдаст?

Елена Александровна. Нет, отдаст.

Аркадий (*с упрёком*). Как же это так? Разве можно свою собственную дочь отдавать? Даже звери и те...

Елена Александровна. Нет, он отдаст. Я знаю.

Аркадий. Нехорошо, нехорошо. А, может быть, он втайне страдать будет? Этак, в глубине сердца. По-христиански ли это будет с нашей стороны?

Елена Александровна. Что же делать? Зато я думаю, что девочке у меня будет лучше.

Аркадий. Ты думаешь, лучше? А вот я курю сигары. Детям, говорят, это вредно. А отец не курит.

Елена Александровна. Ну, ты не будешь курить в этой комнате, где она, – вот и всё.

Аркадий. Ага. Значит, в другой курить?

Елена Александровна. Ну, да. Или в третьей.

Аркадий. Или в третьей. Верно. Ну, что ж... (*Глубоко вздыхает.*) Если уж так получается, будем жить втроём. Будет у нас своё тёплое гнёздышко.

Елена Александровна бросается к Аркадию и кольцом обвивает его шею. Гаснет свет. За кулисами шум. Свет включается. На сцене за столом пьёт чай Елена Александровна. Вбегает Аркадий.

Аркадий (*вполголоса, испуганно*). Послушай, Лена... Там кто-то сидит.

Елена Александровна. Где сидит?

Аркадий. А вот там, в столовой.

Елена Александровна. Так это Маруся, вероятно, приехала.

Аркадий. Какая Маруся?! Ей лет тридцать, она в жёлтом платке. Сидит за столом и мешает что-то в кастрюльке. Лицо широкое, сама толстая. Мне страшно.

Елена Александровна (*улыбаясь*). Глупый. Это няня Марусина. Она ей кашку, вероятно, приготовила.

Аркадий. Ня... ня?... Какая ня... ня? Зачем ня... ня?

Елена Александровна. Как зачем? Марусю-то ведь кто-нибудь должен нянчить?

Аркадий. Ах, да... действительно. Этого я не предусмотрел. Впрочем, Марусю мог бы нянчить и мой Никифор.

Елена Александровна. Что ты, глупенький! Ведь он мужчина. Вообще, мужская прислуга – такой ужас...

Аркадий. Няня, значит?

Елена Александровна. Няня.

Аркадий. Сидит и что-то размешивает ложечкой.

Елена Александровна. Кашку изготвила.

Аркадий. Кашку?

Елена Александровна. Ну, да, чего ты так взбудоражился?

Аркадий. Взбудоражился?

Елена Александровна. Какой у тебя странный вид...

Аркадий. Странный? Да. Это ничего. Я большой оригинал... Хи-хи.

Уходит. Тут же вбегает.

Аркадий. Лена!!!

Елена Александровна. Что ты? Что случилось?

Аркадий. Там... В спальне... Тоже какая-то худая, чёрная... стоит около кровати и в подушку кулаком тычет. Забралась в спальню. Наверное, воровка... Худая, ворчит что-то. Леночка, мне страшно.

Елена Александровна. Господи, какой ты ребёнок! Это горничная наша, Уляша. Она и там у меня служила.

Аркадий. Уляша. Там. Служила. Зачем?

Елена Александровна. Деточка моя, разве могу я без горничной? Ну, посуди сам.

Аркадий. Хорошо. Посудю. Нет, и... что я хотел сказать!.. Уляша?

Елена Александровна. Да.

Аркадий. Хорошее имя. Пышное такое, Уляния. Хи-хи. Служить, значит, будет? Так. Послушай: а что же нянька?

Елена Александровна. Как ты не понимаешь: нянька для Маруси, Уляша для меня.

Аркадий. Ага! Ну-ну.

Уходит. Тут же вбегает.

Аркадий. Лена!!!

Елена Александровна. Господи... Что там ещё? Пожар?

Аркадий. Тоже сидит!

Елена Александровна. Кто сидит? Где сидит?

Аркадий. Какая-то старая. В чёрном платке. На кухне сидит. Пришла, уселась и сидит. В руках какую-то кривую ложку держит, с дырочками. Украла, наверное, да не успела убежать.

Елена Александровна. Кто? Что за вздор?!

Аркадий. Там. Тоже. Сидит какая-то. Старая. Ей-богу.

Елена Александровна. На кухне? Кому ж там сидеть? Кухарка моя, Николаевна, там сидит.

Аркадий. Николаевна? Ага... Хорошее имя. Уютное такое... Послушай: а зачем Николаевна? Обедали бы мы в ресторане, как прежде. Вкусно, чисто, без хлопот.

Елена Александровна. Нет, ты решительное дитя!

Аркадий. Решительное? Нет, нерешительное. Послушай: в ресторанчик бы...

Елена Александровна. Кто? Ты и я? Хорошо-с. А няньку кто будет кормить? А Уляню? А Марусе если котлеточку

изжарить или яичко? А если моя сестра Катя к нам погостить придет?! Кто же в ресторан целой семьёй ходит?

Аркадий. Катя? Хорошее имя – Катя. Закат солнца на реке напоминает. Хи-хи.

Елена Александровна уходит. Входит Никифор.

Аркадий. Никифор, братец мой, садись. (*Садятся.*) Бедные мы оба с тобой, Никифор... . Убежать куда-нибудь вдвоём, что ли? Куда нам тут деваться? В кабинете – Лена, в столовой – няня, в спальне – Маруся, в гостиной – Ульяша, в кухне – Николаевна. Гнёздышко... хотел я свить, гнёздышко на двоих, а потянулся такой хвост, что и конца ему не видно. Катя, вон, тоже придет. Корабль сразу оброс ракушками и уже на дно тянет, тянет его собственная тяжесть. Эх, Лена, Лена!.. Ну, что, брат, Никифор!..

Никифор. Что прикажете?

Аркадий. Ну, вот, брат, и устроились.

Никифор. Так точно, устроились. Вот сижу и думаю себе: наверное, скоро расчёт дадите.

Аркадий. Никифор, Никифор... Есть ли участь завиднее твоей: получишь ты расчёт, наденешь шапку набекрень, возьмёшь в руки свой чемоданчик, засвистишь, как птица, и порхнёшь к другому холостому барину. Заживёте оба на славу. А я... Никифор, когда ты смотришь на изящную, красивую женщину, бойко стучащую каблучками по тротуару, думаешь: «Какая милая! Как бы хорошо свить с ней вдвоём гнёздышко». А когда я смотрю на такую женщину, я вижу не только женщину... бледный, призрачный, тянется за ней хвост: маленькая девочка, за ней толстая женщина, за ней худая, чёрная женщина, за ней старая женщина с кривой ложкой, усеянной дырочками, а там дальше, совсем тая в воздухе, несутся ещё и ещё: сестра Катя, сестра Бася, тётя Аня, тётя Варя, кузина Меря, Подстега Сидоровна и Ведьма Ивановна... Матушка, матушка, пожалей своего бедного сына!.. Пойдём, братец...
Уходят.

Сцена V

Елена Александровна. Аркадий... Аркадий... Ты мне очень нужен.

Входит Аркадий.

Елена Александровна. Присядь, пожалуйста. Я тебя очень уважаю. Ты необычный человек.

Аркадий. Я не какой-нибудь там особенный человек... О нет! Во мне нет ничего эдакого... небесного. Я самый земной человек.

Елена Александровна. В каком смысле – земной?

Аркадий. Я? Реалист-практик. Трезвая голова. Ничего небесного. Только земное и земное. Но психолог. Но душу человеческую я понимаю.

Елена Александровна. Вот и хорошо. Твоя трезвая голова мне как раз и нужна. Скажи, Мастаков – пара для моей Кати или не пара?

Аркадий. Мастаков-то? Конечно, не пара.

Елена Александровна. Ну вот: то же самое и я ей говорю. А она и слышать не хочет. Влюблена до невероятности. Я уж, знаешь, – грешный человек – пробовала и наговаривать на него, и отрицательные стороны его выставлять, – и ухом не ведёт.

Аркадий. Ну, знаешь... Это смотря какие стороны выставить... . Ты что ей говорила?

Елена Александровна. Да уж будь покоен – не хорошее говорила: что он и картёжник, и мот, и женщины за ним бегают, и сам он-де к женскому полу неравнодушен... Так расписала, что другая бы и смотреть не стала.

Аркадий. Ты в уме ли? Ведь это нужно в затмении находиться, чтобы такое сказать!! Да знаешь ли ты, что этими своими наговорами, этими его пороками, ты втрое крепче привязала её сердце?! Прости, что я так говорю, но ты поступила по-сапожнически.

Елена Александровна. Да я думала ведь, как лучше.

Аркадий. Хуже только сделала. Всё дело испортила. Разве так наговаривают? Подумаешь – мот, картёжник... Да ведь это красиво! В этом есть какое-то обаяние. И Герман в «Пиковой даме» – картёжник, а смотри, в каком он ореоле ходит... А отношение женщин... Да ведь она теперь, Лида твоя, гордится им, Мастаковым этим паршивым: «Вот, дескать, какой покоритель сердец!.. Ни одна перед ним не устоит, а он мой!» Эх ...! Нет, наговаривать, порочить, унижать нужно с толком... Вот я наговорю так наговорю! И глядеть на него не захочет...

Елена Александровна. Аркадий... Милый... Поговори с ней.

Аркадий. И поговорю. Муж я в твоей семье или недруг? Друг. Ну значит, моя обязанность – позаботиться. Поговорим, поговорим. Она сейчас где?

Елена Александровна. У себя. В комнате. Кажется, письмо ему пишет.

Аркадий. К чёрту письмо! Оно не будет послано!.. Мы камня на камне от Мастакова не оставим.

Елена Александровна. Так я её позову сейчас сюда?

Аркадий. Зови.

Елена Александровна. Катенька... Катя...

Уходит. Возвращается с Катей.

Елена Александровна. Вот, Аркадий, Катенька.

Аркадий. Здравствуйте, Екатерина Александровна! Письмецо строчите? Дело хорошее. А я тут решил с вами поболтать. Давно видели моего друга Мастакова?

Екатерина Александровна. Вы разве друзья?

Аркадий. Мы-то? Водой не разольёшь. Я люблю его больше всего на свете.

Екатерина Александровна. Серьёзно?

Аркадий. А как же. Замечательный человек. Кристальная личность.

Екатерина Александровна. Спасибо, милый Аркадий. А то ведь его всё ругают... И сестра, и... все. Мне это так тяжело.

Аркадий. Катенька! Дитя моё... Вы простите, что я вас так называю, но... никому не верьте! Про Мастакова говорят много нехорошего – всё это ложь! Преотчаянная, зловонная ложь. Я знаю Мастакова, как никто! Редкая личность! Душа изумительной чистоты!..

Екатерина Александровна. Спасибо вам... Я никогда... не забуду...

Аркадий. Ну, чего там! Стоит ли... Больше всего меня возмущает, когда говорят: «Мастаков – мот! Мастаков швыряет деньги куда попало!». Это Мастаков-то мот? Да он, прежде чем извозчика нанять, полчаса с ним торгуется! Душу из него вымотает. От извозчика пар идёт, от лошади пар идёт, и от пролётки пар идёт. А они говорят – мот!.. Раза три отойдёт от извозчика, опять вернётся, и всё это из-за гривенника. Ха-ха! Хотел бы я быть таким мотом!

Екатерина Александровна. Да разве он такой? А со мной когда едет – никогда не торгуется.

Аркадий. Ну что вы... Кто же осмелится при даме торговаться?! Зато потом, после катанья с вами, придёт, бывало, ко мне – и уж он плачет, и уж он стонет, что извозчику целый лишний полтинник передал. Жалко смотреть, как убивается. Я его ведь люблю больше брата. Замечательный человек. Замечательный!

Екатерина Александровна. А я и не думала, что он такой... экономный.

Аркадий. Он-то? Вы ещё не знаете эту кристальную душу! Твоего, говорит, мне не нужно, но уж ничего и своего, говорит, не упущу. Ему горничная каждый вечер счёт расходов подаёт, так он копеечки не упустит. «Как, говорит, ты спички поставила 25 копеек пачка, а на прошлой неделе они 23 стоили? Куда две копейки дела, признавайся!» Право, иногда, глядя на него, просто зависть берёт.

Екатерина Александровна. Однако он мне несколько раз подносил цветы... Вон и сейчас стоит букет – белые розы и мимоза, чудесное сочетание.

Аркадий. Знаю! Говорил он мне. Розы – двадцать, мимоза – два сорок. В разных магазинах покупал.

Екатерина Александровна. Почему же в разных?

Аркадий. В другом магазине мимоза на четвертак дешевле. Да ещё выторговал пятнадцать копеек. О, это настоящий американец! Воротнички у него, например, гуттаперчевые. Каждый вечер резинкой чистит. Стану я, говорит, прачек обогащать. И верно – с какой стати? Иногда я гляжу на него и думаю: «Вот это будет муж, вот это отец семейства!» Да... счастлива будет та девушка, которая...

Екатерина Александровна. Постойте... Но ведь он получает большое жалованье! Зачем же ему...

Аркадий. Что? Быть таким экономным? А вы думаете, пока он вас не полюбил, ему женщины мало стоили?

Екатерина Александровна. Ка-ак? Неужели он платил женщинам? Какая гадость!

Аркадий. Ничего не гадость. Человек он молодой, сердце не камень, а женщины вообще, Катенька (простите, что я называю вас Катенька), страшные дуры.

Екатерина Александровна. Ну уж и дуры...

Аркадий. Дуры! *(Стучит кулаком по столу.)* Спрашивается: чем им Мастаков не мужчина? Так нет! Всякая нос воротит. «Он, – говорит она, – неопрятный. У него всегда руки грязные». Так что ж, что грязные? Велика важность! Зато душа хорошая. Зато человек кристальный! Эта вот, например, извольте знать?.. Марья Кондратьевна Ноздрякова – извольте знать?

Екатерина Александровна. Нет, не знаю.

Аркадий. Я тоже, положим, не знаю. Но это не важно. Так вот, она вдруг заявляет: «Никогда я больше не поцелую вашего Мастакова – противно». – «Это почему же-с,

скажите на милость, противно? Кристальная, чудесная душа, а вы говорите – противно?..» – «Да я, – говорит, – сижу вчера около него, а у него по воротнику насекомое ползёт...» – «Сударыня! Да ведь это случай! Может, как-нибудь нечаянно с кровати заползло», – и слышать не хочет глупая баба! «У него, – говорит, – и шея грязная». Тоже, подумаешь, несчастье, катастрофа! Вот, говорю, уговорю его сходить в баню, помыться – и всё будет в порядке! «Нет! – говорит. – И за сто рублей его не поцелую». За сто не поцелуешь, а за двести, небось, поцелуешь. Все они хороши, женщины ваши.

Екатерина Александровна. Аркадий... Всё-таки это неприятно – то, что вы говорите...

Аркадий. Почему? А по-моему, у Мастакова ярко выраженная индивидуальность... . Протест какой-то красивый. Не хочу чистить ногти, не хочу быть как все. Анархист. В этом есть какой-то благородный протест.

Екатерина Александровна. А я не замечала, чтобы у него были ногти грязные... .

Аркадий. Обкусывает. Все великие люди обкусывали ногти. Наполеон там, Спиноза, что ли. Я в календаре читал.

Пауза.

Аркадий. Нет, Мастакова я люблю и глотку за него всякому готов перервать. Вы знаете, такого мужества, такого терпеливого перенесения страданий я не встречал. Настоящий Муций Сцевола, который руку на сковороде изжарил.

Екатерина Александровна. Страдание? Разве Мастаков страдает?!

Аркадий. Да. Мозоли. Я ему несколько раз говорил: почему не срежешь? «Бог с ними, говорит, не хочу возиться». Чудесная детская хрустальная душа...

На сцену заглядывает горничная, шепчет что-то Елене Александровне.

Елена Александровна (*обращаясь к Кате*). Мастаков твой звонит. Тебя к телефону просит...

Екатерина Александровна (*нервно*). Почему это мой? Почему вы все мне его навязываете?! Скажите, что не могу подойти... Что газету читаю. Пусть позвонит послезавтра... или в среду – не суть важно.

Аркадий (*укоризненно*). Катенька, не будьте так с ним жестоки. Зачем обижать этого чудесного человека, эту большую, ароматную душу!

Екатерина Александровна (*кричит*). Отстаньте вы все от меня! Никого мне, ничего мне не нужно!!! (*Выбегает.*)

Аркадий. Видал-миндал?

Елена Александровна. Послушай... Да ведь ты чудо сделал! Да ведь я теперь век за тебя молиться, буду.

Уходят.

Сцена VI

Аверченко. Да, братец... Теперь ты узнаешь жизнь... Узнаешь, как и зачем целуются женщины... Узнаешь на собственных детях, каким способом их кормить, а впоследствии узнаешь, может быть, почему жёны целуют не только своих мужей, но и чужих молодых человек. Ещё ты узнаешь, что рано или поздно к какой бы женщине ты ни пришёл втайне от жены, всё сведётся к одному.

Входит не очень хорошенькая, с претензиями на красоту барышня. Садится, через некоторое время появляется Аркадий.

Аркадий. Что это вы тут сидите в одиночестве?

Барышня (*оживляясь*). Так, знаете. Я люблю одиночество.

Аркадий. Одиночество развивает меланхолию. А молодая хорошенькая девушка не должна быть меланхоличной.

Барышня (*кокетливо*). Удивительно. Все вы, мужчины, говорите одно и то же.

Аркадий. Но ведь мужчины же не виноваты, что вы хороши. Миллионы людей говорят, что солнце прекрасно. Разве они надоели солнцу своими восторгами?

Барышня (*смущаясь*). Куда вы сейчас спешили?

Аркадий. В эту комнату. Здесь висят хорошие картины. Хотите посмотреть?

Барышня. Но здесь, кроме меня, кажется, никого нет!

Аркадий. А вы боитесь меня?

Барышня. О, я ведь знаю вас, мужчин... Хотя, впрочем, вы кажетесь мне порядочным человеком. Пойдёмте. (*Встаёт, цепляется рукой за локоть Аркадия.*)

Аркадий. Вот вам картины. Видите, какие?

Барышня. Да, хорошие.

Аркадий. Если бы я был художник, я написал бы с вас картину.

Барышня. Что же вам так во мне нравится? (*Поправляя дрожащей рукой вылезшую из невидимого тюфяка паклю на голове.*)

Аркадий (*страстно*). Какие волосы! Ваши губы... О, эти ваши губы! Я хотел бы крепко-крепко прильнуть к ним... Так, чтобы дух захватило. О, ваши розовые губки!..

Барышня (*закрывая лицо руками*). Вы не сделаете этого. Это было бы так ужасно!..

Аркадий. Я не сделаю? О, плохо же вы меня знаете! Страсть клокочет во мне... Я... (*Безо всякого усилия открывает от лица руки барышни, запрокидывает её голову и – действительно впиивается своими горячими красными губами в её бледные увядшие губы.*)

Барышня (*шепчет*). Что вы делаете? (*Обвивает руками шею Аркадия.*) Что ты делаешь, мой дорогой... как тебя зовут?..

Аркадий. Васей.

Барышня. ...дорогой Вася... Разве можно позволять себе это сейчас? Потом, после свадьбы... Когда мы останемся вдвоём.

Аркадий. Свадь... ба? Какая свадьба?

Барышня. Наша же, глупенький. Имей в виду, что до свадьбы я позволю тебе целовать только кончики моих пальцев...

Аркадий. По... чему свадьба?! Я не хочу...

Барышня (*разгневанно*). Милостивый государь! Я – девушка... И вы меня целовали. Вы мне говорили вещи, которые можно говорить только будущей жене!

Аркадий. Я... больше не буду... Простите, если я что-нибудь лишнее... позволил.

Барышня толкает Аркадия на диван, садится рядом.

Барышня (*миролюбиво*). Лишнее? Почему лишнее? Если человек любит, ничего ни в чём нет лишнего...

Аркадий. ???

Барышня (*трётся о щеки Аркадия*). Ах, какое у нас будет гнёздышко! Я уже сейчас вижу его... Прямо из передней – столовая. Налево – твоя комната. Направо – гостиная. Ты голубой цвет любишь? Голубая. Ты знаешь?.. Я думаю обойтись одной кухаркой: стирать пыль или какие-нибудь другие мелочи я буду делать сама. Правда? О, я не разорю тебя, не бойся.

Аркадий вскакивает и с возгласом «А-а-а-а!..» убегает.

Барышня. Вася, куда же ты? (*Убегает вслед.*)

Аверченко. Вот так, зачастую проходит совсем немного времени со дня бракосочетания. Всё это время уныло бродишь по комнатам, насвистывая мелодичные грустные мотивы, хватаешься за дюжину поочередно начатых книг и даже «прижимаешься горячим лбом к холодному оконному стеклу», что по терминологии плохих беллетристов является наивысшим признаком скверного душевного состояния. Просыпаешься ты утром после свадьбы – глядь, а сбоку чужая женщина лежит. И сам ты не заметил, как она завелась. То да сё, хочешь ты куда-нибудь удрать – «Нет-с, – говорит, – постой! Я твоя мужняя жена, и ты

из моих лап не вырвешься». Ты в кабинет – она за тобой; ты на улицу – она за тобой. Ночью пошёл в какой-нибудь чуланчик, где грязное бельё складывается, – чтобы хоть на полчаса одному побыть – не тут-то было! Открывается дверь, и чей-то голос пищит: «Ты тут, Аркаша? Что же ты от меня ушёл? Ну, я тут с тобой посижу! Зачем ты меня одну бросил, Аркаша?» Ну, конечно, ты ей возрадишь: «Да ведь двадцать-то пять лет ты жила же без меня, дрянь ты этакая?! Почему же сейчас без меня минутки не можешь?» – «Нет, Аркашечка, – скажет она, – было бы тебе на мне не жениться... Раз женился – так тебе и надо!» Повеситься захочешь, и то не даст – из петли вынет, да ещё поколотит оставшейся свободной верёвкой: как, дескать, смел, паршивец, вдову без прокормления оставлять! И смотришь уже на мир другими глазами. Ну вот, например...

На сцене появляются Митя и Липочка. Садятся на диван.

Митя. Чья это ручонка? (*Теребит руку Липочки.*)

Аверченко. Я уверен, что муж Митя довольно хорошо был осведомлён о принадлежности этой верхней конечности именно жене Липочке, а не кому-нибудь другому, и такой вопрос задавался им просто из праздного любопытства...

Митя. Чья это маленькая ручонка?

Аверченко. Самое простое – жене нужно было бы ответить: «Мой друг, эта рука принадлежит мне. Неужели ты не видишь сам?» Вместо этого жена считает необходимым беззастенчиво солгать мужу прямо в глаза.

Липочка. Эта рука принадлежит одному маленькому дурачку.

Аверченко. Не опровергая очевидной лжи, муж Митя обвиняет жену и начинает её целовать. Зачем он это делает, бог его знает. Потом смотрит на её неестественно полный живот, спрашивает меня.

Митя. Как ты думаешь, что у нас будет?

Аверченко. Этот вопрос муж Митя задавал мне много раз, и я каждый раз неизменно отвечал: «Окрошка, на второе – голубцы, а потом – крем». Или: «Завтра? Кажется, пятница». Отвечал я так потому, что не люблю глупых, праздных вопросов.

Митя (*смеясь*). Да нет же! Что у нас должно родиться?

Аверченко. Что? Я думаю, лишённым всякого риска мнением будет, что у вас скоро должен родиться ребёнок.

Митя. Я знаю! А кто? Мальчик или девочка?

Аверченко. Мне хочется дать ему практический совет: если он так интересуется полом будущего ребёнка, пусть вскрыет столовым ножиком жену и посмотрит. Но мне кажется, что он будет немного шокирован этим советом, и я говорю просто и бесцельно: «Мальчик».

Митя. Ха-ха! Я сам так думаю! Такой большущий, толстый, розовый мальчуган... Судя по некоторым данным, он должен быть крупным ребёнком... А? Как ты думаешь... Что мы из него сделаем?

Аверченко. Муж Митя так надоел мне этими вопросами, что я хочу предложить вслух: «Котлеты под морковным соусом». Но говорю: – «Инженера».

Митя. Правильно. Инженера или доктора. Липочка! Ты показывала уже Аркадию свивальнички? А нагрудничков ещё не показывала? Как же это так?! Покажи.

Аверченко. Я не считаю преступлением со стороны Липочки её забывчивость и осторожно возражаю: – «Да зачем же показывать? Я после когда-нибудь увижу».

Митя. Нет, чего там после! Я уверен, тебя это должно заинтересовать.

Аверченко. Передо мной раскладываются какие-то полотнояные свёрточки, квадратики. Я трогаю пальцем один и робко говорю: «Хороший нагрудничек».

Митя. Да это свивальник! А вот как тебе нравится сия вещь?

Аверченко. Сия вещь решительно мне нравится. Я радостно киваю головой: «Панталончики?»

Митя. Чепчик. Видите, тут всего по шести перемен, как раз хватит. А колыбельку вы не видели?

Аверченко. Видел. Три раза видел.

Митя. Пойдёмте, я вам ещё раз покажу. Это вас позабавит... Вот тут он будет лежать... Большой, толстый мальчишка. «Папочка, – скажет он мне, – папочка, дай мне карамельку!» Гм... Надо будет завтра про запас купить карамели.

Аверченко. «Купи пуд», – советую я.

Митя. Пуд, пожалуй, много... (*Обращаясь к Липочке.*) А кто меня должен поцеловать? А чьи это губки?

Аверченко. Из угла я говорю могильным голосом: «Могу заверить тебя честным словом, что губы, как и всё другое на лице твоей жены, принадлежат именно ей!»

Митя. Что?

Аверченко. Ничего. Советую тебе сделать опись всех конечностей и частей тела твоей жены, если какие-нибудь сомнения терзают тебя... Изредка ты можешь проверять наличность всех этих вещей.

Митя. Друг мой... я тебя не понимаю... Он, Липочка, кажется, сегодня нервничает. Не правда ли?.. А где твои глазки?

Аверченко. «Эй! – кричу я. – Если ты нащупаешь её нос, то по левой и правой стороне, немного наискосок, можешь обнаружить и глаза!... Не советую даже терять времени на розыски в другом месте!»

Вскакиваю и, не прощаясь, ухожу. Слышу за своей спиной полный любопытства вопрос: «А чьи это ушки, которые я хочу поцеловать?..»

Гаснет свет. Освещён только Аверченко.

Аверченко. Недавно я получил странную записку: «Дорог Аркад Сегодня она, кажется, уже! Ты понимаешь?.. Приходи, посмотрим на пустую колыбельку она чувствует себя

превосход. Купил на всякий слу. карамель. Остаюсь твой счастливый муж, а вскорости и счастли. отец!?! Ого-го-го!!»

«Бедняга помешается от счастья», – подумал я, взбегая по лестнице его квартиры. Дверь отворил мне сам муж Митя. «Здравствуй, дружище! Что это у тебя такое растерянное лицо? Можно поздравить?»

Митя (*сухо*). Поздравь.

Аверченко. Жена благополучна? Здорова?

Митя. Ты, вероятно, спрашиваешь о той жалкой кляче, которая валяется в спальне? Они ещё, видите ли, не пришли в себя... ха-ха!

Аверченко. Я откачнулся от него. – «Послушай... ты в уме? Или от счастья помешался?»

Митя. Ха-ха! Можешь поздравить... пойдём, покажу.

Аверченко. Он в колыбельке, конечно?

Митя. В колыбельке – чёрта с два! В корзине из-под белья!

Аверченко. Ничего не понимая, я пошёл за ним и, приблизившись к громадной корзине из-под белья, с любопытством заглянул в неё. – «Послушай! – закричал я, отскочив в смятении. – Там, кажется, два!»

Митя. Два? Кажется, два? Ха-ха! Три, чёрт меня возьми, три!! Два наверху, а третий куда-то вниз забился. Я их свалил в корзину и жду, пока эта идиотка акушерка и воровка нянька не начнут пеленать...

Аверченко. Он утёр глаза кулаком. Я был озадачен. «Чёрт возьми... Действительно! Как же это случилось?»

Митя. А я почём знаю? Разве я хотел? Ещё радовался, дурак: большой, толстый мальчишка! Вот тебе и инженер!

Аверченко. Я попробовал утешить его: «Да не печалься, дружище. Ещё не всё потеряно...»

Митя. Да как же! Теперь я погиб...

Аверченко. Почему?

Митя. Видишь ли, пока что я лишился всех своих сорочек и простынь, которые нянька сейчас рвёт в кухне на пелёнки. У меня забрали все наличные деньги на покупку ещё двух колыбелей и наём двух мамок... Ну... и жизнь моя в будущем разбита. Я буду разорён. Всю эту тройку негодяев придётся кормить, одевать, а когда подрастут – учить... Если бы они были разного возраста, то книги и платья старшего переходили бы к среднему, а потом к младшему... Теперь же книги нужно покупать всем вместе, в гимназию отдавать сразу, а когда они подрастут, то папирос будут воровать втрое больше... Пропало... всё пропало... Это жалкое, пошлое творение, когда очнётся, попросит показать ей ребёнка, а которого я ей предъявлю? Я думаю всех вместе показать – она от ужаса протянет ноги... как ты полагаешь?

Аверченко. Дружище! Что ты говоришь! Ещё на днях ты спрашивал у неё: «А чья это ручка? Чьи ушки?»

Митя. Да... Попались бы мне теперь эти ручки и губки! О, чёрт возьми! Всё исковеркано, испорчено... Так хорошо началось... Свивальнички, колыбельки... инженер...

Аверченко. Чем же она виновата, глупый ты человек? Это закон природы.

Митя. Закон? Беззаконие это! Эй, нянька! Принеси колыбельки для этого мусора! Вытряхивай их из корзины! Да поставь им на спине чернилами метки, чтобы при кормлении не путать... О господи! (*Убегает.*)

Аверченко. Выходя, я натолкнулся в полутёмной передней на какую-то громадную жестяную коробку. Поднявши, прочёл: «Детская карамель И. Кукушкина. С географическими описаниями для самообразования».

Сцена VII

За утренним чаем Аркадий. Входит тёща. Садится напротив.

Тёща. Как вы нынче спали?

Аркадий. Прекрасно, милая тещенька. Вы всю ночь мне грезились.

Тёща. Ах ты господи! Я серьёзно вас спрашиваю, а вы всё со своими неуместными шутками.

Аркадий. Хорошо. Будем говорить серьёзно... Вас действительно интересует, как я спал эту ночь? Для чего это вам? Если я скажу, что спалось неважно, вас это опечалит и угнетёт на весь день? А если я хорошо проспал, ликования и душевной радости вашей не будет пределов?.. Сегодняшний день покажется вам праздником, и все предметы будут окрашены отблеском весёлого солнца и удовлетворённого сердца?

Тёща. Я вас не понимаю...

Аркадий. Вот это сказано хорошо, искренне. Конечно, вы меня не понимаете... Ей-богу, лично против вас я ничего не имею... Простая вы, обыкновенная тещенька... Но когда вам нечего говорить – сидите молча. Это так просто! Ведь вы спросили меня о прошедшей ночи без всякой надобности, даже без пустого любопытства... И если бы я ответил вам: «Благодарю вас, хорошо», вы стали бы мучительно выискивать предлог для дальнейшей фразы. Вы спросили бы: «А Леночка ещё спит?», – хотя вы прекрасно знаете, что она спит, ибо она спит так каждый день и выходит к чаю в двенадцать часов, что вам, конечно, тоже известно...

Пауза.

Тёща. Дни теперь стали прибавляться.

Аркадий. Что вы говорите?! Вот так штука! Скажите, вы намерены опубликовать это редкое наблюдение, ещё неизвестное людям науки, или вы просто хотели заботливо предупредить меня об этом, чтобы я в дальнейшем знал, как поступать?

Тёща. Вы тяжёлый грубиян и больше ничего.

Аркадий. Ну, как же так – и больше ничего... У меня есть ещё другие достоинства и недостатки... Да я и не грубиян вовсе. Зачем вы сочли необходимым сообщить мне, что дни прибавляются? Все, вплоть до маленьких детей, хорошо знают об этом. Оно и по часам видно, и по календарю, и по лампам, которые зажигаются позднее.

Тёща вскакивает и убегает. Входит Елена Александровна.

Елена Александровна. Зачем ты обидел тётку?

Аркадий. А зачем она разговаривает?!

Елена Александровна. Нельзя же всё время молчать...

Аркадий. Можно. Если сказать нечего.

Елена Александровна. Она старая. Старость нужно уважать.

Аркадий. У нас есть старый ковёр. Ты велишь прислуге каждый день выбивать палкой из него пыль. Позволь мне это сделать с тёткой. Оба старые, оба глупые, оба пыльные.

Елена Александровна. Почему ты такой жёлтый?

Аркадий. Жёлтый? Почему бы мне быть жёлтым?

Елена Александровна. Я не знаю. Только очень жёлтый. Мне не нравится твой цвет.

Аркадий. Хорошо. Постараюсь, чтобы этого больше не было!

Елена Александровна (*с беспокойством*). Знаешь, ты не просто жёлтый... Даже какой-то синеватый. А виски коричневые.

Аркадий. Что ты говоришь?! О, чёрт возьми... Вот история...

Елена Александровна. Тебе, вероятно, нельзя пить. Обратись к доктору. **Аркадий.** Все доктора – мошенники.

Елена Александровна. Уж и все! Иногда попадают и не мошенники. Хочешь, я приглашу своего доктора, у которого я зимой лечилась? Очень хороший.

Аркадий. Неужели я такой... жёлтый и синий?

Елена Александровна. Ужас! Ужас! Прямо какой-то зелёный!

Аркадий. Я смотрел нынче в зеркало. Как будто ничего.

Елена Александровна (*печально*). Так... Значит, жена врёт, а зеркало не врёт? Зеркало, значит, лучше? Почему же ты, в таком случае, не устроишься так, чтобы оно варило тебе по утрам кофе, заказывало обед, целовало тебя и ездило с тобой в театры...

Аркадий. Зови доктора.

Елена Александровна. Я ему уже позвонила... Он с минуты на минуту приедет. А вот, кажется, и он.

Входит доктор.

Доктор. Здравствуйте, Елена Александровна. Я сейчас осмотрю вашего мужа.

Обстукивает Аркадия. Смотрит язык.

Доктор. Вам нельзя пить! Это для вас смерть.

Аркадий. Что вы говорите! Что же я тогда буду делать?

Доктор. Что вы обыкновенно пьёте?

Аркадий. Немного водки, шампанское, ликёры...

Доктор. Вот водки вам и нельзя. И шампанского, и ликёров.

Аркадий. Стоит ли жить после этого?

Доктор. Стоит. Нужно только заниматься больше духовными запросами.

Аркадий. Займусь...

Елена Александровна. Он и во сне кашлял.

Аркадий. Нет, я спал.

Елена Александровна. Ты кашлял. Я тебя уверяю: ты кашлял, а не спал.

Аркадий. Почему же я сам этого не заметил?

Елена Александровна. Очень просто: потому что ты спал. Тебе, вероятно, вредно куренье... Я уже давно косо посматривала на твои ужасные сигары.

Аркадий. Странно... Вчера только в департаменте мне говорили: как вы поздоровели!

Елена Александровна. Да? Так если тебе говорят в департаменте такие приятные вещи, ты взял бы и поселился там, вместо того, чтобы приходить сюда. Конечно, человек

ищет где глубже, а рыба... тоже ищет этого самого... как это говорится... как рыба об лёд. Я бьюсь, как рыба об лёд, измучилась, беспокоюсь о тебе...

Доктор. Можно ещё раз... покажите язык? (*Аркадий показывает язык. Доктор, всплеснув руками.*) Ой-ой! Вам нужно бросить курить... А то выйдет очень неприятная штука.

Аркадий. Что же вы называете неприятной штукой?

Доктор (*подняв палец вверх*). Туда пойдёте.

Аркадий. Вы, вероятно, хотите сказать, что куренье сигар расшатает мой бюджет, и мне придётся перебраться этажом выше?

Доктор. Я говорю о смерти.

Аркадий (*мнёт пачку папирос, бросает на пол*). Бросил.

Доктор. Молодцом! Зуб нужно вырывать сразу.

Аркадий. И зуб? И зуб... нужно?

Доктор. Нет, зуб пока не нужно. Это я так. Елена Александровна говорила мне, что вы ночью бредили...

Аркадий. Ей-богу, не бредил. Чего мне бредить?

Доктор. А вот мы посмотрим. Покажите язык. Те-те-те... Батенька! Да у вас скверная вещь: я бы за ваши нервы ни копейки не дал.

Аркадий. Что же мне делать? Ради бога...

Доктор. Поздно ложитесь?

Аркадий. Часа в три, в четыре. Бываю в клубе.

Елена Александровна. Он, доктор, в карты играет.

Доктор. Что вы говорите?! Это самоубийство! Вы хотите сохранить остатки вашего здоровья?

Аркадий. Хочу!

Доктор. Клуб к чёрту. Карты к дьяволу. Сон – в двенадцать часов ночи. Перед сном обтиранье холодной водой.

Аркадий. Хорошо... Оботрись.

Доктор. Ну-ка, дайте-ка я вас ещё раз посмотрю. (*Долго мнёт, тискает и выстукивает Аркадия. Бьёт его кулаком по спине.*) Больно?

Аркадий. Конечно, больно.

Доктор. А тут?

Аркадий. Ой!

Доктор. Нервы, нервы и нервы. Нужно их успокоить. Вы музыку любите?

Аркадий. Не выше оперетки.

Доктор. Нет, это не подходит. Вам нужно ходить на что-нибудь серьёзное, действительно художественное. Гм... Вот что! На днях начинается серия вагнеровских опер. Достаньте абонемент.

Елена Александровна. Как кстати! Мои знакомые, как раз, хотят уступить кому-нибудь абонемент. И мы вдвоём будем ходить... Вагнер – такая прелесть!

Аркадий. Осмотрите меня внимательно. Может быть, найдёте что-нибудь полегче, чем можно было бы заменить Вагнера. Обыкновенную оперу, что ли... Или цирк...

Доктор (*стукает кулаком под ложечку*). Больно?

Аркадий. Ещё как!

Доктор. Ну, вот видите – лучше Вагнера не придумаешь... Чудак человек... Говорит, цирк. Это всё равно, что больному ревматизмом давать пилюли от кашля. Медицина, батенька, такая вещь, что гм... гм! Ну-ка... (*Прикладывает ухо к груди Аркадия*.) Дело серьёзное.

Аркадий. Говорите, не мучайте меня. Что такое?

Доктор. Мотор!

Аркадий. Неужели есть такая болезнь? Вероятно, психомотор?

Доктор. Нет, просто мотор. Вам нельзя пользоваться извозчиком – никаких сотрясений! Слышите? Грудно-брюшная преграда не в порядке. Нужен мотор!

Аркадий. Послушайте! Вы доктор? Так. Вы осматриваете пациента?.. Так, прекрасно. Он, предположим, болен. Хорошо. Вы садитесь и пишете ему рецепт. Существует прави-

ло, по которому с рецептом ходят в аптеку. Но я никогда не слышал, чтобы с рецептом бежали в автомобильный гараж!

Доктор (*сухо*). Вы забываете о физическом методе лечения.

Аркадий. Это что за музыка?

Доктор. Механотерапия.

Аркадий. Странно... У меня, может быть, и всей-то грудно-брюшной преграды на дешёвенький велосипед наберётся, а вы целый автомобиль прописываете. Освободите меня, ко мне сейчас посетитель должен явиться. Писатель. Кукушкин.

Доктор. Я не гомеопат. Не нравится – можете обратиться к гомеопату. Он вам может даже швейную машину прописать. Пожалуйста!

Уходит. Елена Александровна убегает следом. Слышны их голоса.

Елена Александровна. Можно подержанный. Вы должны, доктор, это сделать!

Доктор. Ни за что! Вы сами не знаете, чего просите... Нужно же знать меру.

Елена Александровна. Я и знаю меру. Но мне необходимо иметь зелёную гостиную! Слышите? Вы должны это устроить. Наша старая красная опротивела мне до тошноты.

Доктор. Вы говорите вздор. Как я это сделаю?!

Елена Александровна. Ваше дело. На то вы доктор.

Доктор. Это скорей дело обойщика.

Елена Александровна. Придумайте что-нибудь! Скажите, что красный цвет ему вреден, а что зелёный там что-нибудь такое... увеличивает кровообращение, что ли. Или расширяет сосуды.

Доктор. Вздор! Зачем ему расширение сосудов?

Елена Александровна. Скажите просто, что ему вредна красная гостиная.

Доктор. Да он ведь там никогда и не бывает.

Елена Александровна. А вы найдите такую болезнь, чтобы ему нужно было сидеть в гостиной, намекните на кубический объём воздуха, а потом скажите, что такой красный цвет в гостиной ему вреден.

Доктор. Елена Александровна... Это чёрт знает что! Он уже на автомобиле чуть не поймал меня. Если он догадается – подумайте, что будет... Я понимаю мои первые опыты – они хоть что-нибудь имели под собою... Хоть какую-нибудь почву... Конечно, куренье вредно, напитки вредны, картёжная игра вредна... Но Вагнер – это безобразие, автомобиль – это наглость. У вас нет ни такта, ни логики.

Елена Александровна. Ну, хорошо. Устройте мне последнее – красную гостиную, – и ладно. Больше ни о чём не попрошу.

Доктор. Даёте слово?

Елена Александровна. Даю! Честное слово!!

Доктор. Ну, в последний раз. Господи, благослови.

Входят Доктор и Елена Александровна.

Аркадий. А, доктор! Не находите ли вы, что красный цвет гостиной мебели дурно влияет на меня? Кубический объём, как говорится, не тот. Хе-хе... Продаётся хороший автомобиль, дети мои! Срочно нужны деньги за выездом в клуб, и если я, чёрт побери, не заложу сегодня хорошего банчишки, потащите меня опять на Вагнера. Ха-ха! Дорогой врач! Ломаются нынче все преграды, в том числе и ваша грудно-брюшная, если вы не покинете немедленно одр тяжело больного Аркадия. Неужели мы никогда с вами, доктор, не увидимся? Ну, что ж делать... Я с этим совершенно примирился. Пошёл вон!

Доктор и Елена Александровна покидают сцену.

Сцена VIII

Аверченко. Крутится, крутится кинолента жизни. Быт, работа, встречи, расставания, романы, путешествия. Мелька-

ют кадры, с неумолимой быстротой приближая тот момент, когда всё рухнет... Ах, как хотелось бы, чтобы оборвалась чёртова лента, и тогда я встретил бы старость совсем иному. Старость, она ведь тоже может быть счастливой. Шёлковыми волосами, нежной щекой трётся о мою заскорузлую, жилистую руку внук Костя, Саша или Гриша, как там его заблагорассудят назвать нежные родители.

На сцене появляются внук Костя и дед Аркадий.

Костя. Дед, что ты всё спишь да спишь... Рассказал бы что-нибудь. Эх, ты!.. А ещё мамка говорит, что писателем был.

Аркадий. А ведь был же! Ей-богу, был! Помню, выпустил я как-то книжку «Весёлые устрицы». Годов тому, поди, пятьдесят будет. Один критик возьми и напиши: «Этот, – говорит, – молодой человек подаёт надежды...»

Костя. Подал?

Аркадий. Что подал?

Костя. А надежды-то.

Аркадий. А пёс его знает, подал или не подал! Разве тут было время разбирать? Да ты сам взял бы какую книжку с полки, да почитал бы дедову стряпню... хе-хе-кхе... Кхе!

Костя. Ну её. Ещё недоставало чего! Почитать... Ничего я там не пойму.

Аркадий. Ну, чего ты там не поймёшь? В моё-то время люди всё понимали. Неужто уж умнее были?

Костя. Нет, непонятно. Вдруг сказано у тебя там: «Приятель чокнулись, выпили по рюмке водки и, поморщившись, поспешили закусить». «По одной не закусывают, – крикнул Иван Иванович...» Ни черта, дедушка, тут не разберёшь.

Аркадий. Вот те раз! Чего ж тут непонятного?

Костя. Да? Что это такое – «водка»? Такого и слова нет.

Аркадий. Водка-то, такое слово было.

Костя. Что же оно значит?

Аркадий. А напиток такой был. Жидкость, понимаешь? Алкогольная.

Костя. Для чего?

Аркадий. А пить.

Костя. Сладкая, что ли?

Аркадий. Эва, хватил. Горькая, брат, была. Такая горькая, что индо дух зашибёт.

Костя. Горькая, а пили. Полезная, значит, была? Вроде лекарства?

Аркадий. Ну, насчёт пользы – это ты, брат, того. Нищим человек от неё делался, белой горячкой заболел, под заборами коченел.

Костя. Так почему же пили-то? Весёлым человек делался, что ли?

Аркадий. Это как на чей характер. Иной так развеселится, что вынет из кармана ножик и давай всем животы пороть.

Костя. Так зачем же пили?

Аркадий. Приятно было.

Костя. А вот у тебя там написано: «Выпили и поморщились». Почему поморщились?

Аркадий. А ты думаешь, вкусная она? Выпил бы ты, так похуже, чем поморщился...

Костя. А почему они «поспешили закусить»?

Аркадий. А чтоб вкус водочный отбить.

Костя. Противный?

Аркадий. Не без того. Крякать тоже поэтому же самому приятно было. Выпьет человек и крякнет. Эх, мол, чтоб ты пропала, дрянь этакая!

Костя. Что-то ты врешь, дед. Если она такая противная на вкус, почему же там дальше сказано: «По одной не закусывают»?

Аркадий. А это, чтоб сейчас другую выпить.

Костя. Да ведь противная?

Аркадий. Противная.

Костя. Зачем же другую?

Аркадий. А приятно было.

Костя. Когда приятно – на другой день?

Аркадий (*оживляется*). Тоже ты скажешь: «На другой день»... Да на другой день, брат, человек ног не потащит. Лежит и охает. Голова болит, в животе мутит, и на свет божий глядеть тошно до невозможности.

Костя. Может, через месяц было хорошо?

Аркадий. Если мало пил человек, то через месяц ничего особенного не было.

Костя. А если много, дед, а? Не спи.

Аркадий. Если много? Да если, брат, много, то через месяц были и результаты. Сидит человек с тобой и разговаривает, как человек. Ну а потом вдруг... трах! Сразу чертей начнёт ловить. Смехи. Хи-хи. Кхе-кхе!

Костя. Ка-ак ловить? Да разве черти есть?

Аркадий. Ни шиша нет их и не было. А человеку кажется, что есть.

Костя. Весело это, что ли, было?

Аркадий. Какой там! Благим матом человек орал. Часто и помирали.

Костя. Так зачем же пили?

Аркадий. Пили-то? Да так. Пилось.

Костя. Может, после того как выпьют, добрыми делами занимались?

Аркадий. Это с какой стороны на какое дело взглянуть. Ежели лакею физиономию горчицей вымажет или жену по всей квартире за косы таскает, то для мыльного фабриканта или для парикмахера это – доброе дело.

Костя. Ничего я тебя не понимаю. А что это значит – «чокнулись»?

Аркадий. А это делалось так: берёт, значит, один человек в руку рюмку, и другой человек – в руку рюмку. Стукнут рюмку о рюмку, да и выпьют. Если человек шесть-семь за столом сидело, то и тогда все перестукаются.

Костя. Для чего?

Аркадий. А чтобы выпить.

Костя. А если не чокаяться, тогда уж не выпьешь?

Аркадий. Нет, можно и так, отчего же.

Костя. Так зачем же чокались?

Аркадий. Да ведь, не чокнувшись, как же пить? (*Одухотворённо.*) А то ещё, бывало, чокнутся и говорят: «Будьте здоровы», или «Исполнение желаний», или «Дай бог, как говорится».

Костя. А как говорится?

Аркадий. Да никак не говорится. Просто так говорилось. А, то ещё говорили: «Пью этот бокал за Веру Семёновну».

Костя. За Веру Семёновну? Значит, она сама не пила?

Аркадий. Какое! Иногда как лошадь пила.

Костя. Так зачем же за неё? Дед, не спи! Заснул... Совсем наш дед Аркадий из ума выжил. Говорит, что пили что-то, от чего голова болела, а перед этим стучали рюмки об рюмки, а потом садились и начинали чертей ловить. После ложились под забор и умирали. Будьте здоровы, как говорится! А какая-то Вера Семёновна пила, как лошадь. Дед, вставай, пошли в спальню!

Уходят.

Аверченко. Так было бы в году, эдак в 1954-м. Но не порвалась лента; киномеханик, Митька, дело своё знает: знай себе крутит. И потому не было такого разговора с внуком Костей. А что было? А было...

Входит служащий с ружьём и Аркадий.

Служащий. Так что, товарищ, пожалуйста по наряду на митинг. Ваша очередь слушать.

Аркадий. Ишь ты, ловкий какой! Да я на прошлой неделе уже слушал!

Служащий. Ну, что ж. А это новый наряд. Товарищ Троцкий будет говорить речь о задачах момента.

Аркадий. Послушайте... ей-богу, я уже знаю, что он скажет. Будет призывать ещё годика два потерпеть лишения, будет всех звать на красный фронт против польской бе-

логвардейщины, против румынских империалистов, будет обещать на будущей неделе мировую революцию... За чем же мне ходить, если я знаю?..

Служащий. Это меня не касается. А только приказано набрать 1640 штук, по числу мест, – я и набираю... .

Аркадий. Вот тут один товарищ рядом живёт, Егоров его фамилия, кажется, он давно не был? Вы бы к нему толкнулись.

Служащий. Нечего зря и толкаться. Вчера в Чека забрали за пропуск двух митингов. Так что ж... Записывать вас?

Аркадий. У меня рука болит.

Служащий. Чай, не дрова рубить! Сиди, как дурак, и слушай!

Аркадий. Понимаете, сыпь какая-то на ладони, боюсь застудить.

Служащий. Можете держать руку в кармане.

Аркадий. А как же аплодировать? Ежели не аплодировать, то за это самое...

Служащий. Хлопай себя здоровую рукой по затылку, – только всего и дела.

Аркадий (*после паузы*). А то ещё в соседнем флигеле живёт один такой – Пантелеев. До чего любит эти самые митинги! Лучше бы вы его забрали. Лют до митинга! Как митинг, так его и дома не удержишь. Рвётся прямо.

Служащий. Схватились! Уже третий день на складе у нас лежит. Разменяли. Можете представить – заснул на митинге!

Аркадий. Послушайте... А вдруг я засну?

Служащий. В Чека разбудят.

Аркадий. Товарищ... Стаканчик денатуратцу, разрешите предложить?

Служащий. За это чувствительно благодарен! Ваше здоровье! А только ослобонить никак невозможно. Верите совести: целый день гойдаю, как каторжный, всё публику

натягиваю на эти самые митинги, ну их... к этому самому! У всякого то жена рождает, то он по службе занят, то выйти не в чем. Масса белобилетчиков развелось! А один давеча, как дитя, плакал, в ногах валялся: «Дяденька, – говорит, – увольте! С души прёт, говорит, от этого самого Троцкого. Ну, что, говорит, хорошего, ежели я посреди речи о задачах Интернационала – в Ригу вдруг поеду?!» Он плачет, жена за ним в голос, дети вой подняли, инда меня слеза прошибла. Одначе – забрал. Потому обязанность такая. Раз ты свободный советский гражданин – слушай Троцкого, сволочь паршивая! На то тебе и свобода дадена, чтоб ты Троцкую барщину сполнял! Так записать вас?

Аркадий. А, ч-чёрт!.. А что, не долго будет?

Служащий. Да нет, где там долго! Много ли – полтора-два часа. Чёрт с ними, идите, господин, не связывайтесь лучше! И мне, и вам покойнее. Речь Троцкого, речь Бухарина, речь венгерского какого-то холуя, да и всё. Ну, потом, конечно, лезорюция собрамшихся.

Аркадий. Ну, вот видите – ещё и резолюция. Это так задержит...

Служащий. Котора задержит? Лезорюция?! Да она уже готовая, отпечатанная. Вот у меня и энземплярчик есть для справки. *(Отставляет ружьё, достаёт из сумки серую бумажку.)*

Аркадий *(читает)*. Мы, присутствовавшие на митинге тов. Троцкого, подавляющим большинством голосов вынесли полнейшее одобрение всей советской политике, как внутренней, так и внешней; кроме того, призываем красных товарищей на последний красный бой с белыми польскими панями, выражаем согласие ещё, сколько влезет, терпеть всяческие лишения для торжества III Интернационала и приветствуем также венгерского товарища Бела Куна! Да здравствует Троцкий, долой соглашателей, все на польских панов! Следует 1639 подписей. *(Вздыхает обречённо.)* Ну,

что же... Ехать так ехать, как сказал Распутин, когда Пуришкевич бросал его с моста в воду. Ты иди, я приду.

Служащий. Смотрите, приходите, не вешайте греха на меня. *Служащий уходит.*

Аркадий. Нет... это чёрт знает что такое... это невозможно... это...

Аверченко. Действительно, это чёрт знает что такое. Этот служащий... Типичный Пантелей Грымзин. Ровно десять лет тому назад рабочий Пантелей Грымзин получил от своего подлого, гнусного хозяина-кровопийцы подённую плату за 9 часов работы – всего два с половиной!

«Ну что я с этой дрянью сделаю?.. – горько подумал Пантелей, разглядывая на ладони два серебряных рубля и полтину медью... – И жрать хочется, и выпить охота, и подмётки к сапогам нужно подбросить, старые – одна, вишь, дыра... Эх ты, жизнь наша распрокаторжная!»

Зашёл к знакомому сапожнику: тот содрал полтора рубля за пару подмёток.

«Есть ли на тебе крест-то?» – саркастически осведомился Пантелей.

Крест, к удивлению ограбленного Пантелея, оказался на своём месте, под блузой, на волосатой груди сапожника.

«Ну, вот остался у меня рупь-целковый, – со вздохом подумал Пантелей. – А что на него сделаешь? Эх!...»

Пошёл и купил на целковый этот полфунта ветчины, корбочку шпрот, булку французскую, полбутылки водки, бутылку пива и десяток папирос – так разошёлся, что от всех капиталов только четыре копейки и осталось.

И когда уселся бедняга Пантелей за свой убогий ужин – так ему тяжело сделалось, так обидно, что чуть не заплакал.

«За что же, за что?.. – шептали его дрожащие губы. – Почему богачи и эксплуататоры пьют шампанское, ликёры, едят рябчиков и ананасы, а я, кроме простой очищенной, да консервов, да ветчины – света божьего не вижу... О, если бы

только мы, рабочий класс, завоевали себе свободу! То-то бы мы пожили по-человечески!»

Однажды, весной 1920 года, рабочий Пантелей Грымзин получил свою подённую плату за вторник: всего 2700 рублей. «Что ж я с ними сделаю? – горько подумал Пантелей, шевеля на ладони разноцветные бумажки. – И подмётки к сапогам нужно подбросить, и жрать, и выпить чего-нибудь – смерть хочется!»

Зашёл Пантелей к сапожнику, сторговался за две тысячи триста и вышел на улицу с четырьмя сиротливыми сторублёвками. Купил фунт полубелого хлеба, бутылку сидра, осталось 14 целковых... Приценился к десятку папирос, плюнул и отошёл. Дома нарезал хлеба, откупорил сидро, уселся за стол ужинать... И так горько ему сделалось, что чуть не заплакал.

«Почему же, – шептали его дрожащие губы, – почему богачам всё, а нам ничего?.. Почему богач ест нежную розовую ветчину, объедается шпротами и белыми булками, заливает себе горло настоящей водкой, пенистым пивом, курит папиросы, а я, как пёс какой, должен жевать чёрствый хлеб и тянуть тошнотворное пойло на сахарине! Почему одним всё, другим – ничего?..»

Эх, Пантелей, Пантелей... Здорового ты дурака сваял, братец ты мой!

Аркадий. Крутится, крутится киноплёнка. Невозможно остановить. Знаешь ведь, что будет дальше, а смотреть фильм до конца нет возможности – страшно. Единственная возможность – это выйти из этого кинозала.

Аверченко. И завершить просмотр своей биографии. И именно на этом месте. Потому что дальше ничего хорошего в биографии... всё ещё хуже.

Аркадий. А потому мы говорим: остановись, мгновенье, ты прекрасно!

Занавес.

В. Шишков

Спектакль в селе Огрызово

Инсценировка

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Павел Мохов – демобилизованный красноармеец, 25 лет

Федотыч – его дядя, 53 года

Трофимовна – вдовья солдатка, 25 лет

Тётка Матрёна – беременная, 35 лет

Семихина – баба у колодца, 40 лет

Свиридова – баба у колодца, 40 лет

Секлитинья – колченогая старуха, 65 лет

Стёпочкин – демобилизованный красноармеец, 23 года

Мамаша – мать Павла Мохова, 50 лет

Таня – деревенская красотка, 20 лет

Дикторский голос, мужской

Наташа (Аннушка) – молодая актриса, 20 лет

Ирина Ковалёва – молодая актриса, 18 лет

Филат – сельский кузнец, 35 лет

Товарищ Гордеев – член уездного политпросвета, 30 лет

Зритель 1

Зритель 2

Зритель 3

Мужской голос

Другой мужской голос

Попадья, в зрительном зале, 40 лет

Товарищ Васютин – красивый юноша, 22 года

Буржуй-жених – актёр, 27 лет

Отец Аннушки, поп (мать Аннушки) – актёр, 25 лет

Рабочий-коммунист – жених Аннушки, актёр, 18 лет

Дед, 70 лет

Молодой актёр, 18 лет

Дикторский голос. Была весенняя пора, всё цвело и зеленело, целыми днями тюрликали в выси жаворонки, а по ночам пели соловьи. Навозница кончилась, до сенокоса ещё далече, крестьяне отдыхали, справляли солнечные праздники: Николай Вешний, Троица, Духов день – с молебнами, трезвоном колоколов, крестными ходами, бесшабашной гульбой и мордобоем.

Сцена 1

За столом в избе Павла Мохова он сам и старый солдат Федотыч, дядя Павла Мохова. На столе нехитрая снедь: четверть самогона, солёные огурцы, картошка. Павел отворачивается от окна. На краю сцены видны крыльцо и угол соседского дома. Из дома в одной ночной рубашке выбегает баба, за ней муж. В руках у него ремень. Скрываются за углом дома. Неясные крики. Через несколько мгновений из-за угла дома появляется бегущий и придерживающий портки муж, за ним с колом в руках – жена. Скрываются в доме.

Павел (возмущённо). Вот черти! Живут, как самая отстающая национальность. Ежели с птичьего полёта поглядеть, то революции-то здесь и не ночевало никакой. Позор!

Федотыч (пьяненько соглашается). Позор, мать его ети.

Павел. А я вот чего думаю. А не организовать ли нам театральную кружок-ячейку?

Федотыч. А какой у тебя такой опыт имеется?

Павел. А такой, я в городе на солдатских спектаклях завсегда звук оформлял. Мне поручали стрелять из револьвера, когда это надо было. Чтоб буржуя убить. Или любовника там...

Федотыч. Я хоть и дядя твой, а почин поддержу. И вообще, что за оказия такая? Пятьдесят три года живу на свете, а не подозревал в тебе, Пашка, никаких талантов. И вдруг на тебе – талант явился. А я даже могу суфлёром быть. Лучше меня чтецов по покойникам во всей округе не сыскать.

Павел. Надо лозунгу написать, чтоб артистов набрать.

Федотыч. Ты так напиши, чтоб всё село пришло.

Павел. Зачем?

Федотыч. А чтоб можно было из кого выбрать.

Мохов начинает писать на клочке бумаги.

Павел (*читает*). «Прошу записываца в театральную ячейку для постановки спектаклю. Стучать три раза. Павел Мохов».

Идёт, прикрепляет объявление к двери.

Сцена 2

Народ проходит мимо, особо не задерживаясь у калитки. Лишь старушка Секлетинья, по слогам прочитав объявление, плюёт на него, перекрестившись. Федотыч пришёл к Павлу, когда тот, сидя в нетопленной бане, что-то пишет.

Федотыч (*с ехидством и одновременно заинтересовано*). И что сидим? Где спектакля?

Павел. Говорю же – народ тут тёмный, необразованный. Одни курошупы записались. Пять штук только.

Федотыч. А сколько надо?

Павел. Вот, написал в уезд, чтобы пьесу прислали. Так они прислали «Юлий Цезарь».

Федотыч (*оживлённо*). Так давай, ставь. Страсть как хочется суфлёром поиграть.

Павел. Не пойдёт.

Федотыч. Что не пойдёт?

Павел. Пьеса не пойдёт (*достаёт толстую пачку листов*). Тут одних только действующих лиц сорок человек. Почитай, всё село должно играть, а кто же смотреть-то будет?

Федотыч. Значит, говоришь, актёров нет? Будут тебе актёры. (*Шмыгает к выходу.*)

Сцена 3

Колодец. К нему подходят бабы. Разговаривают. Приковылял и Федотыч.

Федотыч. Знаете, бабы, что Пашка Мохов удумал?

Трофимовна (*усмехаясь*). Что может удумать жеребец некованный?

Федотыч. А то... Человек, можно сказать государственно важное дело затеял. (*Выдержал театральную паузу: делал вид, что жадно пьёт из колодезного ведра.*) Ах ты, хороша, водица-то (*и опять – к ведру*). Ах, хороша.

Тётка Матрёна. Да не тяни ты, чёрт!

Федотыч. Спектаклю думает ставить. Вон и объявление даже дал.

Трофимовна. Делать нам больше нечего, как егойными спектаклями заниматься.

Федотыч. Он же этот... поэт! Вот он кто!

Бабы начали было откровенно ёрничать.

Трофимовна. Пашка поет?

Семихина. Да какой же он поет? Чистый крестьянин. И дед крестьянин, и отец, и которые прадеды были – все насквозь крестьяне. И женились Моховы завсегда на крестьянках.

Тётка Матрёна. Да. Ей богу. Бывало даже смех вокруг стоит. «Да чего вы, говорят, Моховы, все на крестьянках женитесь? Женитесь, говорят, на других...» «Нет, говорят, знаем, что делаем».

Федотыч (*возмущённо*). Вы что не видите? Пашка сызмальства природу чувствовал. И тучку понимал, и бычка. Нельзя же голословно, вот так, за здорово живёшь оскорблять личность.

Свиридова. Ну, ежели бы батя Пашки женился на поэтке, тогда – да, тогда бы и Пашке чтой-то бы передалось. А так...

Федотыч. Цыть, племя бесовское. Говорю же дело государственной важности затеял Пашка! Записывайтесь

в кружок. Всем записавшимся будут селёдки выдавать.
(Федотыч опять ныряет в ведро с головой.)

Баб как ветром сдувает.

Федотыч. Вдобавок и фуража будут отсыпать... (Говорит в пустоту, около колодца уже никого нет.)

Сцена 4

Вечером к бане Павла Мохова приваливает всё село. Даже древние старцы и старухи. Особенно суетится колченогая старушонка Секлитинья. Она умудряется протиснуться к Павлу.

Секлитинья. Пиши меня тоже.

Павел (смеясь). Хорошо, я тебя, бабушка, зарегистрирую. Вот тебе роль, играй первую любовницу. Можешь?

Секлитинья. Играй сам, толсторожий дурак! (Бабка шамкает, приседая на кривую ногу.) Подай мои селёдки, что по закону причитаются... Три штуки.

Павел. Граждане-товарищи, папрашу разойтись, не напирайте... Про селёдку все жалобы Федотычу.

Гаснет свет. В бане двое: Павел Мохов и другой красноармеец, Стёпочкин.

Павел (глядя в потолок). И что будем делать? Актёры есть, пьес нет.

Стёпочкин (с красноармейским оптимизмом). Нашёл об чем беспокоиться! Давай самолично состряпаем пьесу. Долго ли? Раз плюнуть.

Павел (с сомнением). Сможем ли?

Стёпочкин. А на подмогу позовём учителя. Митрий Митрича.

Павел. Какой же он учитель? Он духовный портной...

Стёпочкин. Это он до революции был духовный портной, а сейчас – учитель. (Мечтательно.) Предлагаю оперетту.

Павел (удивлённо). Это ещё почему?

Стёпочкин. А там, в оперетте, один актёр поёт, а все остальные занавес поднимают. В городе видел.

Павел (язвительно). Тогда лучше актрису.

Стёпочкин (мечтательно закатив глаза). Да, с такой с державной грудью. Ну хотя бы вот солдатку Трофимовну.

Павел. Да? Она когда затягивает песню, петухи разбегаются. (Решительно.) Нет! Будем делать трагедию!

Звучит музыка, на сцене за столом трое: Павел Мохов, Стёпочкин и Митрий Митрич. Павел постоянно что-то пишет. Эти двое то подсядут к столу, то ходят из угла в угол, то выходят покурить. К концу лица у всех в саже. Двое уходят. Павел остаётся. В помещение заходит мать Павла.

Павел. Любящая мамаша! (Обращается совсем по-благородному.) Я вас вызвал... хотя нет, для начала угостите автора чайком. Я теперь автор, сочинил сильно действующую трагедию под заглавием «Удар пролетарской революции, или Несчастливая невеста Аннушка». Пьеса со стрельбой... Поплачете и посмеётесь.

Сцена 5

Мохов медленно прохаживается мимо забора деревенской красотицы Тани. Та во дворе плетью выбивает пыль из ковровой дорожки. Наконец Павел не выдерживает, свистит. Таня прекращает хлестать лоскутную дорожку, равнодушно глядит на Пашику.

Павел. Подь, сюда. Дело есть.

Таня. Чевовай надо?

Павел. Ну, поди. (Таня подходит.)

Павел (сильно волнуясь). Татьяна Аркадьевна, имею честь пригласить вас в мой спектакль «Удар пролетарской революции, или Несчастливая невеста Аннушка» сыграть главнейшую роль Аннушки.

Таня. Ах, Павел Терентьевич! Об чём вы хлопочете? Мне этим ни к чему заниматься. Пушай лучше молодые комсомольцы занимаются. А я и без театров проживу.

Дикторский голос. Красотка Таня ни за что не хотела участвовать в спектакле. Очень надо! Павел Мохов ей даже совсем не нравится. Пусть Павел Мохов много-то, пожалуйста, и не воображает о себе.

Павел. Наша страна, постепенно выходит из вековой темноты и некультурности. Мы кругом ликвидируем серость и неграмотность, а вы остаётесь в стороне от такого подвига трудового народа. У вас исключительная отсталость в политическом смысле.

Таня. Нет, довольно колбасы. Я служить при театре не буду.

Павел. Вы будете первой актрисой. Вам цветы будут дарить или селёдку букетами.

Таня. Современная молодая женщина не любит, когда ей букеты дарят, или женихи всякие говорят: ротик, ручки, ножки. Какие к чёрту ножки? Я сорок первый размер бабеток ношу. Это в прежние времена избалованные дамы или там графини любили в своих будуарах такие сентиментальности. А я плюю на таких мужчин.

Павел. Я, конечно, не порхаю под небеса и навряд ли для вашего удовольствия когда-нибудь прыгну с крыши с парашютом. Так что если увлекаетесь всякими там лёгчиками или любите смелое и героическое, то вопросов, как говорится, не имею. Я посмотрю, что вы скажете, когда мою пьесу поглядите.

Сцена 6

Пустая цена, на стульях сидят актёры спектакля, читка пьесы.

Павел. Ну, кто ответит на вопрос, тот и сыграет главную роль Аннушки. Автор пьесы пожелал, чтобы пьеса теперь называлась «Безвинная смерть Аннушки, или Буржуй в бутылке».

Стёпочкин. Давай уж, задавай вопрос.

Павел. А где живёт Карл Маркс?

Стёпочкин. А они померши...

Павел. Что, хочешь сыграть роль Аннушки?

Стёпочкин. Ну, если будет потребность...

Павел (*передразнивая*). «Если будет потребность...»

Стёпочкин. Да где ж он живёт?

Павел. Карл Маркс живёт в сердцах пролетариата.

Стёпочкин. Да где ж нам знать-то?

Павел. Это должен знать кажинный просвещённый человек. Начинаем репетицию вот с этого места, где старуха...

Наташа. Не буду я играть старуху.

Павел (*возмущённо*). Это почему же?

Наташа. Потом замуж не возьмут.

Ирина Ковалёва. Ага, если Наташка отказывается, то тогда эту роль отдадут мне? Так и я не согласная. Мамка заругает.

Павел. Кто ещё несогласный? (*Обводит взглядом труппу.*)
Ни одна девушка не пожелает играть старуху.

Филат. Я сыграю.

Дикторский голос. Всю последнюю неделю село жило под знаком «Безвинной смерти Аннушки»: девицы воровали у родителей холсты для декорации, парни – конопляное масло для малярных работ, кузнец Филат украл в совхозе белил и красок. Даже поповна умудрилась стянуть в церкви маслица лампадного.

Актёры развешивают плакаты: «Не пьёт, не курит – значит, пионер. Берите, взрослые, пример!» «Не пей! С пьяных глаз ты можешь обнять своего классового врага».

Павел Мохов со Стёпочкиным прикрепляют свой плакат: «Сочинил коллективный автор Павел Терентьевич Мохов, красный пулемётчик». «Потому что в трагедии произойдёт стрельба холостыми зарядами, то прошу в передних рядах, так и в самых задних рядах, никаких паник не подымать в упреждение “Ходынки”». И в конце: «Начало в шесть часов по старому стилю, а по новому стилю на три

часа вперёд. С почтением автор Мохов». И ещё три отдельных плаката: «Прошу на пол не харкать», «Во время действия посторонних разговоров прошу не позволять», «В антрактах матерно прошу не выражаться». В конце каждого плаката было: «С почтением автор Мохов». Отойдя от плакатов, оценивающе окинул их взглядом.

Павел. Успех обеспечен, товарищи. Будет сногшибательно. Гаснет свет.

Наташа. Павла Андреевича никто не видел?

Филат. Куда подевался, чёрт заполошный!

Стёпочкин. С утра нет нигде.

Ирина Ковалёва. У мамани надо спросить.

Филат. Спрашивал уже. Сама не знает.

Ирина Ковалёва. У Федотыча надо спросить. Тот всё знает. Выходит Федотыч.

Все. Где Павел Андреевич?

Федотыч. Да в город уехал. Чтобы пригласить члена уездного политпросвета на наш показательный спектакль.

Сцена 7

Кабинет уездного политпросвета.

Товарищ Гордеев (начальственно). В чём дело? Садитесь, гражданин. Присаживайтесь. Можете на диван, ежели клопов не боитесь.

Павел. Товарищ Гордеев, от имени театрального кружка-ячейки села Огрызово, имею честь пригласить вас на спектакль «Безвинная смерть Аннушки, или Буржуй в бутылке». Не беспокойтесь, встретим вас честь по чести.

Товарищ Гордеев (заинтересованно). Что за спектакль?

Павел. Трагедия. Об чём – рассказывать не буду, потому что будет неинтересно. Про любовь. Любовь, связанная с крупнейшими неприятностями. Упреждаю, что будет стрельба холостыми зарядами, поэтому прошу не пугаться.

Товарищ Гордеев. Кто автор?

Павел (немного смущаясь). Я.

Товарищ Гордеев. Значит, решили своими силами? Значит, вы есть певец революционных будней? Молодцы. Хорошо. Буду. Опускается афиша с названием спектакля «Безвинная смерть Аннушки, или Буржуй в бутылке». В зрительном зале, меж тем, разговоры.

Митрий Митрич. У всех нервы не в порядке. Главное, заметьте, всё больше пролетарии лечатся.

Зритель 1. А с чего ты взял, что у пролетариев здоровье слабже?

Митрий Митрич. Я вот был, намедни, в уезде. Зашёл в больницу. Смотрю, а самая большая очередь – к нервному врачу. Например, к хирургу всего один человек со своей развороченной мордой. К гинекологу – две женщины и один мужчина. А по нервным – человек тридцать. И все пролетарии.

Зритель 2. Чего Прошка не пришёл?

Зритель 3. Надорвался.

Зритель 2. Чего?

Зритель 3. Он помог своей супруге войти в вагон на станции.

Зритель 2. Да уж... Жена у его... Не жена – сплошная интервенция.

Зритель 3. Э, не скажи... Взял он бабу себе здоровую, мордастую, пудов на пять весом. Вообще, повезло человеку... У входа в зрительный зал Павел Мохов сдерживает толпу.

Павел. Нельзя, товарищи, нельзя! Выше комплекта. Ведь ежели б стены были резиновые, могли бы раздаться, но они, к великому сожалению, деревянные.

Мужской голос. Допусти, Паша... Мы где ни то с краюшку... На яичек... на маслица...

Женский голос. Пустите! Я вдова империалистической войны.

Мужской голос. Не напирай! Вы мне всю одежду порвёте.

Другой голос. Богатый бережёт рожу, а бедный – одежду.

Мужской голос. В антрахту залезем, братцы, не горюй.

Другой голос. Всех за шиворот повыдергаем! Не век же им смотреть!

Через вход в зрительный зал, где Павел Мохов сдерживает толпу, входит светловолосый красивый юноша – товарищ Васютин.

Павел. С какого именно колхоза прибыли, молодой человек?

Товарищ Васютин. Я – представитель уездного политпросвета. Васютин. Товарищ Васютин.

Павел. Вот те на... здравствуйте, пожалуйста! А где же товарищ Гордеев?

Товарищ Васютин. Не смог товарищ Гордеев. Партийную чистку проводит.

Павел. Ах, да, конечно. Понимаю. Партийную дисциплину понимаю. Позвольте проводить вас до моей мамаша. Помоетесь с дороги, чайку попьёте.

Проводит Васютина через боковую дверь зрительного зала.

Сцена 8

На сцену входят Васютин и мать Павла. Васютин останавливается перед зеркалом, причёсывается.

Мамаша. Господин хороший, а что же на вас креста нет? *(Показывает на шею Васютина.)*

Товарищ Васютин. Да какой же я вам, мамаша, господин? Господ мы отменили ещё в семнадцатом году.

Мамаша. А и кто ж тогда будешь?

Товарищ Васютин. А так и зови меня, мамаша, по-простому: товарищ Васютин. *(Брызгает себя одеколоном.)*

Мамаша. Аха, аха... Промнёшься, соколик, дак пожуёшь. *(Суёт Васютину в карман пиджака две ватрушки.)*

Товарищ Васютин спускается в зрительный зал и занимает место в первом ряду. На сцене – содом. Павел Мохов рвёт и мечет.

Павел. Что же ты, кобыла очкастая? Я же тебя специально поставил изображать за сценою крики птиц, животных и плач ребёнка. Я тебе это доверил для натуральности! На репетициях ведь выходило всё бесподобно. Куда голос дел? **Стёпочкин** *(свистящим полушёпотом)*. Да вчерась после бани мы с Филатом приналегли на ледяной квас – вот и вышла оказия.

Павел. Тьфу! Фефёлы, оба... *(Выразительно плюёт.)* А где же суфлёр? Живо за суфлёром! Ну!

Сцена пустеет. В зрительном зале за товарищем Васютиным сидят девахи.

Трофимовна. Ну и пригожий...

Семихина. Ах, патретик городской...

Товарищ Васютин оглядывается и смело смотрит девахам в глаза.

Товарищ Васютин. А что, барышни, женихов много?

Свиридова. Да что с их толку? Сами не знают, чего хотят.

Трофимовна. Да спать мешают. Лезут в окна к не раздетым девушкам.

Товарищ Васютин. Хе...

Таня, очень высокая в белом платье, в белых туфлях и чулках, два раза проплывает мимо Васютина, наконец осмеливается.

Таня. Здравствуйте, товарищ! *(Протягивает ему руку.)*

Товарищ Васютин. Пойдёмте, барышня, освежимся! *(Уводит её из зала. Останавливаются около выхода.)* Какая у вас, право, рука горячая, мясистая...

Девушки начинают вздыхать и возиться, парни – кричать и подкашливать, кто-то даже свистит.

Зритель 1. Ишь, на морде проказа, а между прочим, любовь крутит и наших девок до дверей провожает.

Зритель 2. А потом жалуются, чего это деревенские городских бьют.

На сцене появляется Мохов.

Павел. Товарищи! Внимание, внимание! По независящим от публики обстоятельствам, товарищи, наш суфлёр неизвестно где... Так что его невозможно, сволочь такую, отыскать... То спектакль, товарищи, начнётся по новому стилю.

Зритель 2. По новому – так по новому... Начинай скорее, Пашка!.. Другие с утра сидят... Животы подвело.

Зритель 3. Это мошенство! Подавай мой творог! Подавай мои яйца назад!

По проходу зрительного зала идут товарищи Васютин и Таня.

Таня (вздыхая и обмахивая себя и кавалера веером). Ужассти, в нашем месте скука какая. Одна необразованность.

Товарищ Васютин. А вы что же, в городе жили?

Таня. Так точно. В Ярославле. У одной барыни паршивой служила по глупости, у буржуазки. Теперь я буржуев презираю. Подруг хороших здесь тоже нет. Например, все девушки наши боятся гражданских браков. А вы женились когда-нибудь гражданским браком? (Малиновые губы Тани чуть раздвигаются в улыбку.)

Товарищ Васютин. Как вам сказать. И да, и нет... Случалось. (Смеётся, и рука его начинает нетерпеливо ощупывать тело Тани.) Этакая вы пышка, Танечка...

Таня. Ах, право... мне стыдно. Какой вы, право, комплиментщик! Ах, как вы пахнете хорошо... Ой, вы мне сомнёте кофточку!

Они торопливо выходят из зрительного зала. Павел Мохов по проходу зрительного зала тащит за руку Федотыча. Федотыч с веником в руке и в нижнем белье.

Павел. Зарезал ты меня! Зарезал!..

Федотыч. Чего несёшь? Скидывай портки, пойдём попаримся. У меня там, в баньке, знаешь, скоко жару?

Павел. Спектакль! Старый идиот! Спектакль ведь.

Федотыч. Какой спектакль? Ты чего мелешь-то? У нас какой день-то седни? (И вдруг.) Ах-ах-ах-ах...

Павел. Запарился?

Федотыч. Ах-ах-ах... А я, собачья лапа, в лес по ягоды ходил... Ах-ах-ах-ах...

Павел Мохов по проходу зрительного зала дотаскивает Федотыча до суфлёрской будки и втискивает его туда.

Сцена 9

Задорно гремит звонок. Сцена открывается. На сцену выходит высоченная, жирная попадья. Это Филат, вызвавшийся играть старуху. Лицо у него длинное, как у коня, на голову он взгромоздил шляпищу – впереди сидит, растопырив крылья, ворона, кругом непролазные кусты цветов; на носу же самодельные очки, как колёса от телеги. Он очень высок и тощ, но там, где нужно, он столько натолкал сдобы, что капот супруги местного торговца, женичины тучной и очень низенькой, трещит по швам и едва хватает Филату до колен; из-под оборок торчат сухие, в обмотках, ноги, которыми очень грациозно, впереплёт и с вывертом переступает Филат. Филат мелко семенит к шкапу, достаёт четверть и одну за другой выпивает три рюмки.

Зритель 1 (завистливо). Вот так хлещет!

Зритель 2. Угости-ка нас!..

На сцену выскакивает дочь попадьи Аннушка в белом переднике.

Аннушка. Мамаша! Мамаша! Как вам не стыдно жрать водку?!

Филат (откашлявшись, сиплым басом). Дитя моё, тебе нет никакого дела, что касаемо поведения собственной матери. В зале слышны смешки.

Зритель 3. Вот так благородная госпожа...

Зритель 1. Вот так голосочек...

Павел Мохов за кулисами затыкает уши и весь от злости зеленеет.

Аннушка. Ах, так? Нынче, мамаша, равноправие. Я из вашего кутейницкого класса уйду в пролетариат... Я – коммунистка. Знайте!

Филат. Что-что?.. Коммунистка?! А жених? Такой благородный человек... Я тебе дам коммунистку! (*Попадья гремит басом и бегаёт по сцене, ворона и кусты трясутся.*)

Павел Мохов тоже с места на место перебегает за кулисами и желчно через щели шипит Филату.

Павел. Что ты, харя, таким быком ревёшь! Тоньше, тоньше!..

Этот злобный окрик сразу сбивает Филата: слова выскрывают из памяти и то, что подаёт суфлёр, летит мимо ушей, в пространство.

Федотыч. Лишу наследства, проклянущу... Лишу наследства, проклянущу... Лишу наследства, проклянущу...

Теряется и Аннушка.

Аннушка (*повизгивая*). Уйду, уйду! (*Глаза её, как магнит в железо, впиваются в суфлёра Федотыча.*)

Федотыч. Стыдись, о дочь моя! Ничтожество твоё имя!... Стыдись, о дочь моя! Ничтожество твоё имя!..

Попадья крикает для прочистки глотки и, едва поймав реплику суфлёра, ещё пуце ухаёт раскатистой октавой.

Филат. Стыдись, о дочь моя! Ничтожество – твоё имя!

Павел. Позор, позор! Паршивый чёрт!.. (*Не говорит, шипит.*) Я тебе в морду дам!

Аннушка. Позор, позор! (*Всплёскивает руками и вся в слезах шмыгает за кулисы.*)

Филат (*громогласно*). Позор! Паршивый чёрт! Я тебе в морду дам!

Федотыч (*презрительно плюёт*). Ахтёры!

И вдруг, к удивлению публики, невидимкой звучит со сцены пискливый женский голос.

Федотыч. О дочь моя!.. Я тебя великодушно прощаю. Иди ко мне, я прижму тебя к своей собственной груди. Вот так,

господь тебя благослови. (*И яростно шипит.*) Где Аннушка? Аннушку сюда, черти!..

Аннушку выбрасывают из-за кулис на кулаках.

Аннушка (*семеня ножками и горестно восклицая*). Я ж говорю вам, что не знаю роли... Я сбилась, сбилась... (*Подбегает к попадье, которая безмолвно стоит ступой, обхватив живот.*)

Федотыч. Благословляй, дьявол! (*Ударяет в пол кулаком.*)

Филат (*басит*). Господь тебя благослови!

Павел Мохов мечется за кулисами.

Павел. Занавес!.. К чёрту Филата!.. Ах, дьяволы... снова! На сцену игриво выходит буржуй-жених. Таня и товарищ Васютин, пригибаясь, проходят на свои места.

Буржуй-жених (*в зал*). Спокойно. Всем спокойно. (*К Филату.*) Мамаша, я всегда подозревал вас, что вы свою Аннушку пытаетесь выдать за богатого, исходя из своих замысловатых интересов.

Федотыч. Каких таких интересов?

Федотыч суфлирует на весь зал, как сто гусей, и на радостях суетливо глотает самогонку. Попадья и Аннушка приходят в себя.

Филат. Каких таких интересов?

Буржуй-жених. А такой... Когда я к вам приходил, вы всегда только чай мне наливали, и он шваброй пах!

В зале начинается шум.

Голос 1. И то правда.

Голос 2. А ты не ходи по попадьям... каждое утро.

Попадья. У меня нет такой привычки – швабры в чай ложить. Может, это вы дома ложите. А после тень на плетень наводите.

Входит маленький бородатый священник в рясе и скуфье набекрень, отец Аннушки.

Голос 3 (*весело*). Поп, поп!

Голос 1. Глянь-ка, братцы! Кутью продёргивают.

Жених достаёт бутылку с самогоном, начинается кутёж.
Буржуй-жених (наливает в рюмки самогон). (Рюмок – две. Филат подставляет стакан.) Ну, как говорится, у нас купец, у вас товар.

Выпивают.

Голос 2. Вот так попадья... Действительно хлыщет водку, как некрещёная.

Отец Аннушки (поп). С добрыми ли намерениями пришёл ты к нам, отрок?

Буржуй-жених. С добрыми, батюшка, с добрыми. Товар у вас, говорю. Вот и пришёл отовариться. (Разливает самогон.)

Отец Аннушки (поп). А ну скажи, в чём грешен? Не редко ли к богу прибегаешь?

Буржуй-жених. Грешен, батюшка, конечно.

Отец Аннушки (поп). Бог простит. В бога-то веруешь ли? Не сомневаешься ли?

Выпивают налитое женихом.

Буржуй-жених. В бога-то верую.

Выпивают налитое женихом.

Буржуй-жених. Дык, отдаёте купцу товар?

Отец Аннушки (поп). Конечно, не голодранцу же отдавать...

Звучит разухабистая плясовая, под гармошку все начинают выделывать коленца, попадья вприсядку чешет трепака, подушки с груди переползают на живот. Аннушка плачет. Зрителям любо: они хлопают в ладоши – биц-биц-биц, браво!

Рабочий-коммунист (врываясь на сцену). Я спасу тебя!

Аннушка (бросаясь ему на шею). Милый, милый!

Жених лезет драться, но коммунист выхватывает револьвер.

Рабочий-коммунист. Она моя. Смерть буржуйам!..

Поп с женихом в страхе ползут под кровать. Занавес. Хлопки. Восторженные крики: биц-биц-биц!

Сцена 10

Сцена поворачивается. Закулисье. У актёров, как в сумасшедшем доме: кто плачет, кто смеётся, кто зубрит роль.

Федотыч. Глотай сырьём. Видишь, у тебя кадык завалило.

Филат. Целый десяток проглотил, а толку нет.

Павел (волнуясь). К чёрту! Где это ты видел, чтобы так попадья говорила? Банщик какой-то, а не попадья!

Федотыч. Знай глотай...

Товарищ Васютин и Таня идут к выходу.

Таня. А я не люблю эту самую поэзию, где грусть и печаль, разные вздохи и разные тому подобные меланхолические восклицания вроде: «эх», «ну», «чу», «боже мой», «ох», «фу ты» и так далее.

Товарищ Васютин. То есть вам комедь подавай.

Таня. А то...

Звучит звонок. Сцена поворачивается. Выходит Павел.

Павел. Внимание, товарищи, внимание! По не зависящим от публики обстоятельствам, товарищи, попадья была высокая, теперь станет маленькой. Поп же, то есть её муж, как раз наоборот – сделается очень высокий. Но это не смущайтесь. Это пертурбация в ролях – и больше ничего. Даже лучше! Итак, я подаю, товарищи, третий и самый последний звонок!

Выплывает попадья, по одежде точь-в-точь та же, только на коротеньких ножках и пищит, а вслед за нею – высоченный поп, тот же самый: грива, борода, только ряса по колено и ходули-ноги, длинные, в обмотках. В зале смех, возгласы.

Голос 1. Пошто попадье ноги обрубил?

Голос 2. А ну-ка, бабушка, спляши!

Голос 3. Эй, полтора попа!

Изрядно наспиртованный Федотыч едва залезает в будку, но суфлирует на удивление ясно и отчётливо: вся публика, даже та, что в коридоре, имеет удовольствие слушать за раз две пьесы: одну из будки, другую – от действующих лиц.

Федотыч. Не могу от радости опомниться, что дождалась-таки своего дня! А какой же красавчик жених! Коммунист. Как я влюблена, аж горит у меня всё внутри!

Аннушка. Не могу от радости опомниться, что дождалась-таки своего дня! А какой же красавчик жених! Коммунист. Как я влюблена, аж горит у меня всё внутри. *(После небольшой паузы.)* Здесь... и здесь...

Федотыч. Аннушка, родителя, они не в сознании своих средств... Они верят в старый режим и чтут повергнутого тирана... Я таких контрреволюций допустить не могу. Долой насилие личности!

Рабочий коммунист. Аннушка, родителя, они не в сознании своих средств... Они верят в старый режим и чтут повергнутого тирана... Я таких контрреволюций допустить не могу. Долой насилие личности!

Федотыч. Коммунистов не любят только буржуи и буржуйские холуи.

Аннушка. Коммунистов не любят только буржуи и буржуйские холуи.

Федотыч. Зачем я божился, клялся, падал перед вашей дочкой на колени?

Буржуй-жених *(обращаясь к родителям).* Зачем я божился, клялся, падал перед вашей дочкой на колени?

Федотыч. Вон, вон с нашего двора!

Отец Аннушки (Филат) *(на рабочего коммуниста).* Вон, вон с нашего двора!

Федотыч. Чтоб вами тут и не пахло!

Мать Аннушки. Чтоб вами тут и не пахло!

Федотыч. Да, свинство необразованное!

Буржуй-жених. Да, свинство необразованное!

Федотыч. Вон из нашего дому! В случае ваших поступков могу открыть стрельбу пачками по поперечности всего села.

Рабочий коммунист *(обращаясь к Буржую-жениху).* Вон из нашего дому! *(Достаёт деревянный маузер.)* В случае

ваших поступков могу открыть стрельбу пачками по продольности всего села.

Федотыч. Страсть какая злобная – перцем не корми.

Буржуй-жених. Страсть какая злобная – луком не корми.

Рабочий коммунист. Идите, идите отсель. *(Напирает вместе с Аннушкой на Буржую-жениха.)*

Тут же возвращаются уже с ребёнком, кладут его в люльку.

Голос 1. Вот те на... Не поцеловались ишшо ни разу, а ребёночек уже тут...

Голос 2. У нецелованных детишек не бывает.

Трофимовна *(полушёпотом).* Цыть. Фома неверующий. Ещё как бывает.

Федотыч. Тятя, вот тебе наш рябёночек, покачай его. Нам некогда. У нас собрание партячейки.

Аннушка. Тятя, вот тебе наш рябёночек, покачай его. Нам, того, некогда. У нас собрание партячейки.

Супруги удаляются.

Федотыч. Ребёнок начинает плакать.

Ребёнок начинает плакать.

Поп (кузнец Филат) *(начинает качать люльку).* Это ребёнок коммунистический. *(Поёт басом колыбельную.)*

Баю-баюшки-баю,

Коммунистов признаю...

Ты лежи, лежи, лежи

И ногами не дрожи...

Мать Аннушки *(злобно).* Достукалась, притащила ребёночка. А коммунистишку-то твоего опять на войну гонят...

Гаснет свет. По проходу возвращаются Таня с Товарищем Васютиным. Садятся на свои места.

Сцена 11

Аннушка. О, горе мне, горе!.. *(Подсаживается к люльке, чтобы произнести над ребёнком монолог.)* О, горе мне, горе!.. Сиротинушка моя!... *(Влипает глазами в будку.)* В будке хрипит, фыркает, потом на весь зал раздаётся: «Чччих!»

Федотыч. Эй, Пашка! Дайте-ка скорей огонька... У меня све... А-п-чих!.. Свеча погасла.

За сценой беготня, шёпот, перебранка: все спички вышли, зажигалка не работает.

Аннушка *(безнадёжно)*. О, горе мне, горе!..

Федотыч *(вылезая из будки)*. Погоди ты... Го-о-ре!.. У тебя горе, а у меня вдвое. Видишь, свеча погасла. *(Подползает к краю сцены.)* А-п-чих!.. Товарищи... А-п-чих!.. Тьфу, пятнай ты черти!.. Нет ли серянок у кого?

Голос 2 *(весело)*. На, дедка...

Голос 3. На-на-на.

Аннушка *(над люлькой)*. Ой, забрали твою тятеньку в Красную армию. И никто не узнает, где могилка его. О, горе мне... нам... О, горе нам. Да на кого ж он нас покинул? Сразился с мировой контрреволюцией, чтоб ей в неглубоком месте утонуть, и остался лежать в земле сырой во веки веков. И некому за нас заступиться... *(Рыдает.)* Кончилась нам масленица. *(Ребёнок заливается слезами.)* Пропал пастушок наш...

Голос 1. Дай ему титьку!

Женский голос. Поди заплакался ребёночек-то...

Занавес. На сцену к будке суфлёра подбегает Павел Мохов.

Павел *(зло)*. Дядя ты мне или последний сукин сын?! Неужто не мог после-то нажраться! Таковую, дьявол старый, устроил полемику со своей свечкой...

Голос 3. Эй, ахтёры! Работайте поскорейча... Которые уж спят давно.

Павел и Федотыч скрываются за кулисами. Сцена поворачивается. Закулисье. Павел Мохов сыплет в дуло ружья

порох, утрамбовывает. Дед, Поп (кузнец Филат), Попадья, Буржуй-жених, Молодой актёр. Звуки спектакля: пляски, хоровод.

«Во саду ли, в огороде

Девушка гуляла,

У ней русая коса,

Лента голубая.

Ух, ух, уха-ха –

Что вы, что вы,

что вы, что вы».

«Шла матрёшка по дорожке,

Потеряла две серёжки,

Две серёжки, два кольца,

Целуй, девка, молодца».

Голос Аннушки. Ой, примете ли меня в свой кружок, девушки-подружки?

Женский голос. Да заходи непременно в кружок. Ты же солдатка.

Молодой актёр *(встаёт, подходит к заднику, голосом изображает петуха)*. Ку-ка-ре-ку, кукареку...

Голос Аннушки. Ой, уже петухи запели. Побегу домой, ребятёночек-то проснётся, а мамки и нету. Обкакается ещё...

Молодой актёр. Ку-ка-ре-ку, ку-ка-ре-ку... Ко-ко-ко-ко-ко. Дед. Павел Терентьич, а вот скажи мне: почему это мерзавец буржуй-жених, которого надысь зарезали, – живой?

Павел. В этом и есть вся трагедь. Никто не ожидает, что он живой. Он должен внезапно появиться и смертоносной пулей сразить несчастную Аннушку. А я, вишь, ружьё заряжаю? Грохну как из пушки. Озвучу этот выстрел. Это и есть гвоздь пьесы.

Сцена поворачивается.

Аннушка. Какой хороший вечер. Спи, мой маленький, спи. Чу, коровушка мычит. *(Мычит корова.)* Чу, собачка

взлаяла. *(Лает собака.)* А как птички-то чудесно распевают! Чу, соловей... *(Поёт соловей.)*

Появляются девушки, парни. Начинают хоровод. Свистит соловей, крикают утки, квакают лягушки, мычит корова.

Аннушка *(говорит сквозь слёзы)*. Дайте и мне, подруженьки, посмотреть на вашу весёлость... Папаша и мамаша выгнали меня из дому с несчастным дитём. А супруг мой, коммунист, убит белыми злодеями. Которые сутки я голодная иду.

Аннушка горько всхлипывает. Её утешают, ласкают ребёнка. За кулисами ржёт конь, мяукает кошка, квохчут курицы, хрюкает свинья.

Федотыч. Ах, ах! Возвратите мне мои счастливые денёчки!

Аннушка. Ах, ах! Возвратите мне мои счастливые денёчки! *Вдруг из-за кустов выскакивает Буржуй-жених, в руках у него деревянный пистолет. Все видят, как за кулисами Павел Мохов взводит курок.*

Буржуй-жених. Ах, вот где моя изменщица! *(Кинулся к Аннушке.)* Вон! Всех перестреляю!

Визг, топот, гвалт – и сцена вмиг пуста. Жених хватается ребёнка, ударяет его головой об пол и швыряет за кулисы.

Буржуй-жених. Ну-с! *(Крикнув, дёргает Аннушку за руку.)* Павел Мохов прикладывает ружьё к плечу, готовится выстрелить.

Аннушка *(вся трепеща)*. Ведь мы же с папочкой и мамочкой полагали, что вы зарезаны...

Буржуй-жених. Ничего подобного... Ну, паскуда, коммунистка, молись Богу. Умри, несчастная! *(Направляет пистолет в грудь Аннушки.)*

Аннушка *(закачалась и оглянулась назад, куда упасть)*. Ах, прощай, белый свет!..

Павел Мохов сладострастно спустил курок, но самопал дал осечку. Пауза.

Буржуй-жених *(свирепо)*. Умри, несчастная!

Аннушка *(отчаянно)*. Ах, прощай, белый свет!..

Павел Мохов трясущейся рукой всовывает новый пистон, но самопал опять даёт осечку. Ругаясь и шипя, Павел выбирает из проржавленных пистонов самый свежий. Жених умоляюще взглядывает на кулисы и, покрутив над головой пистолет, вновь направляет его в грудь донельзя смутившейся Аннушки.

Буржуй-жених. Умри, несчастная!

Голос 1. Чего ж она не умирает-то!

Аннушка *(стонет)*. Ах, прощай, белый свет!..

Ружьё за кулисами третий раз даёт осечку.

Буржуй-жених. Тьфу! *(Бросает свой деревянный пистолет и удаляется.)*

Аннушка же совершенно не знает, что ей предпринять, наконец, закачавшись падает.

Голоса за сценой. Занавес! Занавес давай!

Как гром, гремит выстрел.

Товарищ Васютин *(быстро поднимается на сцену)*. Товарищи! Я член репертуарной коллегии драматической секции первого сектора уездного культгитпросвета... Раньше буржуи и всякая разная примазавшаяся к ним разночинство восхищались грустными вещами. Восторгались печальными фактами. Прежние интеллигенты и вообще, знаете, старая Россия особенно имела такой восторг ко всему печальному. И находила чего-то в этом возвышенное. Взять, к примеру, театр. Там главный герой, при виде какой-нибудь особы, говорил: «Ах, у неё, знаете ли, такие прекрасные грустные глаза! И такое печальное поэтическое личико...» А за что ж тут хвалить? Напротив, надо сочувствовать и надо вести названную особу на медицинский пункт, чтоб выяснить, какие болезни подтачивают её нежный организм и почему у неё сделались печальные глаза...

Голос 2. Жалаим!

Голос 3. Толкуй по-хрещёному!.. По-русски...

Товарищ Васютин. Товарищи! Главный дом соседнего с вами совхоза обращается в народный дом для разумных развлечений. Я имею бумагу. Вот она. Советская власть охотно идёт навстречу вашим духовным запросам. А теперь кричите за мной: автора, автора, автора!

Все актёры в зале. Автора, автора, автора. (*Товарищ Васютин заглядывает за сцену.*)

Товарищ Васютин. Товарищ Мохов! Как вам не стыдно? Вас вызывает публика. Слышите? Ну, пойдёмте скорей.

Плачущий Павел Мохов вытирает кулаками глаза и не может понять, что с ним происходит. Машинально кланяется.

Товарищ Васютин. Товарищи! Вот пред вами автор, сочинитель пьесы, которой вы только что любовались... Почтим его. Да здравствует талантливый Павел Мохов! Bravo! Bravo! (*Хлопает в ладоши.*)

На сцену выходят актёры, хлопают автору, за ними весь зал. Федотыч, пошатываясь, выходит из будки и приближается к Павлу Мохову.

Голос 1. Бра-в-во! Биц-биц-биц!

Голос 2. Bravo! Молодец, Пашка!

Голос 3. Ничего...

Женский голос. Жалаим...

Голос 1. Павел, говори! Чего молчишь?..

Товарищ Васютин. Почтим от всех присутствующих! Ура! Павел смотрит орлом на Таню и в каком-то телячьем восторге, захлёбываясь, начинает речь.

Павел. Товарищи! Да, я действительно есть коллективный сочинитель...

Федотыч плюёт в кулак и, крикнув, бьёт Павла Мохова по затылку, так что Павел падает, не устояв на ногах.

Федотыч. Я те дам, как дядю за грудки брать! (*Крутя кулаком над Павлом, продолжает хрипеть.*) Я те почту от всех присутствующих!..

Сцена 12

За столом в избе Павла Мохова он сам и Федотыч. На столе нехитрая снедь: четверть самогона, солёные огурцы, картошка.

Федотыч. И куды подевалась Танька?

Павел. С товарищем Васютиным в город укатила.

Федотыч. Ты, племяш, не сердчай, что я те по шее приурезал. А вот ежели такие теятеры будем часто представлять, у нас не останется ни мебели, ни девок.

Занавес.

Литературно-художественное издание

Ардт Александр Оттович

Этот день Победы!

Пьесы

Составитель серии Алина Полякова

Выпускающий редактор серии Ольга Моторина

Редакторы Алексей Шорохов, Ольга Моторина

Корректор Виктория Денисова

Оригинал-макет – Любовь Шушпанова,

Ольга Моторина

Оригинал-макет подписан в печать 29.07.2022

Формат бумаги 70x100/32. Печать офсетная.

Объём 7 уч.-изд.л. Тираж 100 экз.

Адрес редакции: г. Москва, ул. Арбат, д. 35, оф. 218

Тел. +7 (916) 620-05-82,

+7 (985) 710-70-20.

E-mail: rudrama@mail.ru

Отпечатано

+7 (495) 734 00 86

<https://izdanie-knig.ru>